

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

ИММ

1/2021

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78825

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук
(ред. 01.01.2019 г.) по историческим наукам, по научным специальностям: 07.00.02 —
Отечественная история, 07.00.03 — Всеобщая история (соответствующего периода)*

2021**Ежеквартальное издание****№ 1**

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакция

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (*главный редактор*)

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

Международная редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **Г. В. Корзенко**,

Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

доктор исторических наук, профессор **Р. А. Михнева**,

Варненский свободный университет «Черноризец Храбър», Болгария (Варна)

главный редактор «Русского альманаха» **З. Паункович**, Сербия (Белград)

доктор исторических наук, профессор **Р. Юрковский**,

Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

*Издается НОЦ «Интеллигенция и интеллектуалы в мировой и отечественной истории
и политике» при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

Электронная копия журнала размещена на сайтах

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceed.com

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НОЦ «Интеллигенция и интеллектуалы
в мировой и отечественной истории
и политике» при ИвГУ, 2021

© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
университет», 2021

INTELLIGENTIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(Registry entry ПИ № ФС 77-78825 on 30.07.2020)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 01.01.2019)
on historical sciences, on scientific specialties: 07.00.02 — National history,
07.00.03 — General history (the corresponding period)*

2021

Quarterly

№ 1

Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Edition

Assoc. Prof. **Vasily Chernoperov**, Dr. of History (*Editor-in-Chief*)

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Prof. **Galina Budnik**, Dr. of History

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of History

Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

International Editorial Board

Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of History,

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)

Prof. **Rumyana Mikhneva**, Dr. of History,

Varna Free University “Chernorizets Khrabar”, Bulgaria (Varna)

Zorislav Paunkovic, Editor-in-Chief of the “Russian almanac”, Serbia (Belgrade)

Prof. **Roman Jurkowski**, Dr. of History,

University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

*Edited by the Scientific and Educational Center “Intelligentsia and Intellectuals in World
and National History and Politics” of Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.

No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Scientific and Educational Center
“Intelligentsia and Intellectuals in World
and National History and Politics”
of Ivanovo State University, 2021
© Ivanovo State University, 2021

Редакционный совет

- Ю. М. Воронов** Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- О. В. Золотарёв** Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
- И. В. Купцова** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторак** Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный химико-технологический университет
- А. В. Репников** Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
- Г. С. Смирнов** Ивановский государственный университет
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьёв** Костромской государственный университет

Editorial Board

Yu. M. Voronov	Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
O. V. Zolotaryov	Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
I. V. Kuptsova	Lomonosov Moscow State University
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University of Chemistry and Technology
A. V. Repnikov	Russian State Archive of Social and Political History (Moscow)
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiriyakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
G. S. Smirnov	Ivanovo State University
F. Kh. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Solovyev	Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Олейник О. Ю.* О значении научного наследия
В. С. Меметова 9

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Балдин К. Е.* Служебное положение медицинской
интеллигенции Иваново-Вознесенска на рубеже
XIX—XX в. 30

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Эрлихсон И. М.* Концепция гражданского правопорядка
и свободы в поздней публицистике Г. Филдинга 50
- Вязинкин А. Ю.* «Демократический реализм» Уолтера
Липпмана 69

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Дударенок С. М.* Нетрадиционные религии
и дальневосточная интеллигенция в 1990-е годы 82

ДЕБЮТ

- Игнатьева Е. А., Шматов М. Ю.* Образы социально-
политических преобразований в СССР в зарубежной
эмигрантской прессе (1929 — конец 1930-х гг.) 103

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Смирнов Г. С.** «Глобальный профессор» в зеркале методологического супрематизма: русская репрезентация. Рец. на кн.: Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. / пер. с нем. К. Левинсона; пер. с польск. Д. Добровольского; под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 386 с. 123
- Евсеев В. А.** Джакомо Соранцо — профессиональный дипломат эпохи раннего Нового времени. Рец. на кн.: *Третьякова М. В.* Дипломатическая деятельность Венецианского нобилиа XVI века Джакомо Соранцо. Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2018. 402 с. 132

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Смирнов Д. Г.** Всероссийская научная конференция с международным участием «Российский региональный университет: информатизация, цифровизация, гуманизация», Иваново, 11—12 декабря 2020 г. 140
- Аннотации и материалы для цитирования** 155
- Информация для авторов** 196

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Oleynik O. Ju.* On the significance of V. S. Memetov's scientific heritage..... 9

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Baldin K. E.* The official position of the medical intelligentsia of Ivanovo-Voznesensk at the turn of the 19th — 20th centuries 30

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Erlihson I. M.* The concept of civil order and freedom in late publicism in H. Filding 50
- Vyazinkin A. Yu.* “Democratic Realism” by Walter Lippmann 69

INTELLIGENTSIA, RELIGION, CHURCH

- Dudarenock S. M.* Unconventional Religions and Far Eastern Intellectuals in the 1990s 82

DEBUT

- Ignatieva E. A., Shmatov M. Yu.* Images of socio-political transformations in the USSR in the foreign expatriate press (1929 — late 1930s) 103

MAKING CONCLUSIONS

- Smirnov G. S.*** “Global Professor” in the Mirror of Methodological Suprematism: Russian Representation. Review to: Class of Russian Professors. Creators of statuses and meanings: collective monograph / trans. from Germ. K. Levinson; trans. from Pol. D. Dobrovolsky; E. A. Vishlenkova, I. M. Savelyeva (ed.) Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2013. 386 p. **123**
- Evseev V. A.*** Giacomo Soranzo — Professional Diplomat of the Early Modern Era. Review to: *M. V. Tretyakova*. Diplomatic activities of the 16th century Venetian noble Giacomo Soranzo. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2018. 402 p. **132**

SCIENTIFIC LIFE

- Smirnov D. G.*** Russian scientific conference with international participation “Russian Regional University: informatization, digitalization, humanizatio”, Ivanovo, December 11—12, 2020 **140**
- Annotations and materials for citing** **174**
- Information for authors*** **196**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

*Редакция журнала «Интеллигенция и мир»
приурочивает данную публикацию ко дню рождения
одного из первопроходцев в изучении интеллигенции
в России и основателя настоящего журнала В. С. Меметова,
которому 22 февраля исполнилось бы 82 года*

DOI: 10.46725/IW.2021.1.1

О. Ю. Олейник

О ЗНАЧЕНИИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ В. С. МЕМЕТОВА

Введение

Актуальность. Память — основа саморефлексии человека и его миропознания. При этом порой она непредсказуемо избирательна: стирает важное и сохраняет малозначительное. Но во всех ее сегментах присутствует некая пропорция: о чем-то можно вспомнить, а чего-то нельзя забыть. Принято говорить, что воспоминания, позволяющие воспроизводить в сознании прежние впечатления и возвращаться к тому, что дорого, даются нам как «дар памяти». Мы же отдаем «дань памяти» и «чтим память».

© Олейник О. Ю., 2021

Олейник Олег Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина, oleo195@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin).

связывая это с различными событиями или конкретными людьми, оставившими в нашей жизни неизгладимый след.

Валерий Сергеевич Меметов (1939—2019) оставил именно такой незабываемый и светлый след в судьбах многих людей. Это получило выражение и в его человеческом влиянии как незаурядной личности, и в его титанической организаторской деятельности в науке, и в результатах его многогранного научного творчества. Но если о самой личности доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В. С. Меметова, его роли в организации интеллигентоведческих научных центров и развитии исследований в этой сфере сказано уже немало, то обстоятельное системное осмысление его собственных научных взглядов в должной мере еще не состоялось. Решению данного вопроса и посвящается настоящая статья.

Постановка вопроса. В представленном материале сделана попытка дать системное изложение научных взглядов В. С. Меметова и определить его вклад в интеллигентоведение.

Следует оговориться, что всесторонняя полноценная оценка значения научного наследия В. С. Меметова предполагает проведение обобщающего комплексного и, наверное, коллективного исследования. На пути к решению этой задачи можно попытаться остановиться лишь на некоторых аспектах, отражающих вклад ученого в изучение интеллигенции и в развитие российской исторической науки.

Методология и методы исследования. В данном исследовании автор стремился руководствоваться принципами историзма и научной объективности. Конечно, при анализе событий теми, кто являлся их непосредственным участником, равно как и при оценке людей, с которыми связывали долгие годы сотрудничества, неизбежна доля определенного субъективизма. Вместе с тем в положении очевидца есть и некоторое преимущество, заключающееся в возможности соотнести мнение других со своим видением проблемы. Будучи учеником Валерия Сергеевича, понимаю, что беру на себя серьезную ответственность, пытаюсь дать оценку научному наследию своего наставника. Однако рассматриваемый в данной статье предмет достаточно дистанцирован от личных отношений. Кроме того, в основу анализа легло, прежде всего, рассмотрение точек зрения различных представителей научного

сообщества — признанных специалистов в изучении проблем интеллигенции. С этой целью использован аксиологический подход, позволяющий выяснить то место, которое занимают результаты исследований ученого в системе научного знания, и установить степень их востребованности научным сообществом.

Мера интереса к ученому и его наследию определяется преимущественно степенью востребованности результатов его научного творчества обществом, современниками и потомками. То же можно сказать и применительно к творчеству писателя, художника и т. д. Поэтому, в конечном итоге, объективная оценка значения научного наследия возможна только по прошествии достаточно длительного промежутка времени. Вместе с тем суждение потомков об этом будет тем более близко к истине, чем менее оставит без внимания и мнение современников (в источниковом или историографическом отношениях).

Казалось бы, сегодня существуют объективные, находящиеся в открытом доступе и размещенные на платформе национальной информационно-аналитической системы РИНЦ аналитические инструменты определения результативности деятельности ученых: сведения о публикационной активности и цитируемости, индекс Хирша и другие наукометрические расчеты. Конечно, это бесспорно важные, но все-таки не достаточные показатели. Сами по себе они не отражают, например, качество публикаций, уровень поддержки научным сообществом их содержания, не учитывают многие из тех работ, что появились до создания указанной платформы в 2005 г.

Использование в данной статье статистического метода обусловлено тем, что количественные показатели помогают оценить вклад ученого в рассмотрение тех или иных проблем, степень его участия в их обсуждении, уровень представления результатов проведенных исследований и т. д.

Историко-биографический метод применен в целях выделения этапов научной биографии и эволюции исследовательских интересов В. С. Меметова, а также выявления наиболее значимых качеств его личности как ученого в контексте той роли, которую он сыграл в развитии научных исследований интеллигенции.

Историко-генетический метод, являясь по своей логической природе аналитически-индуктивным средством познания, дал

возможность на основе систематизации конкретных фактов и результатов научного творчества В. С. Меметова сделать общие выводы относительно его вклада в постановку и решение различных проблем изучения интеллигенции.

Основная часть

Результаты

Прежде всего, следует отметить, что в научной судьбе В. С. Меметова можно выделить два периода и, соответственно, два «пласта» его научного наследия.

Первый период приходится на конец 1960-х — 1980-е гг. В 1966 г. В. С. Меметов завершил учебу на истфаке Московского государственного педагогического университета, где его учителями были известные ученые: И. И. Минц, А. Л. Нарочницкий, Э. Н. Бурджалов, Г. Д. Комков, Л. К. Ерман, С. А. Федюкин. В 1971 г. после окончания аспирантуры он приехал в Иваново. Работал в Ивановском энергетическом институте, затем заведовал кафедрой в Ивановском химико-технологическом институте. С 1988 г. В. С. Меметов возглавил кафедру истории и культуры России Ивановского государственного университета.

В те годы внимание ученого было практически полностью сосредоточено на изучении советской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны. Главным результатом его научного поиска стали диссертации: кандидатская — «Мобилизация московской городской партийной организацией сил интеллигенции в период битвы под Москвой»¹, докторская — «Идейно-воспитательная работа КПСС среди художественной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)»², а также монографии: «Защищая Москву: Интеллигенция столицы в период битвы под Москвой»³ и «Партийное руководство деятельностью художественной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны»⁴.

Это были исследования историко-партийного характера, к которым тогда предъявлялись особые требования, касавшиеся отнюдь не только строгой идеологической выдержанности.

Предполагалось, что качество текста не должно вызывать нареканий в логическом и стилистическом отношениях, а также в соблюдении правил представления научно-методического аппарата. Особое значение придавалось подтверждению формулируемых положений фактическими данными, почерпнутыми из различных источников, в первую очередь — архивных. Это требовало напряженного труда по поиску, обработке, систематизации, анализу эмпирического материала. Например, при подготовке своей докторской диссертации В. С. Меметов продел колоссальную по объему работу, изучив сотни дел из 45 фондов центральных, республиканских и региональных архивов СССР.

Поэтому, с одной стороны, было неизбежно присутствие догматических постулатов и известной шаблонности при изложении учеными того времени их методологической позиции, а также содержания полученных результатов. Но, с другой стороны, были задействованы и факторы соблюдения высокого уровня исследовательской культуры. Думаю, не ошибусь, что у В. С. Меметова именно тогда сформировалась и навсегда сохранилась повышенная взыскательность к логико-стилистическому качеству излагаемого материала. Он мастерски владел способностью четкого, емкого, убедительного текстуального выражения своих мыслей научным языком.

Следует также понимать, что в рассматриваемый период изучение деятельности советской интеллигенции необходимым образом должно было осуществляться в проекции «руководящего и направляющего» влияния партийных структур. Формально в этом не было прегрешения против исторической истины. Вместе с тем каноны историко-партийного формата исследования детерминировали присутствие элемента идеологической риторики, абсолютизовавшей данное влияние.

Отмечая указанное обстоятельство, нельзя, однако, не признать, что работы В. С. Меметова были лишены поверхностности и банальности. Введенный им в научный оборот богатейший эмпирический материал сохраняет актуальность и сегодня, раскрывая все ключевые направления профессиональной жизни художественной интеллигенции в военные годы. Фактографическая насыщенность органически сочетается с историческим анализом событий в процессе рассмотрения политико-массовой,

культурно-воспитательной, военно-шефской и творческой деятельности художественной интеллигенции среди бойцов Красной Армии и труженников тыла.

Сложность проводившегося В. С. Меметовым исследования обуславливалась не только многочисленностью рассматриваемых аспектов, но и весьма широким составом художественной интеллигенции, включающей в себя (и в прошлом, и сегодня, как подчеркивал сам ученый), — «не одну-две, а многочисленные группы креативной интеллигенции», которые хотя и объединены «общностью целей и задач художественного отображения окружающего мира», но отличаются «своей спецификой и особенностью воздействия на умы и сердца людей»⁵.

Немаловажно и то, что в этих работах запечатлено соперничество души, живой трепет сердца ученого. Объяснение этому заключается не только в самом предмете исследования, но также в искренней вере В. С. Меметова в идеалы советского строя и верности им, сохраненной до конца жизни.

В целом, научное наследие В. С. Меметова, относящееся к советскому периоду его исследовательской деятельности, представляет собой, несомненно, значительный вклад в многоплановое освещение исторической картины участия советской интеллигенции в защите своего Отечества.

Второй период научного творчества В. С. Меметова начинается в 1990-е гг. и охватывает тридцать лет — до 2019 г. Он характеризуется сочетанием двух направлений в проводимых ученым исследованиях.

Одно из них связано с развитием историко-культуроведческой традиции изучения судеб отечественной интеллигенции, а также анализом ее роли в политической истории и политической культуре России, ее отношений с властью. Данные аспекты получили воплощение в ряде подготовленных под редакцией В. С. Меметова сборников научных трудов⁶, монографиях⁷ и значительном количестве статей ученого. Примечательно, что первые конференции из числа тех тридцати, организатором которых с 1991 г. стал Валерий Сергеевич, преимущественно также были посвящены этой проблематике.

Другое направление определялось тем, что с конца 1990-х гг. интерес ученого во все большей степени выходит на «цивилизационные просторы» и доминирующими в его научных изысканиях

становятся теоретико-методологические вопросы. Данную эволюцию позволяет проследить перечень его публикаций, приведенный в справочно-библиографическом указателе «Изучение проблем интеллигенции в 1990-е годы»⁸. Показательно, что последние конференции, подготовленные В. С. Меметовым, имели достаточно знаковое название: «Научно-теоретические и методологические основы изучения жизнедеятельности интеллигенции» (сентябрь 2018 г.); «Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы» (сентябрь 2019 г., проведена, увы, уже без участия Валерия Сергеевича).

Расширение исследовательского поля ученого сопровождалось его инициативным участием в создании организационных механизмов, которые способствовали, во-первых, выведению научного изучения интеллигенции на новые рубежи, во-вторых, — обеспечению связи традиций и новаций в этой сфере, в-третьих, — сохранению преемственности в формировании новой генерации интеллигентоведов.

В этом утверждении опираюсь на опыт более чем 30-летнего личного общения с Валерием Сергеевичем. Знакомство с ним произошло в 1988 г., когда мне посчастливилось стать его аспирантом. Защита диссертации, выполненной под его научным руководством, прошла 6 декабря 1991 г. и прочно отпечаталась в памяти отчасти еще и потому, что спустя два дня «Беловежское соглашение» положило конец существованию СССР.

Дальше, как известно, наступили весьма трудные для нашей страны и отечественной науки времена. Однако именно на этот период приходится пик активности В. С. Меметова как организатора науки. С удивительной силой проявились его целеустремленность, сила воли, коммуникативный талант и подвижническая роль в создании на базе Ивановского государственного университета (ИвГУ) научного центра изучения интеллигенции, признание которого вышло далеко за пределы России, поскольку помогло установлению тесных связей ученых-интеллигентоведов и координации их исследовательской деятельности.

Очень точной представляется мысль профессора В. С. Волкова о том, что талант организатора научных исследований более редок, чем талант исследователя. В. С. Меметов ярко проявил оба эти таланта, когда «добровольно, в силу общественного долга

взял на себя функцию собирателя и координатора научных сил, которые были привержены изучению истории интеллигенции»⁹. Так же справедливо и мнение профессора А. В. Зябликова: «Можно запустить интересный научный проект, но удерживать его на плаву в течение многих лет — задача гораздо более сложная. У Валерия Сергеевича это получалось»¹⁰.

Валерий Сергеевич Меметов был зодчим науки. Благодаря его усилиям на исходе XX столетия изучение проблем интеллигенции вышло на качественно новый уровень, обрело новый масштаб и получило воплощение в самостоятельной отрасли научного знания — интеллигентоведении.

Именно В. С. Меметов в 1996 г. впервые дал, а в последующие годы развил убедительное научное обоснование правомерности употребления данного понятия¹¹. В понимании ученого оно обозначает «синтезирующую науку» на стыке различных гуманитарно-социальных знаний, воплощающую не просто «сложение» возможностей изучения интеллигенции в истории, философии, культурологии, психологии, политологии и других науках, а самостоятельное научное направление¹².

В 1998 г. В. С. Меметов возглавил созданный в ИвГУ по его инициативе НИИ интеллигентоведения, сплотивший исследователей интеллигенции в качестве активно и успешно функционирующего флагмана нового междисциплинарного научного направления¹³.

В том же году усилиями ученого при ИвГУ был учрежден диссертационный совет по двум научным специальностям: отечественная история и всеобщая история, бессменным председателем которого В. С. Меметов оставался в течение всего 20-летнего периода его существования. Первое заседание совета состоялось 10 апреля 1998 г. Поскольку на защиту была вынесена моя докторская диссертация, этот день запомнился во всех деталях. Но особенно волнующим и значимым стало то, каких выдающихся ученых Валерий Сергеевич привлек к участию в процедуре защиты: А. И. Аврус, И. Я. Биск, М. Е. Главацкий, В. Р. Веселов, В. С. Волков, В. Т. Ермаков, А. В. Квакин, С. А. Красильников, В. В. Москвин, И. И. Осинский, В. Л. Соскин.

В этой связи, думаю, выражу мнение всех учеников Валерия Сергеевича: он не только ввел нас в храм науки, но и предоставил

уникальную возможность личного общения с корифеями исторической науки: и на заседаниях диссертационного совета, и на ежегодно проводившихся с 1991 г. научных конференциях, посвященных проблемам интеллигенции.

Характеристика феномена научной школы В. С. Меметова, сложившейся в стенах ИВГУ и получившей широкое признание в научном сообществе¹⁴, заслуживает, конечно же, отдельного рассмотрения.

Что же касается личных отношений Валерия Сергеевича со своими воспитанниками, то здесь можно сослаться на достаточно точное наблюдение профессора А. В. Зябликова: «Миссию наставника он исполнял жестко, требовательно, но в то же время деликатно, ни в чем не ущемляя права автора на собственное мнение, а замечания и советы В. С. Меметова в итоге служили улучшению текста. Высокомерность и назидательность, по моему ощущению, вызывали в Валерии Сергеевиче глубокую внутреннюю неприязнь, и сам он всегда был открыт для искреннего разговора с любым собеседником. Не было случая, чтобы профессор отменил назначенную встречу, сославшись на занятость или плохое самочувствие»¹⁵.

Действительно, В. С. Меметов не только внимательно, но и, можно сказать, бережно оценивал научные поиски своих учеников. Он уважительно относился и к личности, и к мнению каждого из них; не навязывал своей точки зрения, но при этом подчеркивал необходимость убедительного подтверждения — и в методологическом, и в историографическом, и в источниковедческом плане — высказываемых ими суждений. К этому стоит добавить, что сам Валерий Сергеевич демонстрировал эталон исследовательского мастерства, добросовестности и работоспособности.

К его жизненной позиции в полной мере применима максима: «Пусть лучше сто раз подведут тебя, чем хотя бы раз подведешь ты». Он отличался высокой степенью самоорганизации и требовательности к себе: никогда не опаздывал, всегда держал слово, не забывал вовремя сделать обещанное, архиротвественно относился к выполнению различных возложенных на него обязанностей, был чрезвычайно взыскателен в вопросах самодисциплины. Данные черты характера проявлялись не только в его отношениях с коллегами и учениками, но и в научном творчестве.

В значительной мере именно В. С. Меметов, благодаря своей энергии и особенному магнетизму личности, сделал очень многое для того, чтобы связать два поколения исследователей интеллигенции — советских и российских. Он стал, пожалуй, ключевой фигурой, содействовавшей транзиту накопленного в этой сфере научного багажа из советской эпохи в современную. На платформе «эстафетности» в развитии знаний он разрабатывал и стратегию дальнейшего научного поиска применительно к различным аспектам интеллигентоведческого дискурса.

Отличительной чертой В. С. Меметова как исследователя было стремление к синтезу вклада его предшественников и достижений его коллег в изучение рассматриваемых проблем. Он испытывал неизменный интерес к новым публикациям не только собственно «интеллигентоведческого», но и более широкого философского, социологического, исторического плана, в которых можно было почерпнуть оригинальные методологические идеи, исследовательские подходы¹⁶.

Ученый часто опирался в своих размышлениях на труды многих известных зарубежных и ведущих отечественных специалистов в различных отраслях научного знания: М. А. Барга, А. Я. Гуревича, Г. С. Кнабе, В. И. Кузищина, Д. С. Лихачева, П. А. Сорокина, В. С. Степина, А. Дж. Тойнби, Ж. Т. Тощенко, М. Фуко, К. Ясперса и др.

Историография проблем интеллигенции всегда оставалась для него предметом самого пристального внимания¹⁷. Известный историк интеллигенции профессор В. Л. Соскин, указывая, что ее плодотворное изучение нуждается в регулярном историографическом сопровождении, особо подчеркнул личный вклад В. С. Меметова в эту сферу¹⁸.

В частности, В. С. Меметов считал, что долгое время сдерживающими факторами комплексного изучения интеллигенции оставались «определенный консерватизм ее исследователей, “зауженность” поисков теоретико-методологических подходов строго установившимися в истории хронологическими рамками, “видение” проблемы через призму только “собственной” научной дисциплины, “своих” источников и т. д.»¹⁹.

Исходя из этого, в своих работах он не только обозначил потребность выхода за узкие хронологические рамки того или иного десятилетия, либо одного века в изучении интеллигенции, но и дал этому всестороннее обоснование. Широкий отклик получил его призыв к ученым, специализирующимся на изучении истории Древнего мира, Средних веков, Нового и Новейшего времени «сесть за общий стол для решения общепрофессиональных задач»²⁰.

Тщательно анализируя научные позиции и критически аккумулируя взгляды других исследователей, В. С. Меметов настойчиво аргументировал необходимость и наглядно продемонстрировал пример комплексного междисциплинарного подхода к изучению интеллигенции. В итоге, по признанию коллег, «ему удалось создать и развить новаторский подход, объединив и творчески переработав методы сразу нескольких дисциплин (философии, истории, социологии, культурологии и др.) Данный подход заставлял исследователей по-новому проводить анализ целого ряда сложных вопросов (как практического, так и теоретического плана), непосредственно связанных с деятельностью интеллигенции»²¹.

Очень много В. С. Меметову приходилось редактировать: и монографии, и учебно-методические издания, и материалы конференций, и научные сборники, и статьи в российском междисциплинарном журнале «Интеллигенция и мир», главным редактором которого он являлся с момента его учреждения в 2001 г. Значительную часть времени ученого занимало оппонирование диссертаций и рецензирование авторефератов, ведение документации возглавляемого им диссертационного совета, а также кропотливая правка работ его многочисленных учеников. К этому добавлялась напряженная учебно-педагогическая, организаторская, общественная деятельность, и нет ничего удивительного, что сам ученый публиковался не так часто.

С сожалением приходится констатировать, что его научное наследие подобно айсбергу, только верх которого можно обозреть, а его основной массив составляет невидимая часть: неизданное. В. С. Меметов не оставил и какой-то отдельной монографии с цельным изложением своего учения об интеллигенции.

Но, даже не смотря на указанные обстоятельства, сегодня можно с уверенностью констатировать, что произошедший на рубеже XX—XXI вв. прорыв в изучении проблем интеллигенции во многом обусловлен оригинальными идеями и положениями, сформулированными и обоснованными в трудах В. С. Меметова. Именно он положил начало формированию теоретико-методологической парадигмы интеллигентоведения как нового исследовательского дискурса и своего рода пути научного самопознания интеллигенции.

Обсуждение

Не претендуя на полноту освещения всех проблем, разрабатывавшихся В. С. Меметовым, остановимся лишь на некоторых из них, привлечших его внимание в контексте осмысления сущности, задач и содержания «выпестованного» им интеллигентоведения.

Ученый дал концептуальное обоснование классификации научных подходов к определению понятия «интеллигенция», определил методологический вектор ее типизации, убедительно обосновал ее ключевые признаки и особенности как объекта изучения.

Он определил параметры обобщающего анализа многовековой истории интеллигенции в России и мире, изучения ее как цивилизационного феномена, начиная с самых истоков зарождения. На основе такой ретроспекции им был заложен теоретический фундамент трактовки объекта и предмета интеллигентоведения как отрасли научного знания.

Стержневой проблемой исследований в этом направлении В. С. Меметов считал комплексное изучение различных аспектов бытия интеллигенции в мировом историческом процессе. Сравнивая ее с живым организмом, он стремился обозначить характерные для нее черты генезиса, развития, деятельности. Определяя перспективы существования интеллигенции, ученый не соглашался с доводами о ее скором исчезновении или замене неким «креативным классом», доказывая реальность ее дальнейшей исторической трансформации.

Ученый полагал, что научно корректным является изучение феномена интеллигенции «из глубины веков» в рамках цивилизационного подхода с использованием ретроспективного метода. Он разделял мнение А. Дж. Тойнби, что уже на заре становления человеческого общества выделялись «творческие личности», чья социально-общественная жизнь явилась «необходимым условием становления человека из предчеловека»²². В результате именно их организационно-творческого влияния, считал В. С. Меметов, в предцивилизационный период начинается процесс разделения труда материального и духовного. В этих рассуждениях ученый опирался на мысль К. Маркса о том, что именно появление «немногих привилегированных» личностей, «которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой» повлекло за собой «действительное разделение труда»²³.

В понимании В. С. Меметова интеллигенция уже существовала в государствах Древнего мира в лице отдельных представителей высшего элитарного слоя, а ее генезис он связывал с появлением «прединтеллигенции», заявившей о себе в самих ранних цивилизациях и даже в предцивилизационный период.

В. С. Меметов первым произвел научную разработку категории «прединтеллигенция»²⁴. Он обосновывал утверждение, что зарождение «протоинтеллигенции» (по Г. С. Кнабе, который употреблял этот термин применительно к России конца XV — начала XIX в.²⁵) или «прединтеллигенции» в «до-предцивилизационные периоды» (по собственному определению В. С. Меметова), а также каждой новой генерации интеллигенции, следует искать в недрах, удаленных от нас на тысячелетия и столетия предшествующих исторических эпох²⁶. При этом их своеобразие для каждого народа и государства не исключало общих закономерностей генезиса и развития интеллигенции.

В. С. Меметов дал глубокую научную аргументацию своей позиции, согласно которой, начиная с «осевого времени», каждая следующая историческая эпоха являла собой процесс формирования новой генерации интеллигенции, становясь очередным этапом ее истории. Валерий Сергеевич был убежден в том, что интеллигенция любой цивилизации, как живой общественный организм, прошла в своем развитии абсолютно все этапы и периоды,

присущие только ей: зарождение, формирование, становление общих и специфических национальных сущностных черт, развитие их активной творческой деятельности²⁷. Соответственно, он разделял мнение, что периодизацию истории культуры следует увязывать со сменой поколений интеллигенции²⁸.

Применительно к российской истории ученый поддерживал выделение профессором А. В. Соколовым «палеокультурной стадии» генезиса отечественной интеллигенции (X—XVII вв.), что было «симфонично с теоретико-методологическими выводами представителей ивановской школы интеллигентоведения»²⁹.

Исходя из данных представлений, В. С. Меметов осуществил фундаментальную теоретико-методологическую разработку, с одной стороны, — учения о сущностных чертах интеллигенции, ее идентификации и типологии³⁰, а, с другой стороны, — идеи о преемственности в ее развитии, а также оценки ее социокультурной и общественно-политической роли в контексте мировой истории³¹.

Раскрывая понятие интеллигенции, ученый выделял два аспекта рассмотрения: состав интеллигенции и ее отличительные черты. Применительно к составу, отмечал он, понятие интеллигенции может трактоваться в широком и узком смысле. В первом случае имеются в виду «лица любых социальных слоев и профессий, живущие интеллектуальными интересами и составляющие культурную среду общества», т. е. вся совокупность носителей культурного кода того или иного народа. В узком же смысле — это «социальный слой, который объединяет людей, профессионально занимающихся интеллектуальным и художественным творчеством и получающих доход от этой деятельности». Его представители составляют своего рода нравственный «корсет» общества, выступают его «духовным пастырем», образуют своеобразный «суррогат структур гражданского общества», выражая интересы народа перед властью³².

В плане определения отличительных черт интеллигенции, она рассматривалась ученым как «архисложный социокультурный феномен», в котором выделяются сущностные (первичные) и конкретно-исторические (вторичные) черты. Сущностные черты В. С. Меметов включил в свое определение интеллигенции — «это социокультурная общность, представители которой отличаются

высоким образовательным уровнем и творческим отношением к профессиональной и общественной деятельности, направленной на производство и сохранение достижений культуры и общечеловеческих ценностей»³³.

При этом В. С. Меметов придерживался точки зрения, что интеллигенция не столько хранитель традиций и консервативного начала культуры, сколько творец в ней новых идей, идеалов и ценностей. Ученый разделял мнение академика В. С. Степина, что интеллигенции традиционно присущи «высокая нравственность, интеллектуальная эрудиция, гуманизм, выражающийся не в абстрактной любви к человечеству вообще, а в доброте к людям, уважении к личности и в обостренном чувстве справедливости»³⁴.

Очень интересны также мысли В. С. Меметова, рожденные в ходе анализа трудов академика Д. С. Лихачева. В частности, — об интернациональной по своему духу и характеру творческой деятельности «интеллигенции-посреднице», которая впитывала в себя интеллектуальное и духовное наследие человечества предшествующих веков и на этой основе возвращала науку и культуру уже на собственной национальной основе³⁵.

Ученый был убежден, что в оценке феномена интеллигенции — не только древней, но и новой, современной — не должна господствовать количественная сторона проблемы. В этом отношении Валерий Сергеевич любил употреблять для определения интеллигенции образный термин — «штучный товар». Конечно же, вкладывая в него аксиологический смысл: подчеркивая особую ценность не только интеллектуальных, но и нравственных качеств интеллигенции.

Сочетание таких качеств, в понимании ученого, более органично соотносится именно с понятием «интеллигенция», а не «интеллектуалы», хотя это в равной степени «интеллектообразующие понятия». Представители и тех, и других вместе составляют единый «интеллектно-этический континуум», «интеллектный слой» (данные термины, введенные в 2007 г. профессором А. В. Соколовым, не вызывали возражений и у В. С. Меметова)³⁶. При этом интеллектуалы — часть интеллигенции как более широкой социально-профессиональной общности. Вместе с тем, они отличаются друг от друга по общественной роли:

«Если интеллигенция всегда претендовала на особую ведущую роль в жизни общества, то интеллектуалы, как правило, функциональны в своей интеллектуальной профессиональной деятельности»³⁷.

Анализ общих и особенных черт российской интеллигенции и западных интеллектуалов не случайно занимает значительное место в научном наследии В. С. Меметова. Он признавался: «На протяжении всей сознательной жизни у меня было желание познать этимологию — истинное значение слова “личность”. На мой взгляд, оно вбирает в себя лучшие сущностные черты как интеллигенции, так и интеллектуалов»³⁸. Очевидно, поэтому ученый достаточно много внимания уделил анализу соотношения понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы», «элита», «служащие», «священнослужители», «чиновники», «бюрократия»³⁹.

Профессор О. В. Золотарев правомерно выделяет еще ряд существенных научных результатов, определяющих вклад В. С. Меметова в изучение проблем интеллигенции: научно обоснованная оценка понятийного аппарата интеллигентоведения и типологии интеллигенции, выделение критериев дифференциации интеллигенции как социокультурной группы, сравнительный анализ взаимодействия различных групп интеллигенции и власти, формирование новой научной парадигмы политической культуры российской интеллигенции, определение роли интеллигенции в социально-политических процессах общества, переживающего переходный период⁴⁰.

Заключение

Таким образом, в работах В. С. Меметова поднимались разнообразные историко-культуроведческие и теоретико-методологические проблемы: происхождения и сущностных черт интеллигенции, роли традиций и преемственности в ее эволюции, ее месте и роли в развитии науки, культуры и общества в целом, нравственного выбора на переломных этапах истории и т. д.

Подобно маякам они обозначали фарватер исследовательских подходов его учеников и коллег, а также способствовали

трансляции полученных научных результатов в различные сферы общественной жизни.

Без преувеличения можно утверждать, что Валерий Сергеевич Меметов не только в профессиональной деятельности, но и во всей своей жизни целиком посвятил себя рыцарскому служению Науке. Его научное наследие стало одной из наиболее заметных вех в развернувшейся на рубеже XX и XXI веков трансформации самопознания российской интеллигенции, привнесло определяющую лепту в созидание организационных и концептуальных начал, позволивших вывести всестороннее изучение интеллигенции на новую орбиту. Именно в основании интеллигентоведения как самостоятельной отрасли научного знания он видел главный результат своей научной деятельности⁴¹.

Определяющее же значение научного наследия В. С. Меметова заключается в том, что уже для нескольких поколений ученых оно стало и, несомненно, в дальнейшем продолжит оставаться творческим стимулом и теоретико-методологическим ориентиром научного поиска в исследовании прошлого, настоящего и возможного будущего интеллигенции.

Примечания

- ¹ См.: Меметов В. С. Мобилизация московской городской партийной организацией сил интеллигенции в период битвы под Москвой: дис. ... канд. ист. наук. М., 1971.
- ² См.: *Он же*. Идеино-воспитательная работа КПСС среди художественной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 1983.
- ³ См.: *Он же*. Защищая Москву: Интеллигенция столицы в период битвы под Москвой. М., 1979.
- ⁴ См.: *Он же*. Партийное руководство деятельностью художественной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны. Воронеж, 1985.
- ⁵ *Он же*. Отзыв официального оппонента на диссертацию Раскатовой Елены Михайловны «Советская власть и художественная интеллигенция в 1964—1985 гг.» // Интеллигенция и мир. 2011. № 2. С. 130—131.
- ⁶ См.: Проблемы социально-политического развития российского общества: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново, 1992;

- Интеллигенция в политической истории XX века: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново, 1993; Интеллигенция России: уроки истории и современность: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново, 1996; Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции: межвуз. респ. сб. науч. тр. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново, 1996; Некоторые современные вопросы анализа российской интеллигенции: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново, 1997.
- ⁷ См.: *Данилов А. А., Меметов В. С.* Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново, 1997; *Олейник О. Ю., Меметов В. С.* Интеллигенция, эмиграция, отечество: проблема патриотизма в творческом наследии представителей российского зарубежья 20—30-х годов XX века. Иваново, 1997.
- ⁸ См.: Изучение проблем интеллигенции в 1990-е годы: справоч.-библиограф. указ. / сост. О. Ю. Олейник. Иваново, 2000.
- ⁹ Межвузовские научные центры в интеллектуальном и образовательном пространстве постсоветской России (материалы круглого стола) // *Интеллигенция и мир.* 2014. № 1. С. 31.
- ¹⁰ *Зябликов А. В.* Человек слова и поступка // *Интеллигенция и мир.* 2020. № 1. С. 25.
- ¹¹ См.: *Меметов В. С.* К первым итогам становления «интеллигентоведения» как самостоятельной отрасли научного знания // *Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции: межвуз. респ. сб. науч. тр.* Иваново, 1996. С. 3—14; *Он же.* О некоторых дискуссионных проблемах российского интеллигентоведения // *Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: тез. докл. Междунар. науч.-теор. конф. 23—25 сентября 1998 г.* Иваново, 1998. С. 10—13; *Он же.* Интеллигентоведение рубежа третьего тысячелетия: актуальные проблемы // *Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы: тез. докл. X Междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. Валерию Сергеевичу Меметову.* 22—24 сентября 1999 г. Иваново, 1999. С. 46—52; *Меметов В. С., Кабанов А. Е.* Некоторые рассуждения о принципе историзма в современном интеллигентоведении // Там же. С. 161—163; *Меметов В. С., Садина С. С.* Интеллигентоведение в российских вузах — требование времени // *Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук: исследования и учебно-методические разработки / отв. ред. В. С. Меметов.* Иваново, 2008. С. 16—41; *Меметов В. С., Садина С. С.* Курс «Интеллигентоведение» // Там же. С. 195—205 и др.
- ¹² *Меметов В. С., Садина С. С.* Интеллигентоведение в российских вузах — требование времени. С. 16.

- ¹³ См.: Меметов В. С. К итогам 25-летия МЦ и НИИ интеллигентоведения // Интеллигентоведение: теория, методология, и социокультурная практика: материалы XXV Междунар. науч.-теорет. конф. 25—27 сентября 2014 г. Иваново, 2014. С. 6—9; Кураев А. Н. Место и роль интеллигентоведения в системе социальных и гуманитарных наук // Власть. 2018. № 4. С. 55.
- ¹⁴ См.: Солодовниченко Л. Я., Шимельфениг О. В. Комплексный феномен школы интеллигентоведения профессора В. С. Меметова // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 52—70.
- ¹⁵ Зябликов А. В. Человек слова и поступка. С. 25.
- ¹⁶ См.: Меметов В. С. Философия, интеллигенция и власть // Интеллигенция и мир. 2012. № 3. С. 149—155.
- ¹⁷ См.: Он же. О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 7—26; Меметов В. С., Юркин Н. Г. Листая страницы журнала. (Основные тенденции современного интеллигентоведения) // Интеллигенция и мир. 2013. С. 105—119; Меметов В. С., Комиссаров В. В. Советская интеллигенция в советской историографии: еще раз о проблеме дефиниций // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 70—79 и др.
- ¹⁸ Соскин В. Л. К оценке состояния современной историографии советской интеллигенции // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX в.: тез. докл. и сообщ. науч. конф. 19—20 марта 1996 г. СПб, 1996. С. 3.
- ¹⁹ Меметов В. С. К дискуссии о времени появления и формирования российской интеллигенции // Некоторые современные вопросы анализа российской интеллигенции: межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1997. С. 23.
- ²⁰ Он же. О некоторых дискуссионных проблемах российского интеллигентоведения. С. 12, 13.
- ²¹ Золотарев О. В. Основатель интеллигентоведения // Интеллигенция и мир. 2020. № 1. С. 37.
- ²² Цит. по: Меметов В. С. Формирование и деятельность интеллигенции: закономерности и исторические особенности // Клио. 2011. № 5. С. 10.
- ²³ Там же. С. 10.
- ²⁴ См.: Меметов В. С. О проблеме дефиниций: от понятия «интеллигенции» к «прединтеллигенции» (Постановка вопроса) // Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики: тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф. 24—25 сентября. 1996 г. Иваново, 1996. С. 4—7 и др.

- ²⁵ *Кнабе Г. С.* Перевернутая страница. М., 2002. С. 6—7.
- ²⁶ *Меметов В. С.* Формирование и деятельность интеллигенции: закономерности и исторические особенности. С. 12.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Меметов В. С., Калинин А. К.* Рец. на кн.: Соколов А. В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007 // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 87.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ См.: *Меметов В. С.* О понятийных и интеллектно-образующих связях в современном интеллигентоведении // Специфика социально-политической активности интеллигенции / интеллектуалов в современном мире: материалы XXVII Междунар. науч.-теорет. конф. 22—24 сентября 2016 г. Иваново, 2016. С. 3—6; *Он же.* О сущностных чертах интеллигенции в современном интеллигентоведении // Научно-теоретические и методологические основы изучения жизнедеятельности интеллигенции: материалы XXIX национальной науч.-теорет. конф. с международным участием, посвященной 100-летию создания Иваново-Вознесенского педагогического института, правопреемником которого является Ивановский государственный университет. 20—21 декабря 2018 г. Иваново, 2018. С. 4—6 и др.
- ³¹ См.: *Меметов В. С., Попов А. В.* О некоторых проблемах теории и методологии исследования интеллигенции, ее генезиса и формирования // Интеллигенция и мир. 2005. № 1—2. С. 3—13; *Меметов В. С.* Проблемы теории и методологии генезиса интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2007. № 4. С. 7—15; *Меметов В. С.* Формирование и деятельность интеллигенции: закономерности и исторические особенности. С. 9—13 и др.
- ³² *Меметов В. С.* О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии. С. 7—8.
- ³³ *Он же.* О сущностных чертах интеллигенции в современном интеллигентоведении. С. 5.
- ³⁴ *Меметов В. С., Усманов С. М.* В лабиринтах техногенной цивилизации // Интеллигенция и мир. 2012. № 1. С. 111.
- ³⁵ Цит. по: *Меметов В. С.* Формирование и деятельность интеллигенции: закономерности и исторические особенности. С. 13.
- ³⁶ *Меметов В. С., Калинин А. К.* Рец. на кн.: Соколов А. В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. С. 86.
- ³⁷ *Меметов В. С.* О понятийных и интеллектно-образующих связях в современном интеллигентоведении. С. 4—5.

³⁸ Там же. С. 5.

³⁹ См.: *Меметов В. С., Юркин Н. Г.* К вопросу о соотношении понятий «бюрократия» и «интеллигенция» в работах К. Маркса и Ф. Энгельса // *Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века*. С. 163—166; *Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные... и похожие: проблемы самоопределения и деятельности в XX — начале XXI века: коллективная монография / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов*. Иваново, 2016; *Меметов В. С.* Российская интеллигенция и правящая элита: проблемы взаимодействия и взаимовлияния // *Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы: материалы 30-й Междунар. науч.-теорет. конф., посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, директора НИИ интеллигентоведения при ИВГУ В. С. Меметова (1939—2019 гг.)* 26—27 сентября 2019 г. Иваново, 2019. С. 4—7.

⁴⁰ *Золотарев О. В.* Основатель интеллигентоведения. С. 37—38.

⁴¹ За эти годы сложилось несколько поколений интеллигентоведов...: (интервью Е. М. Раскатовой с В. С. Меметовым) // *Интеллигенция и мир*. 2014. № 1. С. 18.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

DOI: 10.46725/IW.2021.1.2

К. Е. Балдин

СЛУЖЕБНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

Введение

Актуальность. В условиях пандемии, охватившей в 2020 г. практически все страны мира, обострился интерес ученых к истории медицины и развитию санитарно-эпидемиологической обстановки в разные исторические эпохи. Не в меньшей степени актуальной становится такая тема, как роль медицинской интеллигенции в жизни социума, ее служебный, профессиональный и социальный статус в различное время и в разных странах, в частности, в дореволюционной России эпохи модернизации. Argiогі ясно, что в XIX — начале XX в. этот статус был выше, чем в настоящее время, но детали этой ситуации историками пока изучены явно недостаточно. Исследователям предстоит подробно проанализировать встроенность врачей в чиновничью систему дореволюционной России, особенности чинопроизводства в этой профессиональной среде в соответствии с «Табелью о рангах». Также для рассмотрения уровня профессиональной подготовки важно иметь четкое представление о том образовании, которое получали врачи в России.

© Балдин К. Е., 2021

Балдин Кирилл Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Ивановский государственный университет, kebaldin@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University).

Существенно различалось положение, а вместе с ним и статус врачей в двух столицах империи и в провинции. В уездных и безуездных городах таких специалистов в рассматриваемый период было очень мало и востребованность их была высокой. При этом нужно учитывать, что врачебная корпорация в любом городе или уезде условно делилась в зависимости от характера медицинского учреждения на врачей городских, земских, фабрично-заводских, железнодорожных, казенных и частнопрактикующих, последних можно отнести к такой немногочисленной категории населения, как «лица свободных профессий». Служебное и материальное положение этих социально-профессиональных групп медиков имело свои особенности. Свои характерные черты носила и наградная система в этой профессиональной среде, но, наряду с правительственными отличиями, в России в это время все большее значение приобретал профессиональный авторитет среди коллег, общественности и пациентов. Эти и другие проблемы истории важного профессионального сегмента российской интеллигенции ждут своих исследователей.

В Иваново-Вознесенске, население которого накануне Первой мировой войны насчитывало около 150 тыс. чел., до революции функционировали несколько больниц различной ведомственной принадлежности. Самой почтенной по возрасту из них была больница для мастеровых и рабочих (другое название — больница чернорабочих), открытая в 1861 г. Она содержалась на средства местных промышленников и, частично, на деньги самих пациентов-рабочих. В сегменте городской медицины наиболее крупной являлась Куваевская больница, подчинявшаяся городской управе, но содержавшаяся текстильными фабрикантам Н. Г. и Н. Х. Бурылиными. Все остальные медицинские учреждения были значительно меньше по размерам, чем указанные выше две больницы. Среди них стоит перечислить земскую лечебницу, две городских амбулатории, железнодорожную больницу, родильные приюты, а также созданную на частные средства «больницу хроников» (хоспис). Наконец, при каждой крупной фабрике имелся небольшой приемный покой, в который врач наведывался несколько раз в неделю. Во всех этих медицинских учреждениях работали несколько десятков врачей и несколько сотен фельдшеров, акушерок и сиделок (санитарок).

Постановка вопроса. Цель статьи заключается в том, чтобы выявить и обобщить основные черты служебного положения медицинской интеллигенции на примере врачебного сообщества отдельно взятого крупного индустриального города России на рубеже XIX—XX вв.

Цель будет реализована через выполнение следующих задач: во-первых, определить в общих чертах специальное образование, которое в то время получала медицинская интеллигенция; во-вторых, проанализировать алгоритм и темпы чинопроизводства врачей в дореволюционной России; в-третьих, охарактеризовать особенности службы медицинской интеллигенции в экстремальных обстоятельствах войн начала XX в.; в-четвертых, изучить основы наградной системы для профессиональной среды врачей.

Автор не затрагивает в своем исследовании материальное положение медицинской интеллигенции в дореволюционной России, т. е. жалование, пенсии, жилищные условия и т. п., а также повседневную жизнь этого профессионального отряда российской интеллигенции. Это будет темой специального исследования.

Методы исследования. Автор руководствовался в процессе работы такими основополагающими научными принципами, как объективность, историзм и детерминизм, т. е. причинной обусловленностью процессов, явлений и отдельных событий. Также при работе над темой использовались специальные методы исторического исследования: историко-системный, историко-сравнительный и историко-биографический. Автор применил историко-системный метод, рассматривая врачей Иваново-Вознесенска как составную часть губернской, а также всероссийской врачебной корпораций, внутри которых существовало множество профессиональных, деловых, личных и прочих связей. В свою очередь внутри этих социальных «множеств» существовали свои сегменты по ведомственной принадлежности — городские, земские, фабрично-заводские и др. врачи. Историко-сравнительный метод использовался при сравнении положения медиков разной ведомственной принадлежности, а также при сравнении использованных нами источников разного характера и происхождения — делопроизводственных документов

и периодической печати. Историко-биографический метод применялся для изучения просопографического материала, которого в источниках немало.

Источниковедческий обзор. Для исследования данной темы автор использовал комплекс исторических источников, многие из них до сих пор не вводились в научный оборот. Большая часть из них относится к источникам делопроизводственным. Из неопубликованных документов привлекалась служебная переписка должностных лиц и различного рода отчеты, отложившиеся в фондах Государственных архивов Ивановской и Владимирской областей (ГАИО и ГАВО). В частности, это документы из фондов канцелярии губернатора и губернского правления ГАВО (фонды 14 и 40), в них осели отчетные документы и справки, присланные из Иваново-Вознесенска в вышестоящие органы губернского уровня (в то время Иваново-Вознесенск входил в состав Шуйского уезда Владимирской губернии). Из ивановского областного архива автор привлек делопроизводственную документацию Иваново-Вознесенской городской управы (фонд 2) и таких учебных заведений, как реальное училище и женская гимназия (фонды 33 и 35), в которых местные врачи оказывали медицинскую помощь учащимся.

Среди опубликованных документов в основном использовались отчеты двух самых крупных лечебных учреждений Иваново-Вознесенска — больницы для мастеровых и рабочих и Куваевской больницы. В начале XX в. обе они ежегодно издавали свои довольно содержательные отчеты. Анализируя эти отчетные документы, нужно учитывать, что их составители, чаще всего желавшие остаться неизвестными, стремились обратить больше внимания достижениям лечебных учреждений, чем их недостаткам и проблемам.

С осторожностью следует подходить и к материалам периодической печати, в частности, к публикациям использованной нами газеты «Старый владимирец», которая выходила в губернском центре, но широко освещала события в Иваново-Вознесенске. Этот либеральный орган, стремясь завоевать максимально широкую читательскую аудиторию, довольно часто критиковал деятельность больниц, содержавшихся на средства местных фабрикантов, к которым рабочие и служащие местных

фабрик относились в большинстве своем негативно. В связи с этим газетные материалы нуждаются в перекрестной проверке с упоминавшейся выше более объективной отчетной документацией. Также автор использовал перекрестную проверку отчетных документов, оставшихся на уровне города и тех, которые отправлялись губернскому начальству, для этого необходимо было сравнивать однотипные документы областных архивов во Владимире и Иванове.

Основная часть

Профессиональное образование и статус врачей

В позапрошлом и начале прошлого столетия в стране почти не было медицинских вузов для подготовки врачей. Одним из исключений являлась медико-хирургическая академия в Петербурге, выпускавшая в основном военных специалистов. Гражданских врачей готовили медицинские факультеты, которые имелись в большинстве университетов. Большинство специалистов с высшим образованием, служивших в Иваново-Вознесенске на рубеже XIX—XX вв., получили его в Императорском Московском университете. Из врачей, длительное время работавших в городе, только В. Ф. Лебедев являлся выпускником Киевского университета имени св. Владимира¹.

В дореволюционной России существовали две степени (имеются в виду не ученые степени), которые мог получить выпускник вуза. Низшая «учено-практическая» степень называлась «лекарь», высшая — «доктор медицины» или же «доктор медицины и хирургии». Абсолютное большинство врачей, служивших в рассматриваемый период в Иваново-Вознесенске, были... «лекарями». Однако в повседневной жизни они так себя не называли, считая этот термин не слишком серьезным и архаичным. О том, что у них есть именно такая степень, они вспоминали, только заполняя свои служебные формуляры, которые соответствовали тогда современным листкам по учету кадров.

Большинство врачей, работавших в городе, находились на госслужбе, хотя медицинские учреждения, в которых они трудились, зачастую находились в ведении не государства, а органов

местного самоуправления (Иваново-Вознесенская городская дума, Шуйское уездное земство) или же были частными, т. е. финансировались местными фабрикантами. Приглашение врача на службу в эти больницы или амбулатории автоматически влекло за собой обращение местных исполнительных органов (городской или земской управы) к властям с просьбой о предоставлении медику прав государственной службы.

Эта процедура со временем стала настолько обычной, и алгоритм ее был настолько формализован, что вопрос решался в самые сжатые сроки. Например, при поступлении в Куваевскую больницу врача В. Ф. Лебедева в январе 1911 г. совет этой больницы просил городскую управу представить его к правам государственной службы. Управа без бюрократических проволочек сразу же обратилась к губернатору, который тоже очень оперативно, в том же январе месяце дал согласие на принятии В. Ф. Лебедева на госслужбу².

Эта процедура по правилам сопровождалась принесением присяги на «верность престолу и отечеству»: претендент зачитывал текст присяги, а потом подписывал так называемый присяжный лист. Такие документы ежегодно, обычно в январе месяце, собирались из всех учреждений Российской империи и отправлялись в столицу в Сенат³. Насколько нам известно, первый случай коллективного принесения присяги в Вознесенском посаде (предшественнике г. Иваново-Вознесенска) произошел 14 ноября 1860 г., это проделали руководители больницы для мастеровых и рабочих — старший врач, директор и эконом⁴.

Во Владимирском и Ивановском государственных областных архивах сохранились очень информативные для нашей темы документы — списки врачей Иваново-Вознесенска с указанием их чинов по «Табели о рангах». Они свидетельствуют о том, что врач с небольшим стажем работы или вообще без него получал чин титулярного советника, который соответствовал чину поручика на военной лестнице «Табели о рангах». Врачи с более солидным стажем обычно находились в чинах коллежского асессора или надворного советника, что приравнивалось соответственно к военным чинам капитана и подполковника. Опытные врачи с большим стажем дослуживались фактически до полковничьего чина коллежского советника. Коллежскими

советниками являлись по должности руководители медицинского дела в Иваново-Вознесенске, например, городской врач П. А. Алявдин или старший врач больницы для мастеровых и рабочих К. И. Дементьев⁵.

Первоначально у автора после просмотра вышеупомянутых списков сложилось впечатление, что права государственной службы не предоставлялись врачам-евреям: служившие в больнице мастеровых и рабочих Т. В. Циперкус и Я. М. Черкес действительно отмечены как «чина не имеющие». Однако оказалось, что городской санитарный врач Соломон Ильич Польшковский имел немалый чин надворного советника, так что предположение о повсеместной дискриминации по вероисповедальному или национальному признаку пришлось отвергнуть⁶.

По данным за 1911—12 гг., в больнице для мастеровых и рабочих насчитывалось 12 специалистов с высшим образованием, в Куваевской больнице — 4, в 1-й городской амбулатории — 2, во 2-й амбулатории — 1, в городском родильном приюте — 1. Всего, по нашим сведениям, в городе к началу Первой мировой войны работали около 40 врачей. Из них 8 человек имели чин коллежского советника, 4 — надворного советника, 1 — титулярного советника, 2 человека чинов не имели, относительно служебного положения остальных сведений в документах не обнаружено. Многие из них являлись частнопрактикующими врачами и в связи с этим не находились на государственной службе.

Предыдущая служба до приезда в Иваново-Вознесенск

Большой интерес представляют сведения о том, где служили врачи, прежде чем они были определены на те или иные должности в город Иваново-Вознесенск. Как уже отмечалось выше, абсолютное большинство врачей, работавших здесь, окончили медицинский факультет Московского университета, но не сразу после этого отправились в провинцию. Типичным в этом отношении выглядел послужной список врача Беднякова, который в 1895 г. по окончании этого вуза был удостоен степени лекаря и тогда же получил звание уездного врача. Однако он не поехал в какой-либо уезд, а был оставлен, как и другие выпускники, в клиниках того же университета сначала (в 1896 г.) сверхштатным ординатором без жалования, а со следующего

года — уже штатным ординатором с назначением ему некоего «содержания». Таким образом, он проходил ординатуру, осваивая выбранную им специализацию. В 1898 г. Бедняков получил звание акушера и в дальнейшем, приехав в Иваново-Вознесенск и работая в больнице чернорабочих, являлся врачом «по женским болезням»⁷. Служебную траекторию Беднякова сразу после окончания вуза, т. е. прохождения ординатуры в Москве, проделывали и другие иваново-вознесенские врачи.

Самым распространенным типом дореволюционного врача был земский доктор, образ его не раз воспроизводился в художественной литературе. Вспомним в этой связи Дмитрия Ионовича Старцева — героя рассказа «Ионыч» А. П. Чехова. Если в 1870-х годах в среднестатистическом уезде была одна больница, то в начале XX столетия на уезд приходилось 3—4 стационарных земских лечебных заведения с амбулаториями. В Шуйском уезде они находились в Шуе, Иваново-Вознесенске, в селах Кохме, Тейкове, Васильевском, Миловском.

Некоторые врачи, служившие в городских или частных (фабричных) больницах, до того имели определенный стаж работы в сельской местности на земской службе. Наглядный пример того — городской врач Иваново-Вознесенска П. А. Алявдин, который после окончания Московского университета прослужил три года в Юрьевском уездном земстве Владимирской губернии и в 1883 г. перешел на службу с заметным повышением сразу городским врачом в «русский Манчестер»⁸.

С. А. Чернобровцев после окончания медицинского факультета стал участковым земским врачом в селе Васильевское Шуйского района. Как отмечалось в газетном очерке по поводу 25-летнего юбилея его работы, работа на селе была трудной. Через девять лет по его просьбе земская управа перевела его на работу в город Иваново-Вознесенск, здесь он стал заведовать участковой земской лечебницей⁹.

Причины перехода с одного места службы на другое были разнообразными. Среди них самая тривиальная «охота к перемене мест» стояла отнюдь не в первом ряду. Разумеется, некоторым медикам хотелось попробовать себя на различных поприщах, поработать в больницах разного профиля, находившихся в разных уездах или губерниях. Приведенные нами выше

два случая перемены мест, как нам представляется, объяснялись тем, что врачи, трудившиеся в глубокой провинции, испытывали дефицит профессионального и просто товарищеского общения, т. к. в сельской больнице обычно работал один врач, редко — два. Кроме того, им наверняка хотелось сходить в театр, на выставку, в библиотеку более богатую книгами, чем сельская земская читальня и т. п. Это и заставило их переехать на работу в самый крупный в губернии, хотя тоже провинциальный город.

Весьма разнообразной была профессиональная деятельность Николая Александровича Фролова, который долгое время работал старшим врачом Куваевской больницы в Иваново-Вознесенске. Он родился в семье конторщика фабрики Горбуновых в селе Середя (ныне — г. Фурманов Ивановской области). После окончания гимназии в Костроме Н. А. Фролов поступил на медицинский факультет Московского университета и окончил его в 1903 г. Затем, работая ординатором в клинике этого вуза, в свободное время «подрабатывал» в фабричной больнице на своей родине — в Середя, на Кавказских минеральных водах и даже в переселенческом пункте на станции Манчжурия на русско-китайской границе. По окончании ординатуры Н. А. Фролов служил врачом в неврологической клинике Вермеля и Соловьева в Москве. С учетом такого богатого опыта врачебной деятельности, он в 1910 г. был приглашен во вновь открытую и хорошо оснащенную Куваевскую больницу Иваново-Вознесенска, а через несколько месяцев стал ее руководителем¹⁰.

Еще более насыщенным выглядел служебный формуляр врача той же Куваевской больницы Владимира Федоровича Лебедева. Он окончил Киевский университет в 1901 г. и после этого поступил в село Писцово Нерехтского уезда Костромской губернии (ныне — Комсомольский район Ивановской области). Здесь он одновременно заведовал больницей, амбулаторией и родильным приютом, которые находились при местной текстильной фабрике Скворцовых. Об интенсивности его работы свидетельствовало то, что только в амбулатории фиксировалось по 20 тыс. посещений в год. После окончания русско-японской войны, во время которой В. Ф. Лебедев работал в прифронтовом госпитале, он вернулся в Писцово, а с 1907 перевелся в Москву, в Бахрушинскую городскую больницу, где работал в хирургическом

отделении. Таким образом, на момент приема в Куваевскую больницу он имел очень богатый опыт как терапевтической, так и хирургической деятельности в самых разных условиях¹¹.

Многие из врачей, служивших в Иваново-Вознесенске на рубеже XIX — начале XX в., в дальнейшем продолжали работу там же в советский период. Н. А. Фролов, как и прежде, возглавлял Куваевскую больницу, которая после 1917 г. была переименована во 2-ю губернскую больницу. По свидетельствам современников, именно он был лечащим врачом первого «красного губернатора» созданной в 1918 г. Иваново-Вознесенской губернии — М. В. Фрунзе. В частности, он лечил ему ногу, серьезно поврежденную во время полицейских преследований до революции.

Современники отмечали, что Н. Фролов был мягким и ровным в общении, его пациенты, в том числе рядовые рабочие, очень уважали и любили его. Ему приходилось не только исполнять обязанности главврача, но и вести ежедневный амбулаторный прием по несколько десятков больных. Он никому не отказывал в помощи, несмотря на хроническую усталость и частые недомогания. В июле 1924 года он скончался¹². В 1951 г. бывший Жарковский переулок рядом с больницей, где он работал, получил название улицы Фролова, а в 1989 г. учащиеся находящегося рядом энергетического колледжа установили памятный знак в виде стилизованной буквы Ф. На ней укреплена доска с краткой биографической справкой о Николае Александровиче Фролове¹³.

В советский период в той же Куваевской больнице продолжал работать Владимир Федорович Лебедев. Он являлся одним из лучших хирургов в городе и пользовался большим авторитетом у пациентов и медицинской общественности. Его сын Олег Владимирович и внук Владимир Олегович преподавали в Ивановском энергетическом институте (университете), последний являлся заместителем декана факультета информатики и вычислительной техники.

Что касается доктора Н. М. Аржанникова, работавшего в Иваново-Вознесенске частнопрактикующим врачом, то его карьера после 1917 г. развивалась в значительной степени по административной линии. Он в 1920-х гг. работал в городских больницах, губернском отделе здравоохранения, губернском отделе труда, умер в 1926 г.¹⁴

Врачи в учебных заведениях

Кроме основного места службы, чаще всего — городской или земской больницы, почти все врачи трудились еще где-либо. Это могли быть местные фабрики и заводы, различные учреждения, часто медики занимались частной практикой. Особой популярностью в этой профессиональной среде пользовалась работа в казенных учебных заведениях, прежде всего, в гимназиях и реальных училищах.

Врачей привлекал сюда в большей степени не размер жалования. Например, в Иваново-Вознесенском реальном училище К. И. Дементьев, заглядывавший сюда для осмотра учащихся иногда чуть не каждый день, получал на рубеже XIX—XX в. около 300 руб. в год. Его жалование как городского врача было значительно выше. Но его должность как городского врача числилась по ведомству всего лишь местного самоуправления. Продвигаться по лестнице «Табели о рангах» на городской, земской и тем более частной службе было сложнее и медленнее, чем на государственной. Это относилось и к получению правительственных наград. Между тем, реальное училище или гимназия были учреждениями казенными, относившимися к уважаемому ведомству Министерства народного просвещения, поэтому «ценность» службы в казенном образовательном учреждении была высокой.

Показателен в этом отношении тот уровень, на котором утверждалась кандидатура врача в любом среднем общеобразовательном учебном заведении. Это делал не городской голова, не уездный исправник и даже не губернатор, а попечитель учебного округа — чиновник очень высокого ранга в служебной иерархии. Владимирская губерния по линии Министерства народного просвещения относилась к Московскому учебному округу, в который до революции входили 11 губерний центральной России. Именно его попечитель утверждал в должности врача Иваново-Вознесенского реального училища¹⁵.

Служба в государственном учреждении сразу придавала импульс карьере врача. Например, Константин Иванович Дементьев, являвшийся до 1888 г. вольнопрактикующим специалистом, поступил в этом году врачом в Иваново-Вознесенскую женскую гимназию и сразу же получил чин титулярного советника;

через 11 лет, в 1899 г., он являлся уже коллежским советником, а еще через три года получил орден Анны 2-й степени. Правда, его двигала вверх по служебной лестнице не только служба в гимназии, но и должность старшего врача больницы мастеровых и рабочих¹⁶.

Государственная служба по ведомству Министерства народного просвещения была настолько привлекательна для врачей, что они порой устраивались на службу не в одно такое заведение. Например, П. А. Алявдин, занимая уже должность городского врача, ходатайствовал перед начальством утвердить его врачом как реального училища, так и среднего профессионального учебного заведения — Иваново-Вознесенской школы колористов, на что было получено согласие учебного начальства¹⁷.

Медицинская интеллигенция на войне

Врачи считались мобилизованными на экстренную службу в двух случаях — во время эпидемий и войн. Деятельность медиков во время эпидемий в России, в отдельно взятом регионе или городе — это совершенно особая тема, поэтому мы остановимся на участии врачей в войнах начала XX века. Во время русско-японской войны в прифронтовом госпитале работал мобилизованный в 1905 г. хирург Владимир Федорович Лебедев. Он лечил раненых и больных воинов одновременно в трех госпиталях разного профиля — глазном, хирургическом и тифозном в городе Харбин в Манчжурии. В дальнейшем он работал на протяжении нескольких десятков лет в Иваново-Вознесенске в Куваевской больнице¹⁸.

Некоторые из иваново-вознесенских врачей участвовали в русско-японской войне «заочно», работая не в прифронтовых госпиталях, а в тех, которые находились в глубоком тылу, в самом «русском Манчестере». В августе 1904 г. здесь местным комитетом Общества Красного Креста был открыт госпиталь, который действовал до декабря 1905 г., когда отсюда были выписаны последние пациенты. В списке врачей этого госпиталя Красного Креста можно встретить местных городских, земских, фабричных врачей: А. Е. Напалкова, Л. Е. Правдина,

А. Е. Ефимова, А. П. Иванова, М. М. Романова, М. Н. Красовского, С. Я. Дорогова, С. А. Чернобровцева, И. М. Цалкина. Среди них были как молодые медики, так и те, которые обладали большим опытом, в том числе хирургической деятельности. Характерно, что в госпитале работали и те врачи, которые относились к руководящим кадрам местной медицины — старший врач больницы для мастеровых и рабочих К. И. Дементьев и городской врач П. А. Алявдин¹⁹.

Гораздо больше медиков потребовалось для прифронтовых и тыловых госпиталей с началом Первой мировой войны. Боевые действия в ней приобрели гораздо более масштабный характер по сравнению с 1904—1905 гг., и санитарные потери (т. е. ранеными) были гораздо больше. Только из больницы для мастеровых и рабочих в первые же месяцы войны были мобилизованы врачи К. П. Протопопов, Л. Е. Правдин, П. Ф. Францев, Т. В. Циперкус, Г. И. Смирнов, Н. И. Вишняков. Среди них особенно ценными были те, которые уже имели опыт работы в госпиталях во время войны с Японией. По своим медицинским специальностям они были не только хирургами, например, П. Ф. Францев являлся педиатром, но стал лечить раненых воинов. Характерно, что на время боевых действий за ушедшими на фронт были сохранены их места в чернорабочей больнице, а также выплачивалось половина жалования в дополнение к тому, которое они получали во фронтовых госпиталях. Не обошлось без потерь: в июне 1917 г. на Кавказском фронте умер врач этой больницы Константин Павлович Протопопов²⁰.

Мобилизация врачей на фронт во время Первой мировой войны оказала крайне негативное воздействие на деятельность местных медицинских учреждений, лишала их значительной части кадров, в том числе лучших из них. В 1914 г. из Куваевской больницы были мобилизованы врачи В. Ф. Лебедев, В. И. Сушкин, К. Я. Бабаев. Некоторое время в этом медицинском учреждении, одном из крупнейших в городе, оставался только один врач, он же — заведующий ею, т. е. Н. А. Фролов. Затем на помощь ему были переведены из других больниц К. А. Дилигенский и В. К. Корде, которые все равно не могли компенсировать убыль врачебного персонала²¹.

Служебные поощрения и взыскания

Лица, находившиеся на государственной службе, время от времени удостоивались правительственных наград, которые в то время можно еще назвать императорскими, т. к. они жаловались особыми указами монарха.

В то время очень многие награды гражданские служащие получали не за конкретные отличия по службе, а по выслуге лет. При этом награжденный должен был занимать достаточно высокий чин в «Табели о рангах» и прослужить на своей должности определенный срок. В связи с этим совершенно неслучайно, что не раз удостоивался орденов городской врач Иваново-Вознесенска (по современным меркам — начальник городского департамента здравоохранения) П. А. Алявдин. В 1897 г. он был представлен начальством к награждению орденом Анны 3-й степени. В представлении по этому поводу указывалось, что орден испрашивается «за прослужение беспорочно и непрерывно в занимаемой им настоящей должности 12 лет, должность эта относится к VIII классу» (по «Табели о рангах». — *К. Б.*)²². Для получения грамоты на орден и самого знака отличия кавалер должен был заплатить в казну 20 руб. Как видно из этого документа, служить для награждения орденом нужно было «беспорочно», т. е. не подвергаться взысканиям по службе.

Новое представление на Алявдина было отправлено в капитул орденов в 1915 г. В это время он по-прежнему являлся городским врачом в Иваново-Вознесенске, одновременно исполняя обязанности врача в местном реальном училище и школе колористов. Все это по совокупности дало ему возможность претендовать уже на орден Станислава 2-й степени, которым он был награжден 13 марта 1915 г.²³

Другой видной фигурой во врачебной корпорации Иваново-Вознесенска являлся К. И. Дементьев, который являлся старшим (по современной терминологии — главным) врачом больницы для мастеровых и рабочих. Одновременно он служил и в местной женской гимназии. Это позволяло ему опередить Алявдина в наградах, присуждавшихся государственным служащим в строго определенной последовательности. Например, орден Анны 2-й степени (награда более высокая, чем Станислав 2-й степени) он получил уже в 1902 г.²⁴

В отдельных случаях, которые бывали довольно редкими, врачи получали награды за заслуги не по месту их основной службы. Так, «лекарь» больницы для мастеровых и рабочих Бедняков в 1902 г. был удостоен Станислава 3-й степени за то, что он совершенно бесплатно обслуживал воспитанников иваново-вознесенского детского приюта. Представление к этому ордену составило не непосредственное больничное начальство Беднякова, а столичное благотворительное ведомство учреждений императрицы Марии, в ведении которого находился упомянутый приют²⁵. Для справки укажем, что рядовые врачи городских, земских или частных больниц обычно орденами не отмечались.

Людей, находившихся на государственной службе, могли наградить не только орденами, но и различными медалями, в том числе юбилейными. П. А. Алявдин в 1912 г. за службу врачом Иваново-Вознесенского реального училища был отмечен медалью в память императора Александра III²⁶.

Имелась еще одна специфическая и чисто врачебная награда, которая была не только почетной, но и функциональной. Ею был награжден старший врач больницы для мастеровых и рабочих В. А. Бугельский, трудившийся также врачом в реальном училище. «За усердную службу» он получил микроскоп²⁷.

Довольно разнообразными были формы морального поощрения медиков со стороны органов местного самоуправления и общественности. Шуйское уездное земское собрание в полном составе благодарило врачей Бугельского и Гонорского за беззаветный труд во время эпидемии холеры в 1871 году. Благодарность была вынесена по просьбе головы Вознесенского посада текстильного фабриканта И. Н. Гарелина²⁸.

Шуйское земство сердечно благодарило также своего врача С. Я. Дорогова, который более 10 лет трудился в Шуйском уезде и сумел снискать популярность среди бедного населения окраин Иваново-Вознесенска. Адрес, составленный в прочувствованных выражениях, ему поднесли в августе 1909 г. представители уездной земской управы и уездного врачебного совета²⁹.

Как нам представляется, гораздо более важной для медиков являлась оценка не государственных структур и даже не органов местного самоуправления, а широкой местной общественности, рядовых пациентов. В этом отношении характерно

чествование юбиляра — земского врача С. А. Чернобровцева, работавшего долгие годы в «русском Манчестере». На это мероприятие в «Новом клубе» Иваново-Вознесенска собрались почти все земские врачи, медики из больницы чернорабочих и Куваевской больницы, знакомые и друзья С. Чернобровцева. С приветствием обратился к юбиляру председатель Шуйской уездной земской управы Л. С. Романов. Затем были зачитаны и вручены адреса от земских врачей, фельдшерского персонала, рабочих и служащих иваново-вознесенских предприятий. Были прочитаны многочисленные телеграммы из разных уездов Владимирской губернии, от работников ряда местных промышленных предприятий³⁰.

В ряде случаев врачи подвергались не только поощрениям, но и наказаниям за те или иные проступки, причем среди них были не только рядовые работники. Старший врач Куваевской больницы Мурашов недопустимо обращался с младшим медицинским персоналом. Одну сиделку он грубо оттолкнул, у другой незаконно удержал из жалования 2 руб. 50 коп. и не хотел выдавать ей паспорт при расчете. Он заслуживал увольнения, но для начала подвергся штрафу в 25 руб. История с его развязным поведением получила огласку. Его должны были отстранить от должности решением Городской думы, но уволил его своим единоличным решением фабрикант Н. Г. Бурылин. Он, пользуясь правом основателя и попечителя этой больницы, снабдил Мурашова тем, что сейчас именуется «золотым парашютом», т. к. при расставании с грубияном выдал ему 3 тыс. руб.³¹

Доктор Н. М. Аржанников пострадал не за грубость, а за «политику». До того как попасть в Иваново-Вознесенск он работал некоторое время в Покровской больнице Рузского уезда Московской губернии. Там Н. Аржанникова арестовали и выслали из столичной губернии в Сибирь без права работать в какой-либо больнице. Ему удалось устроиться на работу врачом только на строительство Амурской железной дороги. В 1907 г. он приехал в Иваново-Вознесенск и первое время вынужден был заниматься только частной практикой; ему, как неблагонадежному, места нигде не давали³².

Как и сейчас, представители интеллигенции тогда были легко ранимыми, а порой по-детски обидчивыми. Начальство же не учитывало эти особенности их характера, принимало решения, напрямую касавшиеся их, не советуясь с ними и даже не позаботившись предварительно информировать их об этих решениях. Правда, случаи такого рода происходили не часто. Один из них произошел с врачом больницы мастеровых и рабочих В. В. Можевитиным. На самом исходе XIX в. он приехал в Иваново-Вознесенск, полный сил и энергии. Поступив в упомянутую больницу, он проработал здесь 12 лет, основав практически на пустом месте глазной кабинет. Благодаря своим личностным и профессиональным качествам он был «редкостно популярен в городе»³³.

Больница находилась под управлением совета, состоявшего из трех человек — директора Маракушева — богатейшего текстильного фабриканта, эконома Полушина — владельца другой большой фабрики и старшего врача Дементьева. И. К. Маракушев единоличным решением пригласил в больницу еще одного окулиста, не уведомив об этом Можевитина. Последний в знак протеста отказался от должности. Маракушев и Полушин после непродолжительных увещаний «мятежного» врача, подписали его заявление об уходе, напоследок сказав, что на его место найдется «хоть двадцать врачей». Почти все работники больницы приняли сторону Можевитина и поднесли ему прощальный адрес, в котором говорилось, что начальники «не совсем чистыми руками коснулись твоего самолюбия». Маракушев и Полушин, разобидевшись, потребовали от врачей извинений за этот речевой оборот, но они отказались. Свою поддержку Можевитину выразили не только врачи, но и фельдшера, и сиделки. Конфликт получил широкую огласку и освещался в губернской прессе³⁴.

Заключение

Врачи в дореволюционной России, как и в настоящее время, являлись очень важным профессиональным отрядом отечественной интеллигенции. Особенно это касалось провинциальных городов, где, наряду с педагогами, медики были почти единственными представителями интеллигенции. При этом

нужно учитывать, что в любом провинциальном городе врачей было значительно меньше, чем учителей, а материальное положение большинства последних было хуже, чем у врачей.

Положение медицинской интеллигенции было довольно противоречивым. С одной стороны, это были люди интеллектуального труда со своей определенной этикой (вспомним, например, «клятву Гиппократата»), а с другой стороны, они являлись статусными фигурами уездного и даже губернского масштаба, занимавшими определенное положение на ступенях «Табели о рангах», порой — довольно высокое. То есть, в определенной степени, они являлись также чиновниками.

В связи с этим они зависели от государства, будучи одним боком встроены в его бюрократическую машину. Степень этой зависимости была разной. Врачи казенного ведомства полностью от него зависели, в то время как положение городских и земских врачей выглядело более свободным. Органы местного самоуправления обычно с пониманием относились к нуждам здравоохранения и чаще всего не скупились на расходы на медицину и на оплату врачей, иначе последние могли просто уехать в другой город или другую губернию за более длинным рублем. Фабрично-заводские врачи по сравнению с земскими и городскими, чувствовали себя не так свободно, т. к. зависели в некоторых случаях от капризов частных предпринимателей. Для сравнения отметим, что частнопрактикующие врачи были практически свободны от этих ограничений в деятельности, являясь лицами свободных профессий.

Следует учесть, что врачи, вследствие своей востребованности, часто трудились сразу на нескольких работах, например, одновременно в городской больнице, в фабричном приемном покое и в каком-либо учебном заведении. С одной стороны, их положение усложнялось тем, что у них было несколько работодателей, с другой — в связи с этим возникала возможность некого служебного маневра. В то же время в лихую годину войн абсолютное большинство врачей, вне зависимости от своего служебного положения и ведомственной принадлежности, считали себя мобилизованными и честно выполняли патриотический и человеческий долг.

Разумеется, перечисленные выше характеристики относились не только к Иваново-Вознесенску, но и к столицам, к губернским городам. Но нужно учитывать, что в безуддном индустриальном городе Иваново-Вознесенске, где не было научных обществ, музеев, вузов, а средние учебные заведения можно было перечислить по пальцам одной руки, врачи занимали совершенно особое и почетное место в интеллигентском социуме, тем более что от них зависело здоровье и благополучие статусных фигур города из его администрации и фабрикантов-миллионеров.

Примечания

¹ Государственный архив Ивановской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 284. Л. 62. Далее: ГАИО.

² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4586 Л. 107, 145.

³ Государственная служба в России в XIX — нач. XX в. URL: <http://mylektsii.ru> (дата обращения: 14.05.2020).

⁴ Отчет по больнице для мастеровых и рабочих в г. Иваново-Вознесенске за 1910 г. с приложением кратких исторических сведений за 50 лет ее существования. Иваново-Вознесенск, 1911. С. 10.

⁵ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4076. Л. 157; Государственный архив Владимирской области. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21873. Л. 2—3. Далее: ГАВО.

⁶ ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 21873. Л. 3—4.

⁷ Там же. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2332. Л. 2—4.

⁸ Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

⁹ Старый владимирец. 1910. 25 сентября. № 209.

¹⁰ Рабочий край. 1924. 31 июля. № 172.

¹¹ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4284. Л. 61—62.

¹² Рабочий край. 1924. 31 июля. № 172.

¹³ Памятники и мемориалы Иваново. URL: <http://ivanovograd.ru/memorials.htm> (дата обращения: 16.05.2020).

¹⁴ Рабочий край. 1926. 17 ноября. № 263.

¹⁵ ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 159. Л. 4.

¹⁶ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 46. Л. 6—8, 23—35.

¹⁷ Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 210. Л. 1, 16—17.

¹⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4 284. Л. 61—62.

¹⁹ Список больных и раненых воинов, нижних чинов, пользовавшихся в госпитале Местного комитета Российского общества Красного

креста в г. Иваново-Вознесенске в 1904 и 1905 гг. Владимир, 1906. С. 3—4.

- ²⁰ Иваново-Вознесенск. 1917. 12 июля. № 94.
- ²¹ Отчет по Иваново-Вознесенской городской больнице имени Х. И. и Е. О. Куваевых за 1914 г. Иваново-Вознесенск, 1915. С. 53; Отчет по Иваново-Вознесенской городской больнице имени Х. И. и Е. О. Куваевых за 1915 г. Иваново-Вознесенск, 1916. С. 5.
- ²² ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18047. Л. 11—12.
- ²³ ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 210. Л. 14.
- ²⁴ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 46. Л. 23.
- ²⁵ ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2332. Л. 1—3, 7.
- ²⁶ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 18047. Л. 46.
- ²⁷ *Ефремов Д. Д.* Краткий отчет за 25-летие Иваново-Вознесенского реального училища (1873—1898 гг.). Иваново-Вознесенск, 1898. С. 71.
- ²⁸ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1871 года. Владимир, 1872. С. 29.
- ²⁹ Старый владимирец. 1909. 26 августа. № 186.
- ³⁰ Там же. 1910. 25 сентября. № 209.
- ³¹ Там же. 1910. 18 сентября. № 203.
- ³² Рабочий край. 1926. 17 ноября. № 263.
- ³³ Старый владимирец. 1910. 18 мая. № 107.
- ³⁴ Там же. 1910. 18 сентября. № 203.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

DOI: 10.46725/IW.2021.1.3

И. М. Эрлихсон

КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВОПОРЯДКА И СВОБОДЫ В ПОЗДНЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Г. ФИЛДИНГА

Введение

Актуальность. В середине XVIII в. дискуссия о направлениях и формах реформирования британской системы уголовного правосудия перешла в бурную общественную полемику, выразившуюся в многообразии и массовости памфлетов, эссе и размышлений на предмет назревшей реформы уголовного правосудия. В 1972 году английский социолог Стэнли Коэн ввел и обосновал понятие «моральная паника», прочно вошедшее в терминологию академических дисциплин, изучающих образцы и нормы социального поведения. Категория «моральной паники» в трактовке Коэна подразумевает следующее: «Время от времени общество переживает периоды моральной паники. Обстоятельства, случайности, группы людей объявляются угрозой общепринятым ценностям и интересам, их природа представляется

© Эрлихсон И. М., 2021

Эрлихсон Ирина Мариковна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, i.erlihson@365.rsu.edu.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor of the Department of General History and International Relations, Ryazan State University named after S. A. Yesenin).

в стилизованной и стереотипированной манере средствами массовой информации; редакторы, епископы, политики и другие правильно мыслящие люди сооружают моральные баррикады; обличенные доверием эксперты ставят диагнозы и выписывают рецепты, положение ухудшается, проблема становится еще более явственной. Иногда предмет, вызвавший панику, нов, иногда это что-то существовавшее в течение долгого времени, в какой-то момент приобретшее более выпуклые очертания. Порой паника проходит, оставив следы в фольклоре и коллективной памяти, а порой приводит к более серьезным последствиям, таким, как изменения в политическом и социальном регулировании»¹. Н. Роджерс на обширном источниковом материале обосновал тезис о том, что демобилизация моряков после окончания войны за Австрийское наследство 1740—1748 гг. привела к беспрецедентному росту смертных приговоров, выносимых судьями Олд-Бейли, и в то же время пришел к заключению, что пресса после 1748 г. явно преувеличивала уязвимость состоятельных лондонцев и создала моральную панику, непропорциональную реалиям².

Постановка вопроса. В контексте вышесказанного возрастает интерес к судебной практике середины XVIII в. и к деятельности конкретных судей. В этом отношении интерес вызывает деятельность и интеллектуальное наследие Генри Филдинга, датируемое рубежом 1740—50 гг., когда выдающийся драматург и романист занимал должность мирового судьи Вестминстера и Мидлсекса. Богатый опыт работы в области политической журналистики и юриспруденции позволил ему не просто бороться с лондонской преступностью, а разрабатывать идейно-концептуальные основы британской правоохранительной практики.

Цель настоящей публикации — показать, как Г. Филдинг в поздней публицистике развивает концепцию гражданского правопорядка и свободы с опорой на собственный судебный опыт.

Методология и методы исследования. При подготовке работы использованы специальные исторические и источниковедческие методы. Биографический — позволил реконструировать жизнь Г. Филдинга, показать этапы его судебской и журналистской практики, а также основные вехи его идейного развития. Применение метода дискурс-анализа сориентировало на рассмотрение текстов избранного драматурга и романиста сквозь призму

его речевой деятельности в конкретных общественно-политических и культурно-исторических условиях. Историческая интерпретация (или истолкование) текста позволила (насколько это возможно с учетом временной и культурной дистанции) понять смысл, который вкладывал Филдинг в свои трактаты. Метод исторического синтеза нацелил на рассмотрение изучаемого наследия английского судьи и журналиста как явления культуры своего времени и помог автору настоящей статьи обобщить результаты исследования.

Источниковедческий обзор. В основание источниковой базы настоящей публикации положены малоизученные в отечественной историографии трактаты Г. Филдинга «Обращение к Большому жюри», «Истинное состояние дела Босаверна Пенлеза» и «Исследование причин участвовавших преступлений». Так как учитывалась журналистская деятельность Филдинга, важное место в подготовке статьи заняли материалы прессы.

Лондонская периодическая печать была не только источником ценных сведений о криминальных происшествиях, но и своеобразным маркером, показывающим общественное отношение к институтам английской уголовной юстиции. Ее представители на всех уровнях — от мировых судей до ночной стражи, подвергались жёсткой критике, под прицел которой чаще попадали индивидуальные действия должностных лиц, чем сама система в целом. В особенно неприглядном виде представляли ночные стражники во главе с констеблями, в чьи полномочия входило патрулирование улиц и реагирование на чрезвычайные происшествия. Раньше эта обязанность была возложена на домовладельцев прихода, выполнявших ее в порядке ротации на безвозмездной основе. Начиная с 1730-х гг. в соответствии с парламентским законодательством труд ночных стражников перешел в категорию оплачиваемых профессий, и границы охраняемых ими улиц из сердца Лондона Сент-Джеймс, Пикадилли и Сент-Джордж, Ганновер-сквер чрезвычайно раздвинулись и к концу XVIII столетия охватывали большую часть города. Пресса и публицистика рисуют достаточно неприглядную картину, позволяющую судить о профессионализме стражей правопорядка. Например, в июле 1749 г. *London Evening Post* сообщала, что задержанный уличный грабитель сбежал буквально со сторожевого поста на Лиденхолл

стрит благодаря содействию членов банды. Анонимный памфлетист, по-видимому, впечатленный обилием негативной информации в прессе, резюмировал следующее: «Наши газеты, и это подтвердит внимательный читатель, убеждают нас, что большинство ограблений домов и частных персон происходят на виду и слуху ночных стражников, либо подкупленных, либо абсолютно слепых и глухих, иначе, чем можно объяснить то, что они закрывают глаза и уши на преступления, совершаемые рядом с их постами»³.

Иногда поведение стражников, и особенно констеблей, рассматривалось в контексте деятельности мировых судей, от которых требовали жестко контролировать подвластных им должностных лиц. Чтобы не выходить за рамки настоящего исследования, отметим, что на сегодняшний день существует много авторитетных работ англо-американских историков, посвященных отображению криминальной информации в английской журналистике XVIII в. К примеру, Эстер Снелл, справедливо отмечая «ненасытный аппетит» изданий XVIII в. к преступлениям, все же делала вывод, что в процентном выражении соотношение материалов о нераскрытых из-за попустительства должностных лиц и раскрытых правонарушений, где виновные понесли заслуженное наказание, можно расценивать как «пятьдесят на пятьдесят», что было убедительно доказано ею на примере контент-анализа материалов газеты *Kentishpress* в 1717—1768 гг.⁴

Основная часть

Генри Филдинг — мировой судья Вестминстера и Мидлсекса

Как отмечалось выше, мировые судьи часто становились объектом критики, как например знаменитый Томас де Вейль, в 1729 году вошедший в коллегию мировых судей Вестминстера и Мидлсекса и пробывший в ней до самой смерти в 1746 году. В течение семнадцати лет он был самым активным судьей в Лондоне, и, хотя его часто обвиняли в коррупции, в том числе

протекции борделей, Вейль никогда не был публично уличен в противозаконных действиях.

Когда де Вейль умер, правительству трудно было найти достойную кандидатуру. Власти, прекрасно осознавая стратегическую важность Вестминстера, следили за тем, чтобы в списки магистратов попадали только лояльные кандидаты, способные проводить правительственные решения и принимать необходимые меры, даже если они будут непопулярны среди населения.

В конце концов, его место занял Генри Филдинг. Здесь следует обратиться к обстоятельствам жизни писателя, побудившим его к смене профессиональной деятельности. В 1737 г. правительство приняло «Акт о цензуре», согласно которому театры могли существовать, только имея королевскую лицензию. Все пьесы должны были проходить предварительную цензуру. Филдинг прекратил писать для театра, и ему пришлось задуматься о более надежной профессии со стабильным доходом.

В 1737—1740 гг. он проходил обучение в старинной юридической школе в Среднем Темпле, получив квалификацию барристера. Драматург и литературный критик Артур Мерфи в знаменитом эссе «О жизни и гении Генри Филдинга, эсквайра», предварившем изданное под его редакцией собрание сочинение писал, что «если он чего-то желал, то желал это с неистовой страстью»⁵. Через двенадцать лет Филдинг будет с «неистовой страстью» очищать улицы Лондона от преступных элементов, а пока он усердно штудировал сборники судебных решений, протоколы, словари, составлявшие фундамент юридического образования. «Свои планы Филдинг осуществил с похвальной быстротой: 20 июня 1740 г. он получил право адвокатской практики. На что другие потратили бы шесть-семь лет, он совершил за неполных три года»⁶. В течение последующих лет Филдинг посещал выездные сессии в графствах Юго-Западного округа, наработывая адвокатскую практику и набирая материал для будущих произведений.

Годы жизни Филдинга, предшествовавшие его назначению на Боу-стрит, были отмечены особой активностью в сфере публицистики, литературного творчества. Он руководил еженедельной газетой «Истинный патриот», которая между ноябрем 1745 и июнем 1746 гг. вышла в свет тридцать три раза. В 1747—1748 гг. он выпускает еженедельник «Якобитский журнал», выступая

от имени Джона Тротт-Пледа, эсквайра, откровенного якобита. Филдинг объяснял, что ироническая маска предполагалась для высмеивания глупости людей, руководствующихся якобитскими принципами. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что очень немногих лидеров оппозиции в 1747—1748 гг. можно было заподозрить в якобитских симпатиях особенно после заключения соглашения в Экс-ла-Шапеле, по которому Франция обязалась выслать претендента из Парижа.

Что же касается его адвокатской деятельности, то, хотя, по его признанию, он и применил себя к своей профессии с самым усердным старанием, едва ли она служила стабильным источником дохода и оправдала надежды в плане пополнения семейного бюджета. Как писал биограф Филдинга М. Годден, «необходимость обеспечивать семью и мрачный призрак нищеты стоили принятия невысокого поста и тяжелых обязанностей магистрата на Боу-стрит»⁷. В октябре 1748 г. он занимает должность мирового судьи в округе Вестминстер. 8 ноября в *London Evening Post* появляется сообщение, что ныне несуществующий «мистер Тротт-Плед может ужасно упрочить свое положение в должности судьи», а спустя четыре недели после этого объявления имя «судья Филдинг» появилось в полицейской сводке за 10 декабря, где сообщалось, что он отправил трех воров в тюрьму, а одного освободил под залог после двухчасового разбирательства. Примечательно, что общественное мнение упорно воспринимало Филдинга, в первую очередь, как литератора, что закономерно, ведь в декабре этого же года комедии «Мисс Люси», «Хлоя», «Служанка-интриганка», комедии с Китти Клайв в главной роли, были сыграны не менее девяти раз на подмостках Друри-Лейн.

Очевидно, масштабы Вестминстера были недостаточны для того, чтобы удовлетворить жажду деятельности Филдинга, поэтому он решил расширить свои полномочия на графство Мидлсекс: «Тогдашняя практика позволяла человеку занимать одновременно судейские посты в городе и в графстве, тем более что в данном случае юрисдикция графства простиралась вплоть до центра Лондона, где имелись такие рассадники порока, как кварталы Сент-Джайлз и Сент-Джордж»⁸.

Имущественный ценз для занятия должности окружного судьи составлял владение земельным участком стоимостью

100 фунтов в год. Долгие годы единственным имуществом Филдинга было его перо, и потому он прибег к патронажу герцога Бедфорда, чьи достоинства получили высокую оценку в Посвящении к «Приключениям Тома Джонса».

«Боу-стрит, 13 декабря, 1748.

Милорд,

Я стольким обязан Вашей Светлости, что отдам долг, как только позволит моя подагра, и, памятуя Вашу благосклонность, я позволю вновь обратиться к ней. Деятельность мирового судьи в Вестминстере ничего не стоит без округа Мидлсекс. Я не могу полностью посвятить себя службе, занимая лишь одну должность. Это, к сожалению, требует обладания тем, чего у меня нет. Я знаю, в собственности Вашей светлости есть пустующий дом, который стоит на улице Бедфорд, стоимостью 70 фунтов в год. Требуется триста фунтов, чтобы произвести там ремонтные работы.

Если Ваша светлость будет столь любезен сдать мне в аренду этот дом с другими жилыми помещениями за тридцать фунтов годовой платы на срок 21 год, этого будет достаточно для получения мной необходимой квалификации. Я выплачу полную стоимость аренды в соответствии с оценкой, которую даст любое лицо, назначенное Вашей Светлостью. Единственное одолжение, о котором прошу, чтобы мне было позволено внести сумму в течение двух лет, разбив ее на четыре равных полугодовых платежа. Я отремонтирую дом как можно скорее, и улучшение хотя бы малой части имущества Вашей Светлости составит мое счастье и удачу.

Если Ваша Милость выразит согласие, я буду вечно молиться за Вас, и искренне надеюсь, что Вы не потеряете ни фартинга, оказав мне эту услугу.

Самый послушный и покорный слуга. Г. Филдинг»⁹.

Герцог нашел лучший способ помочь Филдингу, чем сдать в аренду ветхий дом на Бедфорд-стрит, о чем свидетельствует зафиксированная в приходских регистрах Мидлсекса от 13 января 1749 г. присяга Генри Филдинга в качестве нового

судьи Мидлсекса, где в согласии с цензом были подтверждены его имущественные права на земельные участки, расположенные в приходах Ковент-Гарден, св. Мартина — в полях, и св. Джайлса — в полях, Св. Георгия — в Блумсбери.

В приходских регистрах Мидлсекса содержится заявление от 5 апреля 1749 г. за подписью Генри Филдинга о неверии в доктрину Пресуществления; всеобъемлющая клятва верного служения королю Георгу и отречения от короля Джеймса; декларация, направленная против власти Святого престола; и клятва истинной верности королю Георгу. Клятвы были приняты и заверены двумя заслуживающими доверия свидетелями. «С этого момента начался последний пятилетний этап бурной жизни Филдинга, годы, посвященные борьбе с преступлением, на алтарь которой в конечном итоге было положено и принесено в жертву здоровье великого романиста... Его гений и патриотизм позволили ему из убогой комнаты суда на Боу-стрит начать реформы в тех областях, которых еще пока не коснулась рука филантропов»¹⁰.

Друзья Филдинга отнеслись к его назначению с изрядной долей скепсиса, и даже его недруги сочли необходимым выразить ему сочувствие. Поэт Пол Уайтхед в предисловии к сатире «Письмо к д-ру Томсону» привел анекдот, который, даже если и не являлся истинным, все же наглядно демонстрирует отношение к бывшим литераторам, облачившимся в судейскую мантию: «Говорят, когда мистер Аддисон был государственным секретарем, его старый друг и соратник Амброуз Филлипс попросил его о протекции, на что этот великий человек довольно холодно ему ответил, что он уже посодействовал получению им должности мирового судьи в Вестминстере. Тогда поэт с негодованием воскликнул: “Поэзия была ремеслом (*trade*), которое *не могло* составить источник его существования, а теперь же все смеются над тем, что его новое ремесло *не должно* быть таковым”»¹¹. Думается, Филдинг отдавал отчет, какие соблазны таит его новая должность, а также и то, что его предшественники порядком дискредитировали ее. Отголоски этого можно встретить в «Дневнике путешествия в Лиссабон», написанном уже после того, как он передал свои полномочия брату: «Один из моих предшественников, помню, хвалился, что зарабатывал в своей должности 1000 фунтов в год; но как он это делал (если, впрочем, не врал) — это

для меня тайна. Его (а ныне мой) секретарь говорил мне, что дел у меня столько, сколько до меня не бывало; я и сам знаю, что их было столько, сколько в силах провести человек. Горе в том, что оплата, если она и причитается, такая низкая и столько делается задаром, что, если бы у одного мирового судьи хватало дел, чтобы занять двадцать секретарей, ни сам он, ни они не зарабатывали бы много»¹².

Биограф Филдинга Пэт Роджерс абсолютно справедливо отмечает, что современный ему уровень юриспруденции не позволял уверенно отделить «законченных негодяев» от горемык и злосчастных жертв общественного распорядка. «С самого начала Филдинг показал себя строгим судьей, хотя в нашем распоряжении есть свидетельства, что он в то же время оставался справедливым (можно добавить: справедливым — в рамках системы)»¹³.

В «Полной истории английской сцены» Ч. Дибдина и газете *General Advertiser* приводятся два показательных эпизода, демонстрирующих принципиальный, но гибкий подход Филдинга к исполнению должностных обязанностей. Некто Кенрик, ранее прославившийся злобным пасквилем в адрес Дэвида Гаррика¹⁴, написал сатиру «Радость» (*Fun*), где были задеты несколько публичных персон, включая Филдинга. Пьеса была поставлена в обход Акта о цензуре 1737 г. в таверне «Дворец» на Патерностер-Роу (Сити). Информация о незаконной постановке немедленно дошла до Филдинга, который вместе с несколькими констеблями «отравил *радость* мистера Кенрика», арестовав автора, артистов и зрителей прямо в день премьеры. Но Филдинг знал, когда нужно проявить жесткость, а когда снисхождение. Когда же в апреле 1752 г. несколько подмастерьев и служанок сняли комнату в трактире «Черная лошадь» в Стрэнде для репетиции трагедии «Сирота», судья Филдинг выдал ордер на арест констеблю Уэлчу. Как сообщает газета, незадачливые актеры прямо в театральных костюмах были доставлены на Боу-стрит, где судья, учитывая их юность и отсутствие злого умысла, отпустил с миром после нравоучительной беседы.

Генри Филдинг и дело Босверна Пенлеза

Любые правовые явления и процессы, в том числе правонарушения, подвержены циклическим колебаниям, в которых обязательно наличествует фаза критического состояния: «К примеру, циклический характер преступности достаточно четко эмпирически фиксируется и отражается в теории значительным числом исследователей»¹⁵. Действительно, в обширной криминологической литературе наличествует идея о росте преступности как циклически развивающемся тренде. Циклы динамики преступности — это неизменный элемент правового развития общества, негативная детерминанта, стимулирующая развитие уголовного законодательства и правоприменительной практики. Целый комплекс биологических, социальных, политических и экономических факторов влияет на количественную и качественную динамику преступности: «В георгианскую эпоху с началом войны количество процессов по обвинению в кражах и разбоях в Олд-Бейли резко уменьшалось, тогда как ее окончание знаменовало увеличение числа уголовных преследований. Месяцы, предшествовавшие заключению мира и следовавшие за этим в 1713, 1748, 1763, 1783 гг., были отмечены волнообразным ростом преступности, смертных приговоров, а также всеобщей озабоченностью криминальными проблемами. Короткие периоды послевоенной паники имели долговременный эффект, приводя к существенным изменениям в законодательстве»¹⁶.

Так или иначе, назначение Филдинга пришлось на пиковую точку цикла роста преступности, когда криминальный разгул на улицах Лондона достиг апогея. 12 мая 1749 г. он был выбран председателем квартальной сессии в Хикс-Холле, а 29 июня он впервые выступил на открытии сессии большого жюри Милдсекса с речью, опубликованной спустя три недели. По оценке Ф. Лоренса, «речь Филдинга апеллирует как к профессионализму юристов, так и к чувствам простого читателя. Если первый восхитится глубиной его познаний и четкости изложения принципов права, то второй будет приятно удивлен тем, как живо преображаются сухие юридические максимы под пером мастера изысканной прозы и непревзойдённого оратора»¹⁷. Сетую на сумасбродство республиканцев, глупость якобитов и злобу разочарованных,

Филдинг утверждал, что под властью Георга II англичане пребывают в состоянии свободы, не утруждая себя тем, чтобы вникнуть в истинное значение этой категории и по достоинству оценить преимущества своего положения: «Боюсь, джентльмены, что мало кто обладает верным представлением о понятии “свобода”, которое у всех на устах. Быть свободным — значит наслаждаться жизнью, собственностью и самим собой (*person*), быть хозяином себе и тому, чем ты обладаешь, в той степени, насколько это позволяют законы нашей страны, подвергаться только тем взысканиям и наказаниям, которые предписывают эти законы. Найдется ли человек, столь невежественный, чтобы отрицать, что это описание свободных людей, или низкий настолько, чтобы бросить мне упрек в лести и восхвалении власти?»¹⁸ Свобода, продолжал Филдинг, сродни здоровью, которое ценят только тогда, когда оно частично или полностью потеряно.

Особенно возмущение свежеиспеченного магистрата вызывала терпимость, проявляемая по отношению к публичным домам, которые, по его словам, превратились в семинарии, где молодежь получала соответствующее образование, обучаясь распутству в самых изощренных формах. По злой иронии 1 июля 1749 г., спустя два дня после его триумфального выступления в Вестминстере, в Лондоне вспыхнули беспорядки, которые начались с погрома, устроенного демобилизованными моряками в публичном доме «Звезда», принадлежавшем некоему Питеру Вуду. Волнения продолжались несколько дней, на протяжении которых разъяренная толпа совершала акты вандализма, устраивала поджоги, забрасывала камнями представителей закона, атаковала частные владения, в том числе особняк на Боу-стрит, откуда были освобождены несколько арестованных. Филдингу даже пришлось обратиться к военному министру с просьбой выделить дополнительные войска для охраны судебного помещения. Вместе со старшим констеблем Сондерсом Уэлчем он координировал работу вооруженных патрулей в Стрэнде и других частях Лондона до тех пор, пока порядок не был восстановлен.

В числе семи человек, проходящих по этому делу, оказался юноша по имени Босаверн Пенлез, задержанный констеблями 3 июля недалеко от злосчастной «Звезды», от которой, по свидетельствам современников, остался едва ли не один фундамент.

В то время как другие были оправданы, Пенлез, у которого в момент ареста обнаружили «два кружевных чепца, четыре кружевных носовых платка, четыре пары кружевных манжет, два кружевных отреза, пять простых и один кружевной фартук, которые по свидетельству супруги Питера Вуда, принадлежали ей»¹⁹, испытал на себе всю строгость закона. В соответствии с положениями Акта о мятеже от 1714 г.²⁰, а также учитывая то, что стоимость предметов превышала сорок шиллингов, Пенлезу вынесли смертный приговор, приведенный в исполнение 18 октября 1749 г.

«История эта получила широкий резонанс. Не только потому, что в карьере Филдинга-судьи она отметила самый драматичный момент, но потому, что его имя вдруг высветилось с разных сторон. Дело Пенлеза проходило в контексте более широких политических разногласий, и Филдингу пришлось выслушивать критику из самых разных кругов. Оппоненты донимали судью, поскольку и в узко юридическом смысле ряд вопросов оставался не ясен. Не лжесвидетельствовал ли Вуд против Пенлеза? В должной ли форме прошло чтение Закона о мятеже? Замешан ли Пенлез в беспорядках или в грабеже? Ставилась под сомнение и сама оценка событий: так ли уж было необходимо вызывать войска? И наконец: громя публичные дома в собственной речи — зачем потом удерживать толпу?!»²¹

Чтобы ответить на все эти вопросы Филдинг 25 ноября 1749 г. публикует статью в «Лондонском обозрении» (*London Review*), которая впоследствии была расширена до памфлета с внушительным названием «Истинное состояние дела Босаверна Пенлеза, пострадавшего в связи с последним мятежом в Стрэнде; в котором были полностью соблюдены закон о соответствующем виде преступления и статут Георга, обыкновенно именуемый Актом о мятеже». По Акту 1714 г. местные власти обладали правом разгонять любую «беззаконную, беспутную и буйную толпу», коей признавалась группа более чем из двенадцати человек. Городские магистраты обязаны были зачитать собравшимся формулировку: «Боже, храни короля», и они должны были разойтись в течение часа под страхом смертной казни. Филдинг делает экскурс в историю той части английского законодательства, которая регулировала

область политических преступлений, квалифицируемых как *государственная измена* (hightreason). Он приходит к выводу, что Акт о мятеже органически вписан в английское законодательство, беря начало со статута Эдуарда III «О государственной измене» (1351), усовершенствованного его преемниками, в силу обстоятельств вынужденных заниматься кодификацией этого серьезного правонарушения. Сам Филдинг признавался, что, хотя за тридцать четыре года на его памяти только два примера применения этого закона²², он снискал недобрую славу у его современников.

Для опровержения преимущественно негативного восприятия закона в прессе и среди юристов²³ Филдинг конструирует блестящую апологию, позиционируя Акт о мятеже фактически как фундамент общественной безопасности: «Как может повернуться язык назвать его угнетающим? Разве не является он самым необходимым из всех существующих ныне законов для сохранения и защиты народа? — восклицает Филдинг, — Ни один другой статут в столь ничтожной степени не затронут печатью деспотизма и не пребывает в такой согласии с нашей конституцией и духом законодательства. Нет ничего более ошибочного или злонамеренного, чем утверждение, что этот статут несет угрозу свободе. Он стоит на страже общественного спокойствия и личной безопасности, но, если интересы государства и народа входят в противоречие, первое теряет преимущество в силу утраты мощи и ослабления безопасности»²⁴.

Итак, резюмирует Филдинг, на основании свидетельств незаинтересованных лиц, «чья честность не вызывает сомнений», каждый беспристрастный и разумный человек логически приходит к следующим выводам. Мятеж был очень опасен, и, если подобное повторится, последствия будет сложно предсказать. Филдинг дает великолепное описание толпы: «ни одно правительство не может снисходительно относиться к бесчинствам этих варваров, громящих дома, оскорбляющих и грабящих их владельцев, разрушающих тюрьмы и освобождающих оттуда своих собратьев — негодяев, оказывающих сопротивление власти и тем, кто ей содействует»²⁵. Те, кто ропщет на излишнюю суровость правительства, обвиняя его в нарушении свобод подданных, попадают в самое уязвимое место.

Что же до злых языков, которые упрекали судью чуть ли не в протекции публичным домам, то Филдинг абсолютно справедливо парировал, что толпа настолько импульсивна и непредсказуема в своих настроениях, что ее ярость в любой момент может направиться на что угодно или на кого угодно. «Гнев в отношении непотребных заведений с легкостью превращается в протест совершенно иного рода, и, например, ювелиры могут быть признаны такой же угрозой общественному порядку, как и шлюхи и их покровители. Истинно то, что мятежниками двигали жестокость и распущенность, а сами они жалкие воры под лицемерной маской ревнителей нравственности»²⁶. Его мысль кристально ясна: публичные дома — это зло, с которым надо бороться в рамках существующего правового поля, в противном случае обществу наносится еще больший урон: «Разве может человек, находясь в здравом рассудке, сочувствовать акту беззакония на том основании, что якобы он исходит из благородных и заслуживающих похвалы побуждений?»²⁷

***«Исследование причин участвовавших преступлений»
Г. Филдинга (1751 г.)***

Усугубляющаяся криминогенная обстановка, по мнению Филдинга, есть не что иное, как прямое следствие искаженного мировоззрения, покоящегося на абсолютно «диких представлениях о свободе, несовместимых с полноценным правительством»²⁸. Эту мысль он последовательно проводит в трактате «Исследование причин участвовавших преступлений» (1751 г), одном из самых глубоких трактатов XVIII столетия, содержащих конкретные и конструктивные идеи по комплексу проблем организованной преступности в столице. В предисловии он приводит цитату из «Жизни Цицерона» К. Миддлтона (1741 г.): «Некогда римляне с высот своего могущества насмехались над варварством и нищетой нашего острова, и никто не мог предположить, что эта великая империя будет низвергнута в состояние ничтожества и поработана самыми опасными тиранами — суеверием и религиозными предрассудками, в то время как эта страна, предмет их насмешек, станет оплотом свободы, изобилия и учености, искусств, пройдет тот путь, который прошел Рим:

от добродетельного прилежания к благосостоянию, от благосостояния к роскоши, от роскоши к разложению нравов, и, наконец, растеряв остатки добродетели, станет добычей завоевателя и погрузится в первоначальное варварство»²⁹.

Открывая свой трактат, Филдинг цитирует Цицерона, а именно его «Речь против Катилины»: «Поскольку похоть этих людей более не является умеренной, а их распутство — нечеловеческое и невыносимое, они не могут думать ни о чем, кроме убийств, поджогов и изнасилований»³⁰. Аналогию здесь, конечно, можно провести с текущим состоянием общественной морали в Лондоне.

Настойчивое обращение к Цицерону косвенно свидетельствует о политической позиции Филдинга. Сам он, декларируя привязанность к истинным интересам своей страны, отрицал приверженность к какой-либо партии, более того, он утверждал, что своими трудами стремится искоренить это слово из политического лексикона, ибо именно партийная борьба является источником бед и несчастий, угрожающих английской конституции. Цицерона постоянно цитировали в XVIII веке, считая его измышления идеальной моделью приверженности общественному благу. Р. Браунинг утверждает, что обращение к Цицерону было в целом правительственной стратегией, тогда как оппозиция считала Катона идеальным римским политиком³¹. Действия Цицерона против заговора Катилины в целом могли рассматриваться как модель патриотизма, но также они имели непосредственное отношение к вопросу о целесообразности использования правительством чрезвычайных мер. Филдинг считал, что политическая система поражена болезнью и коррупцией, и потому полагал расширение государственного вмешательства не предметом полемики, а первостепенной задачей, диктуемой общественным долгом.

Заключение

Не умаляя заслуг Филдинга-магистрата и борца со столичной преступностью, отметим его фундаментальный вклад в разработку актуальной общественной проблемы, касающейся трансформации политической структуры государства и сохранения гражданского правопорядка. Существование любого свободного государства было обусловлено циклами расцвета

и упадка, свойственными равно природным и общественным явлениям. Подъем и падение государств были краеугольной темой неоклассической политической мысли. Бесспорными авторитетами в этом вопросе были Аристотель и Полибий, которые определили три разные формы разумного управления: монархия, аристократия и демократия. Каждая из этих форм, в случае упадка государства, имела тенденцию к стремительному переходу в извращенную противоположную форму: тирания, олигархия или анархия. В этих государствах власть закона будет заменена деспотичной волей или насилием. Единственным способом предотвращения этого было смешение всех трех форм правления, которые могут поддерживать друг друга в балансе, не допуская тенденции к доминированию каждой из них. Ключевыми историческими примерами смешанных политических форм были Рим и Спарта. Великобританию с ее конституционной монархией часто сравнивали с Римом, прошедшим путь от добродетельной республики до коррумпированной диктатуры с целью избежать подобных ошибок в своем развитии.

Представители правительственной оппозиции употребляли эти сравнения в русле дискурса по поводу использования системы патронажа, создания регулярной армии или в качестве критики правящего класса за их расточительный образ жизни и пренебрежение общественным долгом. Филдинг же утверждал, во-первых, что роскошь скорее была проблемой бедных, нежели богатых, и, во-вторых, что состояние порабощения, противоположное свободе, может легкостью происходить равно от нападения преступных элементов и регулярной армии, бывшей популярной целью оппозиции.

Угроза гнета и, как следствие, страх быть ограбленным или убитым, были, с точки зрения Филдинга, более весомым уменьшением состояния свободы, чем угроза, проистекающая от потенциального вторжения в частное пространство со стороны государственных служащих, выполняющих правоохранительные функции. Если правительство бессильно справиться с растущей угрозой преступности, то общество живет под «дамокловым мечом» угрозы насилия. Любопытно, что идеям Филдинга были созвучны рассуждения известного английского филантропа Джонаса Хэнвея. Он утверждал, что неприятие полиции было

результатом тотального невежества, ведущего к самой худшей из форм рабства. Вторя аргументам Филдинга о том, что угроза преступления была сама по себе уже состоянием несвободы, Хэнвей заявлял, что на этой земле, так справедливо хвастающейся свободой, последняя осквернена ужасом, и честное законное владение собственностью омрачено грабежами. «Обладание свободой предполагает сопровождение последней (свободы) порцией благодетели: если обязанности субъекта, горожанина, христианина, и человека пренебрегаются теми, кого Провидение возвело в высокий ранг быть адвокатами, патронами и друзьями нуждающихся, что станет с их изошрёнными идеями о свободе?»³²

Именно Генри Филдинг фактически заложил теоретически-концептуальные основы британской правоохранительной практики, реализуемой его братом Джоном Филдингом на протяжении следующих десятилетий. Великий романист уловил тенденцию времени, заключающуюся в том, что состоятельные слои общества осознали необходимость пожертвовать частью своей *свободы* ради *безопасности* не в абстрактно-философском, а сугубо прагматичном смысле, означающем неприкосновенность жилища и сохранность движимого имущества вкупе со стремлением оградить себя от маргинальных групп.

Существование института профессиональной полиции должно быть обусловлено доверием общественности и ее *добровольным* участием в *добровольном* соблюдении закона. Это коренное отличие британской модели «*policing by consent*» (*охрана правопорядка по согласию*) от континентальной, что было закреплено в разработанных Робертом Пилем девяти принципах, ставших идеологической основой Акта о столичной полиции 1829 г.

Примечания

¹ Moral Panics, Social Fears, and the Media: Historical Perspectives / ed. S. Nicholas, T. O'Malley. N. Y., 2013. P. 11.

² Rogers N. The Press Gang: Naval Impressment and Its Opponents in Georgian Britain. N. Y., 2007.

- ³ *Ward R.* Print, culture, crime and justice in 18th century London. L., 2014. P. 135.
- ⁴ *Snell E.* Discourses of criminality in the eighteenth-century press: The presentation of crime in *The Kentish Post*, 1717—1768 // *Continuity and Change*. 2007. № 22. P. 13—47.
- ⁵ *Voogde de P. J.* Henry Fielding and William Hogarth. The correspondence of the arts. Amsterdam, 1981. P. 12—13.
- ⁶ *Роджерс П.* Генри Филдинг. Биография / пер. с англ. В. А. Харитоновна. М., 1984. С. 58.
- ⁷ *Godden M. G.* Henry Fielding. A memoir including newly discovered letters and records with illustrations from contemporary prints. L., 1910. P. 196.
- ⁸ *Роджерс П.* Указ. соч. С. 103.
- ⁹ *Godden M. G.* Op. cit. P. 196—197.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 199.
- ¹¹ *Lawrence F.* The life of Henry Fielding with notices of his writings, his times and his contemporaries. L., 1855. P. 233—234.
- ¹² *Филдинг Г.* Дневник путешествия в Лиссабон // *Филдинг Г. Избранные сочинения* / пер. с англ. В. А. Харитоновна. М., 1989. С. 603.
- ¹³ *Роджерс П.* Указ. соч. С. 103.
- ¹⁴ *Гаррик Дэвид (1717—1779)* — английский актёр, драматург, директор театра Друри-Лейн.
- ¹⁵ *Барсуков А. Ю.* Циклическая динамика преступности сквозь призму циклов правового и экономического развития // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2017. № 3. С. 252.
- ¹⁶ *Ward R.* Op. cit. P. 51.
- ¹⁷ *Lawrence F.* Op. cit. P. 26.
- ¹⁸ *Fielding H.* A Charge delivered to the Grand Jury // *Fielding H. An enquiry into the causes of the late increase of robberies and other robberies* / ed. by M. R. Zirher. Oxford, 1988. P. 18—19.
- ¹⁹ *Fielding H.* A true state of the case of Bosavern Penlez // *Ibid.* P. 46.
- ²⁰ An Act for preventing tumults and riotous assemblies, and for the more speedy and effectual punishing the rioters. 1714. 1 Geo. I. St. 2. c. 5 (так этот акт официально обозначается).
- ²¹ *Роджерс П.* Указ. соч. С. 111.
- ²² Первый пример был связан с премьерой фарса Филдинга «Эвридика» 19 февраля 1737 г. в Королевском театре Хеймаркета, когда группа людей устроила беспорядки и Верховный шериф Вестминстера зачитал Акт о мятеже и произвел несколько арестов. Второй пример, по видимому, был следствием выступлений против Акта о джине (1736)

- в 1738 г., когда возглавивший протест Роджер Аллен по настоянию Томаса де Вейля был осужден, но оправдан 10 мая 1738 г. (См.: *Memoirs of the life and times of Sir Thomas de Veil*. L., 1748. P. 35—48).
- ²³ Журнал *Craftsman* (№ 214, 30 августа 1730 г.) критиковал Акт о мятеже, как противоречащий принципу свободы, фундаментальному для английской конституции, а по мнению *London Evening Post* (2—4 ноября 1749 г.), которую Филдинг характеризовал как «издание с Граб-стрит», Акт о мятеже, предназначенный для искоренения «зародышей восстаний», ныне используется для наказания тупиц и невеж. Английский историк права У. Блэкстон в «Комментариях к законам Англии» отмечал, что Акт о мятеже способствовал значительному усилению власти Короны.
- ²⁴ *Fielding H.* A true state of the case of Bosavern Penlez. P. 46.
- ²⁵ *Ibid.* P. 57.
- ²⁶ *Ibid.* P. 57—58.
- ²⁷ *Ibid.* P. 58.
- ²⁸ *Fielding H.* An Enquiry Into the Causes of the Late Increase of Robbers etc. with Some Proposals for Remedying this Growing Evil. L., 1751. P. XXX.
- ²⁹ *Ibid.* P. XXXI—XXXII.
- ³⁰ *Ibid.* P. 3.
- ³¹ *Browning R.* Political and Constitutional Ideas of the Court Whigs. Baton Rouge; L., 1982. P. 52.
- ³² *Hanway J.* The Citizen's Monitor: shewing the necessity of a salutary police, executed by resolute and judicious magistrates, assisted by the pious labours of zealous clergymen, for the preservation of the lives and properties of the people, and the happy existence of the state. L., 1780.

А. Ю. Вязинкин

**«ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ»
УОЛТЕРА ЛИППМАНА**

Введение

Актуальность. Уолтер Липпман (1889—1974) — американский политический мыслитель, общественно-политический деятель и властитель дум в США, оказавший влияние на многих политиков, политических философов, историков, экономистов, журналистов. В отечественной науке он больше известен как журналист и политический обозреватель. Его политико-философское наследие недооценено и незаслуженно забыто. Политическая мысль У. Липпмана, а также его общественно-политическая деятельность, крайне редко становятся предметом исследования отечественных ученых-историков, политологов, специалистов по истории международных отношений. Единственная серьезная научная работа, посвященная американскому политическому мыслителю, была опубликована в 1994 г. — монография видного американиста В. О. Печатнова «Уолтер Липпман и пути Америки»¹.

На русский язык переведены две большие работы Липпмана — «Public Opinion» (1922) и «The Public Philosophy» (1955). Первая вызвала определенный интерес у отечественных исследователей и комментаторов. Так А. Ослон отмечал, что У. Липпману удалось вскрыть механизм действия социальных стереотипов, «“программирующих” межличностные и межгрупповые отношения, в том числе предрассудки и предубеждения, встающие между социальными группами, нациями, странами, расами и т. д.»².

© Вязинкин А. Ю., 2021

Алексей Юрьевич Вязинкин — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный технический университет, vyazinkin@yandex.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University).

А Р. Фрумкина отмечала, что Липпману свойствен «поиск возможностей гармоничного сочетания интересов свободной личности и интересов государства»³.

Теория стереотипа и социально-психологическая проблематика медиареальности, в связи с которыми исследователи изредка обращают внимание на идейное наследие Липпмана, не составляют и сотой части вклада мыслителя в политическую философию.

Между тем влияние Липпмана было огромно. В 1913 г., выпускник Гарвардского университета, он опубликовал свою первую значительную работу «A Preface to Politics». В 1916 г. стал членом «мозгового центра» президента США В. Вильсона. Участвовал в разработке положений Версальского договора, был делегатом Парижской мирной конференции, а также соавтором конвенции о создании Лиги Наций. В 1920—1930-е гг. Липпман опубликовал свои главные работы. Его мнения и позиции по вопросам внутренней и внешней политики, экономики, геополитики всегда находили отклик среди различных политических сил США. Писательский талант и вклад Липпмана в политическую мысль дважды были отмечены одной из наиболее престижных наград в США — Пулитцеровской премией.

Социалист в юности, позднее прогрессист, теоретик либеральной демократии, провозвестник неолиберализма, мыслитель с консервативным политическим темпераментом — все это Уолтер Липпман. И все это кажущееся противоречивым многообразие политических установок укладывается в систему так называемого «демократического реализма».

Постановка вопроса. Автор статьи ставит перед собой цель реконструировать и проанализировать «демократический реализм» как общественно-политическую и политико-философскую концепцию У. Липпмана.

В связи с этим в статье ставятся следующие задачи:

- 1) определить основные принципы «демократического реализма» Липпмана;
- 2) выявить характерные черты «демократического реализма» Липпмана на фоне его полемики с Д. Дьюи.
- 3) определить элитистскую специфику «демократического реализма» Липпмана.

Методология и методы исследования. Основными методами данного исследования являются следующие: анализ (для исследования работ Липпмана); компаративный (для сопоставления позиций мыслителя и других теоретиков общественно-политической мысли); синтез (для подведения итогов исследования).

Основная часть

«Демократический реализм», или истинные границы народовластия

Уолтер Липпман признается одним из самых влиятельных представителей «демократического реализма» в США в 1920—1930-х гг.⁴

Одна из ключевых идей Липпмана, которую он транслировал на протяжении всей жизни, заключалась в необходимости пересмотра некоторых базовых основ демократической политической системы. В эпоху отцов-основателей демократия в классическом ее понимании, хотя и с большими оговорками, могла эффективно функционировать (еще Т. Джефферсон отмечал, что к политическому управлению призваны немногие: «для содействия общественному счастью целесообразно, чтобы те, кого природа наделяет гениальностью и добродетелью, получали либеральное образование, способное охранять священный залог прав и свобод своих сограждан»⁵). Но в XX столетии мир достиг такого уровня необозримой сложности социальной организации, что «всезнающего гражданина», который в той или иной степени был представлен прежде в малых сообществах, в национальных государствах уже не существовало. Тезис Липпмана можно сформулировать следующим образом: граждане в массе своей не располагают достаточными сведениями и не имеют необходимых знаний, чтобы участвовать в принятии политических решений.

Современный человек, утверждал Липпман, не имеет фактических знаний, его картина мира формируется на основе достоверных сведений, эмоциональных аффектов, иррациональных предпочтений, разнообразных суеверий. Помимо прочего, среднестатистический гражданин находится в плену стереотипов,

не позволяющих ему адекватно, гибко и рационально решать возникающие масштабные политические проблемы. «Цензура и секретность, — писал Липпман, — физические и социальные барьеры, деформация внимания, бедность языка, отвлекающие моменты, бессознательные чувства, усталость, насилие, однообразие»⁶, — вот факторы, влияющие на формирование стереотипного мировоззрения людей, удаляющие их от действительных фактов.

Преодолеть влияние этих факторов невозможно. Из чего следует, что для эффективного управления сложноорганизованным обществом необходимо, чтобы политическая сфера находилась в исключительной компетенции небольшой группы лиц, владеющих фактами и, следовательно, способных принимать ответственные и результативные политические решения.

Более того, доверяться волеизъявлению народа, полагал Липпман, — контрпродуктивно. Во-первых, по причине политического невежества масс, во-вторых, статистически выявленная позиция граждан-избирателей не отражает социологическую действительность подлинного общественного запроса: «Мнения, обнаруживаемые избирателями в результате голосования, не следует воспринимать как безоговорочные выражения жизненных интересов сообщества»⁷. «Общие интересы полностью ускользают от общественного мнения»⁸, — аксиоматически утверждал Липпман.

Немаловажной задачей для Липпмана было указать на те фундаментальные основы, которые отличают идею ограниченной демократии в духе «демократического реализма» и коллективистские тоталитарные режимы в СССР, Германии и Италии. Мыслитель утверждал, что коллективизм в этатистском изводе уничтожает свободу личности и разрушает естественный порядок вещей. Липпман предлагал в качестве альтернативы классической демократии и тоталитарным режимам «свободный коллективизм», который принимает экономический порядок как целое и гарантирует свободу частных экономических операций.

Главным врагом американской политической культуры, а также угрозой для демократии Липпман считал экономическое планирование и авторитарный коллективизм. Экономическое содержание этого тезиса впоследствии развили Л. фон Мизес и Ф. А. фон Хайек.

Взгляды Липпмана, основывающиеся исключительно на политическом рационализме, были подвергнуты критике. Установленные теоретиком границы народовластия противоречили духу демократии, блокировали развитие гражданского общества, лишали широкие народные массы ряда существенных политических прав и никак не защищали его от произвольных решений элиты экспертов.

Американский социальный философ и историк Кристофер Лэш отмечал, что для Липпмана «демократия не значила чего-либо большего, чем общедоступность житейских благ»⁹. Демократия, по Липпману, подразумевает, что граждане делегируют свои политические права элите экспертов в обмен на обеспечение их разнообразными благами, товарами и удобствами. Если не использовать политологических эвфемизмов, можно сказать, что, по существу, для классической демократии, которая строится на признании за гражданами широких политических прав и свобод, эта модель «демократического реализма» представляет собой форму добровольной политической покорности.

Разумеется, Липпман не мог принять подобных обвинений. В условиях национального государства не существует другого адекватного способа организации, позволяющего одновременно и эффективно управлять и сохранять конституционные права и свободы граждан. Это консерваторы-антиэтатисты и палеолибертарианцы могли предложить альтернативу через обращение к джефферсоновской традиции децентрализации. Для Липпмана подобное было недопустимо.

По Липпману, «реальная оперативная власть в демократическом государстве должна находиться в руках немногих»¹⁰, гражданам доверялась только оценка власти и возможность ее смены легитимным способом. То есть снова политическое участие граждан определяется их возможностью делегировать свои права новой элите.

Итак, народные массы не могут принимать участие в решении важнейших политических вопросов, но они могут определять, удовлетворены ли они работой избранных властей и специалистов.

Липпман vs Дьюи: спор о демократии

С критикой «демократического реализма» выступил крупный американский философ Джон Дьюи. Ошибка Липпмана, по его мнению, заключалась в неверном восприятии человеческой природы. Дьюи, в отличие от Липпмана, считал, что людей можно воспитать политически свободными.

«Демократический реализм» Липпмана утверждает, что сощественная демократия неосуществима. Однако демократия, по Дьюи, — это не только совокупность механизмов политического управления (самоуправления), но и сама культура существования сообщества.

Дьюи критиковал позицию Липпмана, утверждая, что она противоречит этике демократии. Администраторы и эксперты — это не представители народа, а новая аристократия. Дьюи отказывал любой группе лиц в моральном праве на политическое управление массами: «Ни один человек или группа людей не бывают настолько мудры или нравственны, чтобы править другими людьми без их согласия; а утвердительное звучание этой идеи таково, что все люди, испытывающие на себе действие социальных институтов, должны участвовать в создании или управлении ими»¹¹.

«Демократическому реализму» Липпмана Дьюи противопоставил антропологический оптимизм. Философ утверждал, что демократия — это не статический институт, а явление в развитии: «Мы привыкли считать демократию уже возведенным институтом <...> У нас стихийно сложилось представление о демократии как о чем-то стационарном вроде наследства, которое можно завещать <...> По самой своей природе, по сути она такова, что не может просто переходить от человека к человеку или от поколения к поколению, а должна формироваться под влиянием потребностей, проблем и условий общественной жизни»¹². Но если не допускать до политического управления широкие гражданские массы, тогда люди никогда не научатся самоуправлению, никогда не станут политически свободными.

Если логически продолжить критику Дьюи «демократического реализма», то можно утверждать, что Липпман конструирует, изобретает демократию в соответствии со своими достаточно консервативными и элитистскими убеждениями.

Липпман считал, что массы не могут овладеть необходимыми для самоуправления знаниями. Однако знание, по Дьюи, — это не источник власти, а инструмент свободной трансляции общественных ценностей. То есть отсутствие знаний не должно вести к отчуждению политических прав. Обратное противоречит самому эгалитарному духу демократии. Дьюи, в отличие от Липпмана, просветитель, его положения основаны на вере в способность человека к интеллектуальному и нравственному совершенствованию.

Апеллируя к моральному авторитету философа Р. У. Эмерсона, Дьюи утверждал, что нет никакого рационального основания для социального неравенства в вопросах политического самоуправления сообщества: «все мы — всего лишь дети, резающиеся на руках у всеобъемлющего разума. Но до тех пор, пока посредником этого разума не станет местное сообщество, он обречен пребывать в дремлющем состоянии, в оторванности ото всего, что его окружает»¹³.

Разногласия Дьюи и Липпмана в определении демократического государства лежат в сфере социальной аксиологии. По мнению Дьюи, система социальных и политических ценностей в демократическом государстве должна выстраиваться с акцентом на интересах народа, какими бы они ни были, а не на их соотношении с независимым экспертным мнением или даже научным знанием. «О том, что жмет ботинок, — писал Дьюи, — и в каком именно месте он жмет, лучше всех известно тому, кто носит этот ботинок — даже если классный сапожник лучше его знает, как справиться с этой проблемой. К числу неоспоримых достижений демократического правления относится создание института общественности — пусть даже демократическим правителям и не слишком удается надлежащим образом информировать эту последнюю!»¹⁴

Этическое обоснование демократической модели политического режима объясняется у Дьюи необходимостью совместной деятельности уравненных в правах и свободах граждан общества: «Одним из условий возникновения сообщества является ассоциированная или совместная деятельность. Но сама по себе ассоциация есть нечто физическое и органическое, а жизнь сообщества является нравственной, то есть основывается

на эмоциях, разуме и сознании»¹⁵. Демократический принцип политического участия граждан Дьюи понимает гораздо шире, чем Липпман.

Краеугольным камнем противоречий между концепциями демократии Липпмана и Дьюи является различное отношение мыслителей к природе человека. Это связано с тем, что установки социальной философии Дьюи, которые можно охарактеризовать как «нравственная вера» и «социальная надежда», воспринимались Липпманом как проявления наивного гуманизма.

Мыслителей объединяло антиавторитарное видение демократии, но разъединяло отношение к тому, что можно назвать «политическим прогрессом». Дьюи считал, что демократия должна непрерывно развиваться, как развивается реальный мир. И это, полагал философ, наилучшая модель развития для самой личности, подчеркивающая динамизм человеческой жизни. Липпман, напротив, скептически относился к практическому развитию логики классической демократии: политически свободные аффектированные массы, допущенные до принятия решений по масштабным политическим проблемам, могут сами отвергнуть свои незыблемые свободы и в коллективистском угаре породить тоталитарные формы политических режимов. Надо отметить, что хотя нравственная позиция Дьюи кажется внешне почти безупречной, история, скорее, подтвердила правоту Липпмана.

«Демократический реализм» и элитизм

Анализировать элитистский аспект политических взглядов Липпмана без обращения к идейной генеалогии «демократического реализма» невозможно. На этапе становления своих политических убеждений он находился под влиянием идей корифеев американской мысли — Ирвинга Бэббита и Джорджа Сантаяны.

Под руководством Сантаяны Липпман изучал античную философию в Гарвардском университете, где примыкал к кругу студентов, очарованных личностью философа, «наследующего прошлое, принадлежащего старой, богатой и сложной цивилизации»¹⁶.

Превосходство элиты, особый статус ограниченного числа лиц, был обоснован у классика американской философии и эстетически, и исторически. Мыслитель представлял в качестве

образца античный мир, в котором избранные играли определяющую роль в политике и культуре. Интеллектуализм, свойственный западной мысли начала XX в., по существу, неизбежно вел к формированию элитистских концепций управления обществом и государством. Социальный и политический идеал Сантаяны — господство духовной, интеллектуальной элиты.

В своих крайних формах элитизм порывал с демократией и служил основанием для авторитарных политических теорий. В то же время гуманистический вариант элитизма старался уравновесить демократические принципы политического участия направляющей силой интеллектуальной элиты, обладающей равновесием ума и сердца.

Когда Липпман знакомился с антимажоритарными и антиромантическими идеями Бэббита, он симпатизировал социализму и общественно-политическим идеям Ж.-Ж. Руссо. Однако работы теоретика «нового гуманизма» изменили оптимистичные представления Липпмана о человеке.

«Новый гуманизм» Бэббита ориентировался на классические (аристотелевские) идеалы личности. Формирование «выдающейся личности» («superior individual») невозможно без ориентации на традиционные и вместе с тем на гуманистические ценности — добродетели личной дисциплины и самоограничения. К ним добавляется идея о необходимости интеллектуального отбора. «Правильный отбор, — писал Бэббит, — позволяет человеку доказать свое превосходство и показать, что он — нечто большее, чем сила природы»¹⁷. Инструментом такого отбора и формирования совершенной личности является классическое гуманитарное образование. Оно позволяет формировать «аристократию характера и интеллекта», на которую и следует возложить моральную миссию управления.

Рональд Стил отмечает, что элитистские идеи Бэббита оказали существенное влияние на развитие политических идей Липпмана¹⁸, хотя в целом молодой Липпман отнесся к идеям Бэббита критически, не приняв вполне политического и культурного консерватизма «нового гуманизма».

Любопытны связи политических взглядов Липпмана с классиками теории элит. Элитизм Липпмана находит точки соприкосновения с учением итальянского социолога Р. Михельса

об «олигархии». Американский теоретик штудировал труды Михельса и согласился с его «железным законом олигархии». Итальянский социолог писал о неизбежности установления в обществе власти меньшинства, как неотъемлемого свойства любой организации: «большинство людей трагической необходимостью предопределено к подчинению господству небольшого меньшинства и должно довольствоваться тем, чтобы составлять пьедестал олигархии»¹⁹. Как и Липпман, Михельс в юности симпатизировал социализму, а затем порвал с ним. Однако Липпман эволюционировал по направлению к либеральной демократии, а Михельс перешел на праворадикальные позиции, выступив с поддержкой итальянского фашизма. Липпман, в отличие от Михельса, считал, что разумный баланс между массами и элитами в политике можно установить в рамках демократических институтов.

По своим политическим взглядам Липпман был ближе, скорее, другому элитологу — итальянскому правоведу Г. Моска. Моска, как и Липпман, считал, что среднестатистический «слабый» и иррациональный человек из народа не способен разумно управлять страной, поэтому народные массы не могут быть допущены до политического управления государством. Элиты складываются на основе республиканского принципа разумного представительства. Однако авторитарному принципу управления Моска предпочитал либеральный, считая его более эффективным, признавая права и свободы личности непреложными, одобряя принцип *laissez-faire*. Неизбежность согласия большинства на политическое подчинение правящему меньшинству, как фактор легитимизации любой организации, объясняется следующим образом: «представители правящего меньшинства неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в обществе, в котором они живут»²⁰.

Элитизм в политической теории Липпмана, в отличие от праворадикальных его вариантов, не заигрывает с «улицей» и лишен популистского компонента. Политическое управление, по Липпману, доверяется интеллектуально ответственной и компетентной элите. Эта элита не вполне искусственная, поскольку элитарные, если можно так выразиться, демократические институты управления естественны, то есть определяются естественным распределением интеллектуальных способностей.

Надо признать, что демократический принцип свободы личности (и политического равенства) несколько теряется за элитистской риторикой Липпмана. Иррациональному субъективизму масс Липпман противопоставляет вероятный объективный рационализм элиты. Его задача — устранить политическое влияние масс, а не просветить их. Политическая философия Липпмана базировалась на антропологическом пессимизме, который утверждает, что политика и культура развиваются в ходе истории, но человеческая природа остается неизменной.

Особый демократический элитизм объяснялся Липпманом необходимостью рационального баланса в политическом устройстве общества. Это то, чему Кроуфорд Гудвин дал следующее определение: «информированное и относительно сложно организованное гражданское общество»²¹. Ларри Адамс охарактеризовал «демократический реализм» Липпмана как конструктивный представительный элитизм²².

Разумеется, концепция «демократического реализма» приобрела множество критиков. Они характеризовали идеи Липпмана как парадоксальные и противоречащие основополагающим принципам демократии. Джон Патрик Диггинс писал, что Липпман бросил вызов «либеральной демократии»²³. А Ноам Хомский утверждал, что все гражданское население в теории Липпмана играет роль политического «зрителя», тогда как «основные решения в отношении социальной и экономической жизни принимаются в рамках учреждений, обладающих авторитарным контролем сверху вниз»²⁴.

Заключение

В современном мире кризис демократических моделей политической организации только нарастает. Сложная организация общества, всеобщая вовлеченность в решение политических проблем, неуклонная цифровизация — все это в разной мере, но, так или иначе, дестабилизирует системы общественного и государственного консенсуса, на которых базируются демократические режимы. И в этом смысле обращение к альтернативным формам демократических моделей управления представляется нам весьма своевременным.

Нельзя отрицать и актуальности проблемы баланса в тенденциях охраны традиции и неизбежности прав и свобод граждан. Поэтому особого внимания заслуживает консервативный аспект «демократического реализма» Липпмана. Мыслитель вполне вписывается в политическую традицию США, которая в большинстве своих течений опирается на идеи социально-экономической свободы гражданина. Липпман защищал либеральную демократию как консерватор, стараясь предотвратить установление в США коллективистских политических основ, которые, как ему представлялось, были бы логическим продолжением «Нового курса» Ф. Рузвельта. Консерватизм в данном случае выступал против перемен в традиционных для США условиях рыночных отношений, определявших социальную и политическую культуру свободы.

Ключевая идея Липпмана заключается в необходимости рационализации демократического процесса. Если интеллектуальная элита представляет собой созидательную политическую силу, то гражданские массы, будучи вовлеченными в процесс принятия политических решений, могут стать силой разрушительной. Иерархия, порядок и рациональное управление, с точки зрения теоретика, предпочтительнее политического равенства. Таким образом, Липпман, с рационалистических позиций переосмысливший «новый гуманизм», идеи классиков элитологии и базовые принципы демократии, выступил против идеализма и радикализма в политике.

Примечания

- ¹ Печатнов В. О. Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994.
- ² Ослон А. Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» / пер. с англ. Т. В. Барчуновой // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 126.
- ³ Фрумкина Р. Уолтер Липпман: свободный коллективизм! // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 124.
- ⁴ См.: Stanley W. B. Social Studies and the Social Order: Transmission or Transformation? // Social Education. 2005. Vol. 69. P. 284.

- ⁵ *Boyd J. P.*, ed. *The Papers of Thomas Jefferson*. Vol. 2. 1777—18 June 1779. Princeton, 1950. P. 527.
- ⁶ *Липпман У.* Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М., 2004. С. 91—92.
- ⁷ *Он же.* Публичная философия / пер. с англ. И. И. Мюрберга. М., 2004. С. 40.
- ⁸ Там же. С. 293.
- ⁹ *Лэши К.* Восстание элит и предательство демократии / пер. с англ. Дж. Смити, К. Голубович. М., 2002. С. 68.
- ¹⁰ *Баталов Э. Я.* Американская политическая мысль XX века. М., 2014. С. 439.
- ¹¹ *Дьюи Д.* Реконструкция в философии. Проблемы человека / пер. с англ., послесл. и примеч. Л. Е. Павловой. М., 2003. С. 173—174.
- ¹² Там же. С. 161.
- ¹³ *Дьюи Д.* Общество и его проблемы / пер. с англ. И. И. Мюрберга, А. Б. Толстова, Е. Н. Косиловой. М., 2002. С. 159.
- ¹⁴ Там же. С. 150—151.
- ¹⁵ Там же. С. 110—111.
- ¹⁶ *Dessi G.* Lippman and Santayana // *Limbo*. 2014. № 34. P. 35.
- ¹⁷ *Babbitt I.* *Literature and the American College*. Washington, DC, 1986. P. 100—101.
- ¹⁸ *Steel R.* *Walter Lippmann and the American Century*. New Brunswick, 1999. P. 19.
- ¹⁹ *Michels R.* *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. N. Y., 1962. P. 353.
- ²⁰ *Моска Г.* Правящий класс / пер. с англ. Т. Н. Самсоновой // *Социс*. 1994. № 10. С. 189.
- ²¹ *Goodwin C. D.* *Walter Lippmann: Public Economist*. Cambridge, 2014. P. 354.
- ²² *Adams L. L.* *Walter Lippmann*. Boston, 1977. P. 108.
- ²³ *Diggins J. P.* *From Pragmatism to Natural Law: Walter Lippmann's Quest for Legitimacy* // *Political Theory*. 1991. Vol. 19. № 4. P. 526.
- ²⁴ *Chomsky N.* *Hegemony or Survival. America's quest for global dominance*. N. Y., 2004. P. 6.

DOI: 10.46725/IW.2021.1.5

С. М. Дударенок

НЕТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИИ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В 1990-е ГОДЫ

Введение

Актуальность. 1990-е годы в религиозной жизни Дальнего Востока России ознаменовались бурным всплеском интереса к нетрадиционным религиям, активность которых, по утверждению крупнейшего отечественного религиоведа Е. Г. Балагушкина, проявляется в эпохи кризиса и общественных потрясений, в переломные периоды истории, связанные с глубокими изменениями экономики и быта, политических настроений и общего мироощущения человека¹. В отечественной и в зарубежной литературе для определения данного явления, наряду с понятием «нетрадиционные религии», используют определение «новые религиозные движения» (НРД)².

© Дударенок С. М., 2021

Дударенок Светлана Михайловна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточное отделение Российской академии наук, dudarenoksv@gmail.com (Dr. Sc. (History), Professor, Lead Researcher of the Department of Social and Political Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00496 А (Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00496 А).

Распространение в России нетрадиционных религий отечественного и иностранного происхождения — результат резких и глубоких социокультурных изменений конца 1980-х — начала 1990-х годов, которые породили чувство пессимизма, бесперспективности жизни, психологическое ощущение хрупкости окружающего мира. Наиболее остро это почувствовала молодежь и интеллигенция, перед которой остро встал вопрос поиска «новых основ» своего индивидуального существования.

Богоискательский бум, захвативший в начале 1990-х годов тысячи дальневосточников, первоначально был направлен на поиски основ своего индивидуального существования и «истинной» веры в существующих православных общинах. Именно неспособность их в начале 1990-х годов удовлетворить «духовные потребности» богоискателей привела к тому, что определенная часть дальневосточной интеллигенции и студенчества стала искать опору своему индивидуальному существованию в различных псевдорелигиозных группах и нетрадиционных религиях, верования которых после принятия Закона «О свободе вероисповедания» (1990 г.) и «открытия» Владивостока стали активно распространяться на территории Дальнего Востока миссионерами сопредельных стран.

Так как дальневосточные богоискатели в большинстве своем не имели опыта «жизни в Боге»³, успехи миссионерской деятельности среди них различных нетрадиционных религий во многом зависели от личности миссионера, объема у миссионерского десанта материальных средств и качества публичных мероприятий, проводимых тем или иным НРД.

В Приморском и Хабаровском краях конфессиональное разнообразие нетрадиционных религий в 1990-е годы было значительным и включало в себя не менее 30—35 наименований. Владивосток по конфессиональному разнообразию НРД в 1990-х годах уступал только Москве и Санкт-Петербургу⁴.

Постановка вопроса. Целью статьи является попытка выявить роль нетрадиционных религий в идеологических ориентациях и мировоззренческих представлениях дальневосточной интеллигенции в 1990-е годы.

Для дальневосточного региона последствия «перестроечных» лет были более негативны, чем для центральных регионов

страны. Проводимая Москвой в 1990-е годы в отношении Дальнего Востока политика сформировала в сознании дальневосточников чувство «ненужности» федеральному центру, поставила перед ними задачу найти «новую опору» для своего индивидуального существования («спасение утопающих дело рук самих утопающих»).

Наиболее «чувствительной» к последствиям «перестроечных» лет (многомесячные задержки заработной платы, сокращение рабочих мест, закрытие ряда научно-исследовательских учреждений и пр.) оказалась дальневосточная интеллигенция, значительная часть которой получила образование в центральных регионах страны, приехала на Дальний Восток по распределению и оказалась «самой ненужной» социальной стратой.

Реакция на кризисные явления дальневосточной интеллигенции была различной. Часть покинула территорию Дальнего Востока, переехав в европейскую часть страны и страны АТР (наибольший отток произошел из северных субъектов региона). Из тех, кто не мог или не хотел уезжать, одни попытались обратиться к «национальным» корням, меняя в мировоззрении самоидентификацию «дальневосточник» на национальную принадлежность, другие — попытались найти основы своей идентичности в религии, в том числе и нетрадиционных религиях, получивших широкое распространение в регионе благодаря деятельности иностранных миссионеров.

Источниковая база исследования состоит из двух равноправных частей: полевого дневника автора, составленного на основе включенного наблюдения мероприятий, проводимых представителями нетрадиционных религий, встреч с миссионерами, посещения религиозных общин нетрадиционных религий как индивидуально, так и со студентами Дальневосточного государственного университета (ДВГУ) в период с 1989 по 1998 год и личного архива автора, в котором отложились различные информационные материалы о деятельности нетрадиционных религий на территории региона; вторая часть источников — публикации в СМИ, внутренняя литература нетрадиционных религий, материалы текущих архивов отделов по связям с общественными и религиозными организациями администраций Дальневосточного федерального округа.

Методология и методы исследования. Методология, избранная автором для настоящего исследования, включает в себя компаративный анализ, предполагающий выделение наиболее существенных проблем в отношениях «религия-интеллигенция»; анализ деятельности наиболее распространенных нетрадиционных религий, отношения к ним общества, власти и СМИ; выявление объективных и субъективных причин роста интереса дальневосточной интеллигенции к нетрадиционным религиям в начале 1990-х годов и падение этого интереса после принятия ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997 г.)

Основная часть

Отношение к нетрадиционным религиям дальневосточной интеллигенции в 1990-х годах

В начале 1990-х годов проникновение и распространение на территории Дальнего Востока России нетрадиционных религий было воспринято дальневосточной интеллигенцией положительно. Среди заинтересовавшихся новомодными учениями было много тех, кто проявлял интерес к восточной и западной философии, занимался различными видами единоборств, интересовался медитативными практиками и пр. В личном общении они часто говорили о том, что принадлежат к тем религиозным учениям, лидеры которых пользуются симпатией высшего руководства страны: от президента М. С. Горбачева до региональной политической элиты⁵. Это, как ни странно, было реальностью.

Отношение дальневосточной интеллигенции к нетрадиционным религиям в 1990-х годах было различным. Часть из них не вызывала особого интереса, возможно, потому, что сводила всю свою деятельность к сбору пожертвований и призыву успеть покаяться до наступления «конца света» (Белое Братство — ЮСМАЛОС) или настойчивому «приглашению» заинтересовавшихся покинуть эту «грешную» территорию и переселиться в «город Солнца» (Церковь Последнего Завета); некоторые привлекали внимание «избранных», тех, кто интересовался восточными единоборствами, философией и культурой Востока (Международное Общество Сознания Кришны, Сахаджа-Йога, Ананда

Марга, Агни-Йога (Учение Живой Этики), Миссия Божественного света, Кальки, АУМ Синрикё, Шри Чинмоя, Трансцендентальная медитация, Фалуныгун, последователи школ «багуа-чжан» или «синьи-цюань» и пр.); третьи были «маргиналами», стоящими на обочине богоискательских тенденций (сатанисты, зороастрийцы, неоязычники и пр.); четвертые претендовали на «спасительную миссию варягов» (Церковь Христа) (Бостонское движение), Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства и пр.); пятые — предлагали переосмыслить христианское миропонимание и вероучение, приблизить его к людям (Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны), Церковь Божией Матери Державная и пр.); шестые предлагали новое понимание монотеизма (Вера Бахаи), седьмые развивали идеи «Нью-Эйдж» (Церковь Саентологии, Радастия, Анастасия, Ресурсный центр холодинамики «Ариадна», Путь к Силе и пр.) и т. д.

Так, например, появившиеся в 1992 г. во Владивостоке эмиссары «Белого Братства», стоявшие на Светланской улице с портретами Дэви Марии Христос (Марины Цвигун) и плакатами с просьбой жертвовать на церковь единого Бога не привлекали особого внимания горожан. На мой вопрос к интеллигентной пожилой дамы, пожертвовавшей определенную сумму, «На какую церковь она жертвует?», я получила ответ: «Не важно, я в этом не разбираюсь, просто жалко молодого человека, холодно, а он все стоит и стоит, но почти никто ему не подает...»⁶

Не заинтересовал особо своим вероучением богоискателей Владивостока и Христос Виссарион Минусинский (Сергей Гороп) — «новый спаситель, человек вышедший из низов, но оказавшийся избранным, божеством, спустившимся на землю». Дважды побывав во Владивостоке (1996 г. и 1998 г.), он не смог привлечь жителей города к своему учению и объявил Владивосток «гнилым городом, в котором невозможно существование его общины»⁷. Небольшая (около 20 чел.) община последователей «Христа Виссариона Минусинского» в 1990-х годах периодически собиралась для молитвенного общения и изучения «Последнего Завета»⁸, большая часть из них готовились уехать в «город Солнца», но публичных мероприятий не проводила⁹. Две небольшие (по 10 человек каждая) религиозные группы последователей Церкви Последнего Завета действовали в 1990-е годы и в Хабаровском

крае¹⁰. Они, как и приморские верующие, готовились к переезду в «город Солнца» и особой активностью не отличались.

То или иное отношение дальневосточной интеллигенции к нетрадиционным религиям было во многом обусловлено их социокультурной деятельностью. Благожелательное отношение к вайшнавам (Общество Сознания Кришны — ОСК) и мормонам (Церковь Иисуса Христа Святых последних дней — ЦИХСПД) в 1990-е годы определялось тем, что они, вслед за протестантскими миссиями, занялись просветительской и благотворительной деятельностью.

В 1991 г. во Владивостоке по инициативе вайшнавов открылось вегетарианское кафе «Харе Кришна». С начала 1993 г. там ежедневно раздавали бесплатные обеды для одиноких пенсионеров. Для координации благотворительной деятельности в 1994 г. вайшнавами Владивостока была зарегистрирована Благотворительная Общественная Организация «Food for Life — Пища для жизни» (директор программы С. В. Васьков), ставшая одним из учредителей Приморского продовольственного фонда. С мая 1994 г., кроме кафе «Харе Кришна», вайшnavы организовывали благотворительные обеды в парке Минного городка. Большую поддержку эта деятельность получила в отделах социальной защиты населения администраций Фрунзенского и Ленинского районов Владивостока. В 1994 г. программа «Food for Life — Пища для жизни» получила положительную оценку и местной прессы¹¹.

Свои благотворительные программы в России ЦИХСПД (мормоны) стала реализовывать с 1984 г. Это предоставление продовольствия, одежды, учебных материалов, медицинского оборудования, консультации в области сельского хозяйства и медицины. Через разные благотворительные организации с 1 января 1984 г. по 19 мая 2003 г. ЦИХСПД осуществила в России 657 гуманитарных проектов на миллионы долларов США¹².

Первый гуманитарный проект на территории Дальнего Востока в Приморском крае ЦИХСПД осуществила в 1992—1993 годах: через Международную гуманитарную службу «Забота» передала нуждающимся 35.700 кг одежды для женщин и детей¹³. Можно предположить, что в определенной мере интерес к ЦИХСПД у россиян, в том числе дальневосточников, — результат благотворительной деятельности Церкви.

***Саентология и Вера Бахаи
в мировоззренческих исканиях
дальневосточной интеллигенции***

Определенный интерес дальневосточная интеллигенция проявила к учению Рона Хаббарда (Церковь Саентологии)¹⁴. Первые саентологи появились на Дальнем Востоке в начале 1990-х годов в Амурской области¹⁵.

В течение первого года существования амурские саентологи были довольно активны, не без успеха пропагандируя различные хаббардовские «технологии» среди местных чиновников. Например, глава Сковородинского района Амурской области Б. Шалимов направлял сотрудников администрации на обучение в ООО «Перфомия» и «WISE СНГ», которые распространяли административные технологии, разработанные Роном Хаббардом. Этим организациям было перечислено из районного бюджета 645 тыс. руб.¹⁶

К концу 1994 г. интерес амурчан к учению Р. Хаббарда упал. Просуществовав до начала 1995 г., организация распалась¹⁷.

Активно действовали саентологи в Приморье, на Камчатке и в Магаданской области. Значительную помощь в распространении саентологических практик в среде дальневосточной интеллигенции оказывали местные журналисты и СМИ. Например, в июне 1996 г. магаданские саентологи подготовили цикл лекций для местного телевидения: «Административная дианетика», «Детская дианетика», «Социальная дианетика», «Педагогическая дианетика». Предполагался даже прямой эфир, в котором члены местного Центра должны были отвечать на письма и звонки жителей области¹⁸.

Активнее всего в 1990-е годы саентологи действовали в Хабаровском крае. Появление в Хабаровске последователей Р. Хаббарда относится к 1994 г.¹⁹ В марте 1995 г. был создан саентологический Гуманитарный Центр «Путь к совершенству»²⁰.

Одной из первых программ, которую реализовал Центр «Путь к совершенству», стала работа в исправительно-трудовых учреждениях по книге Хаббарда «Дорога к счастью»²¹. К работе по данной программе была привлечена Н. П. Ганджа, кандидат медицинских наук, начальник психологической лаборатории

учреждения ЯБ-257/3, майор внутренней службы. Став ярким сторонником внедрения данной методики в работе с осужденными, Н. П. Ганджа отправила отзыв о работе по «Дороге к счастью» в «Гуманитарный Центр Хаббарда» в Москве²², в котором утверждала, что методика работы над книгой является перспективной для работы с осужденными, так как помогает им адаптироваться к жизни в обществе с нормальными установками.

Заметно упрочились позиции Гуманитарного Центра «Путь к совершенству» после того, как группа работников Центра из 10 чел. в течение месяца (с 15.06. по 15.07.1995 г.) работала с жертвами землетрясения в п. Нефтегорск. Мы не можем достоверно утверждать, что их работа действительно сняла стрессовое состояние у пострадавших, но 5 июля 1995 г. начальник Дальневосточного регионального центра по делам гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий контр-адмирал А. А. Самофал направил Президенту Гуманитарного Центра Хаббарда И. В. Бережнову письмо, в котором выражал благодарность всем специалистам данной группы за их участие в проведении специальных мероприятий по ликвидации последствий землетрясения на Сахалине²³.

Значительно подорвала авторитет Хабаровского Гуманитарного Центра «Дианетика» статья И. Машновой «Муравейник Хаббарда»²⁴. В ней рассказывалось о 14-летнем подростке, который увлекся саентологией. Результатом «сотрудничества» с Центром «Дианетика» стало заявление в суд с требованием привлечь к уголовной ответственности его родителей по статье 156 УК РФ: «неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями обязанностей по воспитанию несовершеннолетних». Он обвинил отца, что тот его избивает, принуждает к сексуальным извращениям, а мать, вместо того чтобы защитить его, обвиняет в клевете, запирает дома. В ходе следствия факты не подтвердились. Суть конфликта в семье сводилась к следующему: сын подвел родителей под категорию «подавляющих личностей» (ПЛ) и, чтобы освободиться от их «негативного энергетического воздействия», прибег к «честной игре». Суть «игры» в том, что она позволяет прибегнуть к крайним мерам: лишить ПЛ собственности, нанести ей вред, оболгать и даже уничтожить физически.

Антон (под этим именем подросток фигурировал в статье) попросил приятелей избить его, чтобы на теле остались следы побоев и, взяв заключение судмедэксперта о многочисленных кровоподтеках, потребовал возбудить в отношении родителей уголовное дело. С подростком поговорили, напомнили об ответственности за дачу ложных показаний, но мотивация поступка подростка осталась скрытой от чужих глаз, родители не стали «выносить сор из избы», остерегаясь еще более ухудшить отношения с сыном²⁵.

Публикация вызвала большой общественный резонанс. В редакцию пришло много писем от читателей, в том числе и бывших саентологов, лично знакомых с теми представителями Гуманитарного Центра «Дианетика», о которых упоминалось в статье²⁶.

Довольно привлекательной для дальневосточной интеллигенции и студенчества в конце 1980-х — начале 1990-х годов становится Вера Бахаи²⁷. «Меккой» российских бахаи в конце 80-х — начале 90-х годов XX в. становится о. Сахалин. «Открытие» острова для посещения иностранцами способствовало знакомству жителей области с Верой Бахаи. 29 августа 1989 г. на Сахалин с группой иностранных корреспондентов прибыла бахаи из Канады Бет Маккенти, вслед за ней 18 сентября 1989 г. в составе группы японских туристов на Сахалин приехали г-жа Резвани Катираи и ее сын Фоад. За время пребывания на Сахалине Фоаду Катираи удалось завязать дружеские и деловые отношения с одним из крупнейших геофизических предприятий г. Южно-Сахалинска — трестом «Дальморнефтегеофизика». Впоследствии управляющий трестом Э. Я. Кропп оказал неоценимую помощь молодой общине бахаи г. Южно-Сахалинска, предоставив ей возможность проводить собрания в актовом зале треста, а также, помогая в оформлении виз для многочисленных странствующих учителей бахаи, приезжавших в начале 1990-х годов на остров²⁸.

В начале 1990-х годов очень благожелательным было отношение к деятельности сахалинских бахаи со стороны органов власти. Представители местных администраций часто присутствовали на собраниях или других мероприятиях местных общин бахаи. Например, 20 марта 1993 г. в Охе прошла расширенная встреча бахаи всего Охинского района. На ней присутствовал мэр Охи М. Куперман²⁹. Не возражали местные администрации и по поводу

приобретения иностранными бахаи недвижимости. Так, г-н Фирайдун Мисах, пионер из Южной Кореи, член Вспомогательной Коллегии купил в 1993 г. квартиру в Южно-Сахалинске для пионеров и странствующих учителей, пожертвовав ее общине³⁰.

Отделы народного образования не препятствовали пионерам и странствующим учителям бахаи читать курсы лекций в вузах и техникумах, проводить семинары для учителей школ и колледжей, встречаться с учащимися школ и т. д.³¹

Со второй половины 1990-х годов число верующих бахаи на Сахалине начинает сокращаться. Одна из основных причин этого, по мнению руководства общины, — миграция жителей острова на материк. После трагических событий 1995 г., когда в результате землетрясения погиб Нефтегорск, а поселки севера Сахалинской области стали аварийными и непригодными для жизни, начался интенсивный отток жителей с севера острова.

Нам представляется, что основная причина сокращения числа бахаи — образование Сахалинской епархии Русской Православной Церкви. Отсутствие в начале 1990-х годов на Сахалине и Курилах достаточного количества приходов РПЦ делало Веру Бахаи привлекательной, особенно для представителей интеллигенции, тем более что местные администрации проявляли симпатию к деятельности бахаи. Создание Сахалинской епархии Русской православной церкви, переориентация областной и городских администраций только на поддержку структур и деятельности РПЦ и, соответственно, сокращение контактов с верующими бахаи привело к утрате былой привлекательности Веры Бахаи для жителей Сахалинской области. Часть бахаи стала удовлетворять свои духовные потребности в православных храмах, другая — просто покинула общины, не примкнув ни к одной религиозной традиции.

Общины бахаи существовали и в других регионах российского Дальнего Востока: Приморском и Хабаровском краях, Амурской, Камчатской и Магаданской областях. Самыми активными из них были приморские последователи Веры Бахаи.

Нью-Эйджеровские общины дальневосточной интеллигенции

Определенную популярность в среде дальневосточной интеллигенции и студенчества во второй половине 1990-х годов получили Радастея и движение Звенящие кедры России (Анастасия).

В Ритмологии Радастеи (псевдоним Е. Марченко) дальневосточных интеллигентов привлекло то, что она позиционирует себя как синтез науки, религии и философии, говорит о единстве всех религий, возможности реинкарнации, сложной космогонии и приближении Новой эпохи, новой духовной Земли и духовной расы людей.

Немногочисленные последователи Радастеи действовали в Хабаровском крае³² и в Амурской области, но наиболее активно они действовали в Приморском крае, арендуя для лекций и занятий зал в Приморском краевом музее им. В. К. Арсеньева³³.

Анастасия (движение Звенящие кедры России) — воплощение мечты многих россиян о возвращении к родовым корням и восстановлении связи с природой. Идеи о необходимости создавать собственные родовые поместья и поселения, подобные тем, которые описал Владимир Мегре в своих книгах, стали распространяться среди дальневосточной интеллигенции в конце 1990-х годов. Возможно, их идеология оказывала влияние на становление мировоззрения членов неоязыческих общин, которые тоже стремились к созданию собственных родовых усадеб (например, община «Ранадор», Приморский край, с. Зеркальное).

Среди дальневосточной технической интеллигенции определенную популярность получили в 1990-е годы такие НРД как «Путь к Силе» и холодинамика.

Религиозное объединение «Путь к Силе» действовало в середине 1990-х годов в г. Дальнегорске Приморского края. Община даже подавала документы на регистрацию³⁴. Верховным Магистром религиозного объединения «Путь к Силе» был избран А. М. Колесников, золотым — Б. В. Ларичев, серебряным — В. В. Кравченко³⁵.

Ресурсный центр холодинамики «Ариадна» действовал в середине 1990-х годов в г. Находка, учредители стремились зарегистрировать свое объединение в качестве общественного³⁶.

***Неоориенталистские НРД:
отношения с властью и обществом***

В Хабаровском и Приморском краях в 1990-е годы существовали общины последователей Трансцендентальной медитации, движение Шри Чинмоя, Семья, Чаша Граала, Институт знания о тождественности — миссия Чайтаньи, Сахаджа-Йоги и др.³⁷

В начале 1990-х годов на Дальнем Востоке России появились последователи международной религиозной организации «Ананда Марга» (Путь блаженства), деятельность которой в свое время была запрещена у себя на родине в Индии, а также в ряде других стран.

На Дальний Восток России учение «Ананда Марга» было завезено из Японии, откуда поступало и основное финансирование деятельности организации. Последователи «Ананда Марга» планировали построить на российском Дальнем Востоке несколько «Ашрамов» (поселений закрытого типа с внутренней экономикой, законодательством и т. п.)³⁸ Для этой цели в Анучинском районе Приморья они купили дом с земельным участком. Предпринимались попытки приобрести землю в Вяземском и Смидовическом районах Хабаровского края, городах Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре.

В Хабаровском крае деятельность «Ананда Марга» омрачилась судебными тяжбами с главой администрации г. Хабаровска В. М. Тевелевичем, который отказался передать в ведение членов общины детский сад³⁹. Большой резонанс у общественности Хабаровска вызвал скандал, устроенный последователями «Ананда Марга» в одном из сел края: «ссылаясь на владение землей сектанты пытались выселить сельчан из их же собственных домов»⁴⁰. В арбитражном суде (1994 г.) хабаровские краевые власти сумели доказать, что организация «Ананда Марга» «является религиозной, с фанатичным уклоном, вторгающейся своей идеологией в психическое сознание человека, изменяя его жизненную ориентацию в отрицательном плане»⁴¹. Во время судебных разбирательств выяснилось, что иностранные члены организации собирали «информацию о социально-экономической жизни региона: все виды ресурсов, тепловые и энергетические коммуникации городов, ж/д и автомобильные пути, экология и др.»⁴².

Хотя члены общины объясняли необходимость подобных сведений для более результативной организации благотворительной деятельности, суд не принял эти объяснения, и организация «Ананда Марга» в Хабаровске была снята с регистрации. Однако на этом существование организации не прекратилось, марговцы переместили свою активность в г. Комсомольск-на-Амуре и в Приморье, где в августе 1992 г. прошёл первый дальневосточный съезд ее сторонников.

В середине 1990-х годов в Дальневосточном регионе появились и последователи «Фалуныгун»⁴³. Наибольший интерес учение Фалун Дафа вызвало среди студентов Хабаровских, Благовещенских и Владивостокских вузов, особенно тех, кто изучал историю Китая и китайский язык. Активно практиковали Фалун Дафа студенты Дальневосточного государственного университета⁴⁴.

В 1990-е годы получила распространение на Дальнем Востоке и Агни-Йога (Живая Этика), общины которой объединяли людей, интересующихся культурой семьи Рерихов. Рериховские общества в 1990-е годы существовали в большинстве крупных городов Дальнего Востока. Большинство из них были малочисленными. Так, например, в Хабаровском крае в 1990-е годы действовало 4 объединения последователей Живой Этики, объединявших всего 50 членов⁴⁵.

В 1990-годы среди практикующих йогу дальневосточников получило распространение учение «Аум Синрикё», деятельность которого Верховный суд РФ 20 сентября 2016 г. запретил и признал организацию террористической⁴⁶.

Интерес к «АУМ Синрикё» в начале 1990-х годов на Дальнем Востоке, особенно в Приморском крае, был довольно значителен: именно дальневосточные аумовцы поддержали руководителя российской общины «АУМ Сенрикё» Дмитрия Сигачева в стремлении освободить руководителей секты Сёко Асахару и Ниими Тумомицу из японской тюрьмы путем осуществления на территории Японии ряда террористических актов.

Подготовку к освобождению лидеров «АУМ Сенрикё» руководитель российских аумовцев 24-летний житель Москвы Дмитрий Сигачев начал в июле 1999 г. Через Интернет он вышел на дальневосточных последователей японского «пророка» — жителей Владивостока.

План Д. Сигачева включал минирование людных объектов (метро, парки и торговый центр) в городах Токио и Аомори. Террористические акты, по его мнению, должны были заставить японское правительство отпустить лидеров секты. В случае удачи планировалось переправить их в Россию через порт Славянка в Приморском крае. Во второй половине 1999 г. члены группы Сигачева занялись изготовлением и испытанием взрывных устройств на основе гексогена.

В начале 2000 г. члены группировки попали в поле зрения правоохранительных органов, а в июле были арестованы. Следствие выявило, что общий вес взрывчатки, имевшейся у Сигачева, позволил бы произвести до 12 мощнейших взрывов. В одной из квартир, принадлежащей членам владивостокской общины «АУМ Сенрикё», следователи обнаружили письмо японскому премьеру, в котором группа российских верующих «просила освободить Асахару, иначе погибнут женщины, дети, старики и мужчины»⁴⁷.

Следствие продолжалось более года. Лидер неудавшихся террористов был осужден на восемь с половиной лет лишения свободы. Его подельники Б. Тупейко, Д. Воронов, А. Шевченко и А. Юрчук получили сроки — четыре с половиной и шесть с половиной лет лишения свободы.

Большой популярностью среди дальневосточной интеллигенции пользовались в 1990-е годы различные семинары по трем истокам Рейки: первый — ветвь Хавайо Такады, стоимость от 250 до 350 американских долларов за курс; второй — ветвь преподобного Сейджи Такаамири, стоимость от 400 до 600 американских долларов за курс; третий — ветвь Ватанабэ, стоимость от 1000 американских долларов в зависимости от учителя⁴⁸. Занятия проводили местные преподаватели, а также доктор психологических наук Всеволод Брук (г. Москва)⁴⁹. Как правило, никаких объявлений о занятиях Рейки не развешивали, а приглашали «будущих учеников» по телефону, через тех, кто уже прошел тот или иной курс. Такая высокая цена за обучение часто вызывала негативную реакцию родителей студентов, посещающих эти курсы, и жалобы на их деятельность в органы власти.

Языческие и сатанинские организации в мировоззренческих исканиях дальневосточной интеллигенции

В начале 1990-х годов заявили о своей деятельности и дальневосточные сатанисты (Владивосток, Хабаровск, Находка), общины которых состояли из студенческой молодежи, интересующейся «Сатанинской Библией»⁵⁰. Ужесточение контроля за деятельностью НРД в конце 1990-х годов привело к тому, что приморские сатанисты стали менее афишировать свою деятельность, что дало основание органам власти Приморского края сделать в 2000 г. вывод об угасании деятельности сатанистов в Приморье. Однако общины последователей Сатаны существуют во Владивостоке и в настоящее время. В 2019 г. они даже уведомили Управление юстиции РФ по Приморскому краю о своей деятельности.

Из неоязыческих общин в 1990-х годах наиболее популярными были приморские общины: община Валерия Навицкого (г. Владивосток); община «Ранадор» (с. Зеркальное); Славянская Православная община «Щит Симаргла» (г. Владивосток, руководители общины А. А. Ляшенко и Ю. И. Худолей) и община Миссионеров Родной Веры «Уссури» (г. Уссурийск, староста общины В. А. Малина). Община «Щит Симаргла» проводила встречи в лесном массиве в районе бухты Тихой каждое воскресенье в 17.00, а также в дни славянских праздников⁵¹. В Хабаровском крае наиболее популярным был Международный центр славянской религии и культуры (г. Комсомольск-на-Амуре)⁵².

В 1990—2000-е годы во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске и ряде других городов функционировал и «Внутренний круг» последователей Порфирия Иванова⁵³. Во Владивостоке, например, они действовали через семейный клуб «Крепыш» (коллективный член ассоциации «Семья мира»), который объединял в 2000 г. 220 семей. Собрания членов клуба проходили 2 раза в неделю в клубе «Чайка», обучение было платное — 200 рублей в месяц⁵⁴.

НРД в социокультурной жизни дальневосточного региона

Деятельность ряда нетрадиционных религий в 1990-е годы (Церковь Христа, Церковь Объединения и др.) способствовала возникновению конфликтных ситуаций, обостряла и без того сложную социокультурную ситуацию в регионе. Так миссионерский десант Церкви Христа (Бостоновское движение), состоящий из 10 человек во главе с Дериком Вэттом, американским проповедником, направленным Международной Церковью Христа (ЦХ) для миссионерской работы в Санкт-Петербург, откуда он и прибыл во Владивосток в 1993 г., взял на себя «спасительную миссию варягов». Десант располагал значительными финансовыми ресурсами, на которые арендовал для начала миссионерской деятельности ДК им. Дзержинского⁵⁵. Дерик Вэтт в своих проповедях допускал оскорбительные выпады против Русской Православной Церкви и других христианских Церквей, иногда нелестно отзывался и о русском народе в целом⁵⁶.

Возможно, именно в пренебрежении к России, Русской православной церкви и русскому народу в целом заключается причина того, что для значительного количества «учеников» нахождение во Владивостокской Церкви Христа было транзитным: через данную церковь в 1990-е годы прошло более 3500 человек (в основном студентов владивостокских вузов), но количество членов церкви никогда не превышало 300 человек⁵⁷. Первые 7 лет существования ЦХ в Приморском крае ознаменованы постоянными конфликтами с органами власти, родителями «учеников», другими христианскими церквями, что, вероятно, можно объяснить максималистским стремлением молодых неопитов буквально следовать доктринальным положениям К. Маккина⁵⁸.

В 1994—1995 годах общины Церкви Христа, благодаря работе миссионерских десантов, возникли в Биробиджане, Благовещенске, Магадане и Хабаровске. К началу 2000-х годов, по разным причинам (обычно не связанным с религиозной деятельностью), эти организации практически прекратили свою деятельность.

Появившиеся на территории Дальнего Востока в 1992 г. муниты ориентировались в своей миссионерской деятельности на преподавателей местных вузов и школ, студентов, журналистов и молодых предпринимателей.

В конце февраля 1993 г. во Владивосток из Москвы прибыла группа мунитов во главе с эмиссаром Межвузовской ассоциации по изучению принципа (КАРП) профессором Казуоши Икено и региональным директором образовательных программ мунитского Международного Фонда Образования австрийца П. Сейвера, который к этому времени почти год провел в Приморье, сотрудничая с органами образования и проводя различные семинары в Уссурийске на базе Приморского государственного сельскохозяйственного института⁵⁹. Эта группа обосновалась в лечебном профилактории «Тихоокеанский», где вплоть до 3 июля 1993 г. проводила «семинары по лидерству», представляющие собой изложение основ вероучения Церкви Объединения (ЦО)⁶⁰. Чуть позднее в музее им. В. К. Арсеньева начал работать лекторий по изучению Принципа, которым руководили американец Янк Клиффорд и болгарин Янко Кирков. Наибольший интерес к учению Церкви Объединения проявляли учителя средних школ.

Янко Кирков, хорошо говорящий по-русски, выявлял среди посетителей лектория «наиболее перспективных» для последующего обучения в учебном центре, где новичку предлагался поэтапный и систематизированный курс обучения в течение 7, 21, 40 и 120 дней. Последний этап, скорее всего, проходил на базе отдыха «Тавайза» или в лечебном профилактории «Тихоокеанский», куда новички уезжали на все лето.

Организаторы «учебного процесса» брали на себя расходы по проживанию и питанию учащихся на весь срок обучения. Учащиеся ни на минуту не оставались одни: совместно работали, слушали лекции, молились по 14—16 часов в сутки. Главный запрет для новичка — контакты с родителями, которые организаторы стремились свести к минимуму, настраивая учащихся не общаться с родственниками, так как они — не истинные дети Божьи, ибо погрязли в грехах. В это же время миссионеры Церкви Объединения преподавали курс «Мой мир и я» во Всероссийском Детском Центре «Океан», путевками куда дальневосточных школьников награждали органы образования за хорошую учебу и активное участие в общественной работе, а также читали свои лекции 10—12-летним школьникам школ в бухте Врангеля⁶¹.

В июле 1994 г. разразился скандал, связанный с поступлением в прокуратуру Ленинского района Владивостока заявления матерей владивостокских подростков, требовавших оградить

их детей от «влияния мунитов, незаконно ведущих свою деятельность во Владивостоке»⁶². Администрация Приморского края потребовала от ОВИР УВД «проверить законность пребывания и деятельности на территории края миссионеров Церкви Объединения», так как со «стороны родителей, дети которых втянуты в эту церковь, много жалоб. Своими действиями вышеперечисленные иностранцы нарушают условия проживания в России»⁶³.

Проверка показала, что миссионеры живут во Владивостоке незаконно, тем не менее, снимают квартиры и работают преподавателями в вузах. В СМИ края появились критические статьи о Церкви Объединения⁶⁴, после появления которых дирекция Приморского краеведческого музея им. В. К. Арсеньева отказала Владивостокской ЦО в аренде помещений музея для проведения семинаров и воскресных служб, служба ОВИР УВД края не продлила визы руководителям Церкви: японцу Казуойши Икена и болгарину Янко Киркову. Был выслан из Владивостока и Клиффорд Янк, на чьей визитной карточке гордо значилось «Региональный Директор Приморского края»⁶⁵.

Данные события резко изменили отношение к Церкви Объединения в среде приморских журналистов: оно стало открыто негативным.

Заключение

Постоянные скандалы вокруг деятельности разнообразных НРД, изменение отношения к ним со стороны дальневосточного общества и властных структур привело к тому, что само существование различных нетрадиционных религий стало трактоваться как «угроза нравственному и духовному здоровью» дальневосточников, все чаще стали высказываться мнения о необходимости законодательного запрещения их деятельности.

Нам представляется, что «угроза» была значительно преувеличена.

Во-первых, интерес к нетрадиционным религиям в среде дальневосточной интеллигенции без законодательных запретов стал угасать после принятия нового закона «О свободе совести и религиозным объединениям» (1997 г.) Это связано с тем, что процесс религиозной самоидентификации к тому времени практически закончился. В мировоззрении дальневосточной интеллигенции стала

преобладать культурно-национально-религиозная самоидентификация, даже неверующие самоопределяли себя как православных, как носителей культурной традиции русского народа.

Во-вторых, несмотря на конфессиональное разнообразие нетрадиционных религий в общем составе населения региона они составляли незначительную часть. Так, например, в 24-х группах различных НРД, действующих на территории Хабаровского края в конце 1990-х годов, насчитывалось всего 450 человек⁶⁶, что составляло 0,03 % от общего состава населения Хабаровского края (в 1999 г. в крае проживало 1.493.881 чел.). Подобные цифры были характерны и для Приморского края. В других регионах Дальнего Востока они были еще меньше.

Примечания

- ¹ Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России. М., 1999. С. 18—32.
- ² Баркер А. Новые религиозные движения. Практическое введение. СПб., 1997; Трофимчук Н. А. Новые религиозные движения: Понятия, критерии // Религия и политика в современной России. М., 1997. С. 57—65.
- ³ За годы советской власти российский Дальний Восток стал практически секулярным регионом. Исходя из того, что население российского Дальнего Востока к концу 1980-х годов составляло чуть меньше 6,5 млн чел., а количество верующих — 10611, следовательно, к началу 1990-х годов XX в. количество верующих на российском Дальнем Востоке составляло всего 0,17 % от общего количества населения региона. Предполагая, что определенное количество дальневосточников скрывали свою веру в Бога, мы все-таки считаем, что данная цифра в целом отражала реальную ситуацию в религиозной сфере, так как количество верующих в пограничном дальневосточном регионе выявлялось «оперативным путем» (См.: Дударенок С. М. Религия, церковь, верующие на российском Дальнем Востоке в конце XIX—XX веке // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 377).
- ⁴ Полевой дневник С. М. Дударенок.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Личный архив С. М. Дударенок.
- ⁸ Последний Завет. СПб., 1996.
- ⁹ Полевой дневник С. М. Дударенок.
- ¹⁰ Текущий архив отдела по связям с общественными и религиозными организациями правительства Хабаровского края. Д. 2. Л. 89. Далее: ТАОСОРО ПХК.

- ¹¹ *Калиберова Т.* Бесплатный обед у кришнаитов // Красное знамя. 1994. 22 июня; *Савина М.* Благотворительные обеды от преданных Кришне // Владивосток. 1994. 6 июля; *Филоненко С.* Кришнаиты обещают накормить нищих и обездоленных // Владивосток. 1994. 22 июня и др.
- ¹² Гуманитарная помощь России с 1 января 1984 г. по 19 мая 2003 г. Отчет ЦИХСПД от 1 июля 2003 г. Солт-Лейк-Сити, 2003. С. 24 // Личный архив *С. М. Дударенок*.
- ¹³ Там же. С. 23.
- ¹⁴ См.: *Дударенок С. М.* Нетрадиционные религии на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2004. С. 461—528.
- ¹⁵ Текущий архив отдела по связям с общественными и религиозными организациями администрации Амурской области. Д. 5. Л. 72.
- ¹⁶ Полевой дневник *С. М. Дударенок*.
- ¹⁷ *Павлихина А. Н.* Конфессиональная ситуация в Амурской области на современном этапе // Межконфессиональные отношения на Дальнем Востоке России на рубеже тысячелетий. Владивосток, 2002. С. 18.
- ¹⁸ Текущий архив Управления юстиции РФ по Магаданской области. Д. 80. Л. 114.
- ¹⁹ ТАОСОРО ПХК. Д. 6. Л. 5.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Хаббард Л. Р.* Дорога к счастью. [б. м.], 1992.
- ²² Ксерокопия отзыва есть в документах всех региональных Центров «Дианетика», действующих на Дальнем Востоке.
- ²³ Ксерокопии данного письма есть в документах всех региональных Центров «Дианетика», действующих на Дальнем Востоке.
- ²⁴ *Машнова И.* Муравейник Хаббарда // Хабаровские вести. 1998. 20 сентября.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ См.: Хабаровские известия. 1998. 31 января.
- ²⁷ См.: *Дударенок С. М.* Нетрадиционные религии на Дальнем Востоке: история и современность. С. 185—243.
- ²⁸ Текущий архив общины бахаи г. Южно-Сахалинска. Д. 1. Л. 7.
- ²⁹ Там же. Д. 1. Л. 32.
- ³⁰ Там же. Д. 1. Л. 103.
- ³¹ Там же. Д. 1. Л. 156.
- ³² ТАОСОРО ПХК. Д. 2. Л. 52.
- ³³ Полевой дневник *С. М. Дударенок*.
- ³⁴ Государственный архив Приморского края (далее: ГАПК). Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 369. Л. 3.

- ³⁵ Текущий архив отдела по связям с общественными и религиозными организациями администрации Приморского края. Д. 2. Л. 197. Далее: ТАОСОРОА ПК.
- ³⁶ ТАОСОРОА ПК. Д. 2. Л. 114-118.
- ³⁷ ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 369. Л. 3; ТАОСОРО ПХК. Д. 2. Л. 88.
- ³⁸ ТАОСОРОА ПК. Д. 2. Л. 21.
- ³⁹ ТАОСОРО ПХК. Д. 2. Л. 60.
- ⁴⁰ ТАОСОРОА ПК. Д. 2. Л. 21.
- ⁴¹ Докладная записка на имя главы администрации Хабаровского края В. И. Ишаева // Личный архив С. М. Дударенок.
- ⁴² ТАОСОРОА ПК. Д. 2. Л. 21.
- ⁴³ Голобкова Я. А. Движение «Фалуныгун». Взгляд со стороны. Хабаровск, 2011. С. 69.
- ⁴⁴ Полевой дневник С. М. Дударенок.
- ⁴⁵ ТАОСОРО ПХК. Д. 2. Л. 89.
- ⁴⁶ История «АумСинрикё»: как запрещенная в РФ секта была связана с Владивостоком. URL: <https://primpress.ru/article/6493> (дата обращения: 29.02.2020).
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Личный архив С. М. Дударенок.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Ла Вей А. III.* Сатанинская библия = TheSatanicBible. М.: UnholyWords, Inc., 1996.
- ⁵¹ Личный архив С. М. Дударенок.
- ⁵² ТАОСОРО ПХК. Д. 1. Л. 1-13.
- ⁵³ ТАОСОРО ПХК. Д. 2. Л. 52; Личный архив С. М. Дударенок.
- ⁵⁴ Личный архив С. М. Дударенок.
- ⁵⁵ ТАОСОРОА ПК. Д. 21. Л. 8-9.
- ⁵⁶ Полевой дневник С. М. Дударенок.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ См.: Дударенок С. М. Нетрадиционные религии на Дальнем Востоке... С. 332—366.
- ⁵⁹ ТАОСОРОА ПК. Д. 19. Л. 11.
- ⁶⁰ Владимиров Д. А., Лапин Н. Н. Церковь Объединения и ее деятельность в Приморье // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2001. Вып. 4. Этнические контакты. С. 396.
- ⁶¹ Владивостокское время. 1994. 5 октября.
- ⁶² Тихий океан. 1994. 16 сентября.
- ⁶³ ТАОСОРОА ПК. Д. 18. Л. 7.
- ⁶⁴ Тихий океан. 1994. 16 сентября.
- ⁶⁵ ТАОСОРОА ПК. Д. 18. Л. 19, 63.
- ⁶⁶ ТАОСОРО ПХК. Д. 2. Л. 89.

DOI: 10.46725/IW.2021.1.6

Е. А. Игнатьева, М. Ю. Шматов**ОБРАЗЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В СССР В ЗАРУБЕЖНОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЕ
(1929 — конец 1930-х гг.)****Введение**

Актуальность. Советский Союз примерно в двадцатилетний исторический период, именуемый межвоенным или раннесоветским, прошёл череду масштабных трансформаций, носивших во всех сферах жизни страны мобилизационный, форсированный характер, зачастую казавшийся современникам беспрецедентным. Экономическая модель, социальная структура и политическая система России / СССР изменялись до неузнаваемости в сравнении с дореволюционной ситуацией. При этом в зарубежной эмиграции по окончании периода войн и революций конца 1910-х — начала 1920-х гг. оказались, по разным подсчётам, от 1,4 до 5—7 миллионов русскоязычных людей¹. В их числе были десятки тысяч интеллигентов, многие из которых имели опыт политической, общественной или культурно-просветительской деятельности на Родине. Физическая изоляция от России не означала

© Игнатьева Е. А., Шматов М. Ю., 2021

Игнатьева Евгения Андреевна, магистрант 2 курса Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет jane.rose.ngr@yandex.ru (2nd year Master's student of the Humanities Institute, Novosibirsk State University).

Шматов Михаил Юрьевич — магистр истории, ассистент кафедры отечественной истории, Новосибирский государственный университет, shmatov2009@yandex.ru (Master of History, Assistant of the Department of Russian History, Novosibirsk State University).

информационного, мировоззренческого и культурного разрыва этих людей со своей страной: будучи социально и интеллектуально активными, они не только интересовались происходящим в ставшей Советской России, но и не оставляли надежд на собственное, пусть и опосредованное, участие в судьбе страны.

Одним из ключевых средств массовой коммуникации первой половины XX века была периодическая печать. Несмотря на распространение кино, признававшегося большевистским руководством важнейшим из искусств, а также радио, а затем и телевизионного вещания, пресса сохраняла ведущие позиции в трансляции информации и в формировании массового когнитивно-мировоззренческого пространства². В рамках социально-политических систем XX века периодика была институтом информирования, управления общественным (коллективным) мнением и во многом — власти³; кроме того, она играла роль инструмента конструирования социальной реальности — мировоззренческих симулякров⁴, которые зачастую влияли на поведение индивидов и групп гораздо сильнее, чем реальная картина вещей (особенно трудноуловимая в условиях усиливавшейся с конца 1920-х гг. информационной и пространственной автаркии советской системы).

В то же время идеократический характер большевистской политической системы требовал создания благоприятного имиджа Советского государства, в том числе в глазах иностранной общественности и сохранявших политическую активность эмигрантов. Это было необходимо как для расширения зарубежной социальной базы советской идеолого-пропагандистской политики, так и для решения задач по созданию системы коллективной безопасности в 1930-х гг. и по «расколу» эмиграции с формированием в её рядах активных групп, лояльных или, по крайней мере, не враждебных Советскому Союзу.

По вышеуказанным причинам изучение позиции русскоязычных политически активных эмигрантов из числа интеллигенции разной корпоративной принадлежности (журналисты, историки, социологи, политики, военные) важно для понимания характера взаимоотношений в социально-политическом «треугольнике»: партийное государство — эмиграция — группы населения СССР. Кроме того, целесообразно исследовать образы основных политических событий в межвоенном, постнэповском

СССР («Великий перелом» 1929 — начала 1930-х гг., конституционные и электоральные трансформации 1936—1938 гг.), сформировавшиеся в глазах «пишущей» эмиграции, которая, в свою очередь, транслировала эти образы на свои целевые аудитории (от социалистических до националистических эмигрантских кругов). Эти проблемы актуальны в рамках дискуссии среди историков об истоках и причинах социальной поддержки сталинизма и оппозиции ему как в СССР, так и в эмигрантских кругах.

Постановка вопроса. Цель исследования — установить взаимосвязь мировоззренческих конструктов относительно «реформ» в сталинском СССР и индивидуальных и социальных характеристик авторов этих конструктов. Наша задача — установить информационные, организационные и мировоззренческие особенности существования эмигрантской прессы и авторов «Русского Зарубежья», выявить и проанализировать круг источников, содержащихся в прессе разной тематической и идеологической направленности.

Объект и предмет исследования. Пресса как социально-политический институт, инструмент общественных практик и носитель поливариантных исторических источников (от законодательных до публицистических и рекламных)⁵ — объект нашего исследования.

Предметом исследования являются оценки авторами публикаций характера и природы советского проекта с позиций реализации в нём близких и симпатичных авторам-эмигрантам черт и принципов: социалистических, либеральных, консервативных, национально-реформистских.

Хронологические рамки. Хронологически анализ охватывает период второй половины 1929 г. и весь 1930 г. как своеобразный «эпицентр» первой пятилетки, включивший в себя обнаружившиеся проблемы и противоречия политики «сверхиндустриализации», начавшейся кампании «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулачества как класса». Особое внимание уделяется XVI съезду партии, летом 1930 г., на котором большевистским руководством обсуждалась практика реализации первых шагов чрезвычайной политики «Великого перелома».

Источниковедческий обзор. Изучение взглядов левого эмигрантского спектра на данные события осуществляется по материалам издания «Социалистический вестник». Кроме того, изучается

период массовых политических кампаний 1936—1938 гг., когда в СССР после «всенародного обсуждения» была принята «Сталинская» Конституция 1936 г., а также осуществлены выборы в Верховные советы СССР (1937 г.) и союзных республик, включая РСФСР (1938 г.) Применительно к этому периоду изучены взгляды авторов из более «правых» и оппозиционных большевикам изданий: «Возрождение», «Голос России» и «Младоросское слово». Выбор данных событийных «узлов» обусловлен их взаимосвязью: «Великий Перелом» означал начальную экстремальную фазу становления сталинского режима, тогда как кампании 1936—1938 гг. были связаны с приданием режиму необходимой ему правовой легитимации.

Методология и методы исследования. Макроуровень исследования базируется на теории модерна и теории массового общества. «Сегодня весь мир стал массой» — утверждает Хосе Ортега-и-Гассет⁶, описывая приход масс в авангард всех сфер жизни общества. Модернизация, приведшая к демократизации, урбанизации, росту грамотности, разрушению традиционных и устойчивых социальных связей, сделала массовое общество реальностью с присущей этому спецификой для различных стран. Такой же реальностью стали и инструменты для формирования массового воздействия — в нашем исследовании таким инструментом является пресса.

О роли пропаганды в массовом обществе на примере СССР пишет Дэвид Хоффман. Российские социал-демократы (еще до разделения на меньшевистскую и большевистскую фракции) уделяли пропаганде и политическому просвещению особое внимание. Пресса являлась инструментом не только идеологического воздействия, но и важным инструментом просвещения и социализации⁷. Очевидно, что и меньшевистскую периодику можно оценивать как инструмент массовой мобилизации, равно как и прессу других политических групп и ориентаций.

На мезоуровне использована теория деконструкции французского философа и социолингвиста по имени Ж. Деррида⁸. Применяя данную теорию к практическому историческому исследованию, можно выявить возможные противоречивые утверждения между логическим и риторическим содержанием текста, степень взаимосвязи языка и смыслового наполнения. Такой

подход позволяет сместить фокус с «открытого» содержания, передаваемого в тексте, на посредника, которым служит язык.

Работа с корпусом источников, состоящем из документов и материалов теоретического, публицистического и событийного, фактологического характера потребовала комплекса приемов, нацеленных на изучение различных сторон содержания публикуемых в издании текстов. На микроуровне исследования задействованы социолингвистические методы контент-, дискурс- и интен-т-анализа, которые позволяют выявить язык, структуру публицистических источников, их тематику и приоритеты, а также цели и намерения редакции и авторов (скрытые или явные). Объем источников и инструментарий работы с ними позволяет установить не только содержание, но и идейные установки периодики, а также причины их исторического бытования.

Основная часть

Большевистский «социализм» глазами социалистов: «левое крыло» эмиграции о «Великом переломе»

Повестка сталинской «революции сверху» являлась актуальной для всей эмигрантской периодики. Поскольку сутью преобразований объявлялся именно «социалистический» характер, то данное обстоятельство приковывало к себе особое внимание российской социалистической оппозиции за рубежом. Восприятию процессов и событий в СССР отводилось центральное место редакцией журнала «Социалистический вестник», выходявшего два раза в месяц в течение 1921—1965 гг. первоначально в Берлине, затем в Париже (с 1933 г.) и Нью-Йорке (с 1940 г.) — центрального органа заграничной делегации Российской социал-демократической рабочей партии.

В ходе работы с текстами издания отмечена высокая степень его информационного потенциала и высокий профессионализм его корреспондентов — не зря «Социалистический вестник» называют «методологическим фундаментом науки, которую позднее станут именовать «советологией»⁹. «Социалистический вестник» представлял взгляды левой фракции русской социал-демократии и являлся ее идейным и организационным руководителем.

Двухнедельная периодичность выпуска журнала позволяла совмещать в нем оперативную, текущую и аналитическую, оценочную рефлексию, что являлось «узким» местом в газетных изданиях. Главным редактором после смерти Л. Мартова являлся Федор Дан (Федор Ильич Гурвич), а его постоянные корреспонденты — талантливые теоретики и публицисты, бывшие революционеры, подпольщики — Давид Далин (Давид Юльевич Левин), Вера Александрова (Вера Александровна Шварц), Ольга Осиповна (Иосифовна) Доманевская, Арон Аронович Югов, Соломон Мейерович Шварц (Моносзон), Петр Абрамович Гарви (Бронштейн), Александр Михайлович Шифрин, Борис Львович Двинов (Гуревич), Марк Самойлович Кефали (Камермахер), Семен Юльевич Волин (Левин).

Контент издания выглядит следующим образом: передовая статья, за ней — ряд статей штатных корреспондентов теоретического или практико-аналитического характера, далее, с нерегулярной периодичностью, фельетоны, за ними — аналитическая корреспонденция из зарубежья и России. В ходе исследования были проанализированы статьи практико-аналитического (38 % от выборки) и теоретического характера (42 %), а также аналитическая корреспонденция — «письма из России» (20 %), которые затрагивали проблему реализации «Социалистических преобразований» и, главное, следствия последних. Авторы «писем из России» по понятным причинам нам неизвестны — 100 % аналитической корреспонденции анонимны. Для статей этот процент значительно ниже — 35 %.

Корреспонденты оперативно реагировали на любые изменения в «генеральной линии» партии, тщательно собирая фактический материал из доступных для эмиграции советских периодических и непериодических изданий, следя и за таким информационным ресурсом, как материалы и публикации западных корреспондентов, аккредитованных в Москве и передававших информацию в свои газеты по современным в то время средствам связи. Благодаря получению сведений из нескольких, как правило, альтернативных источников информации, используя также и свои контакты с сотрудниками советских учреждений за рубежом, авторы публикаций «Соцвестника» демонстрируют профессиональный уровень осведомленности о происходящих

процессах внутри СССР. Они умеют находить необходимые для интерпретации цифры и умеют дешифровать ключевые высказывания и оговорки (тезисы партийцев и чиновников, противоречащие по своему смыслу риторике первых лиц государства) представителей советской власти в публичном поле. Первый корпус источников авторов — официальная пресса («Правда», «Известия», «Труд», «За индустриализацию», «Экономическая жизнь» и пр.) Вторым корпусом источников являются «письма из России» от внутренних корреспондентов — судя по подписям, заголовкам и содержанию публикаций в «Социалистическом вестнике», этот журнал имел конспиративную сеть тайных корреспондентов на российской территории.

Дискурс-анализ свидетельствует о профессиональном умении корреспондентов «Соцвестника» «читать» язык власти — советский «новояз» (сами они его называют «лживо-дипломатическим языком»). Так, в текстах появляются «государственные имена» (колхозы¹⁰), «ублюдочные организации» (профсоюзы после их разгрома¹¹), «бесправные пролетарии на заре капитализма» (колхозники) и т. д. Безусловно, такая терминология свидетельствует о высокой степени политической пристрастности авторов, но в то же время отражает практику перевода понятий партийного агитпропа в плоскость, более приближенную к реальности.

Язык меньшевиков приобретает отточенную форму там, где с позиций марксистской (небольшевистской) теории анализировались постулаты программы «социалистического строительства в СССР». Если И. В. Сталин конструировал идею построения «социализма в отдельно взятой стране», то меньшевики в ответ «рисовали» образ общества не всеобщего равенства, а сословного по своему устройству¹². Безусловно, ни о какой классической «сословности» в постреволюционном обществе, где представители всех социальных групп находились в состоянии высокой социальной мобильности в восходящих и нисходящих формах и не были застрахованы от репрессий, не могло быть речи. Прекрасно это понимали и меньшевики — такого рода упрощенным дискурсом они раскрывали истинный характер большевистского «социализма», где равенство граждан заключалось лишь в нивелировании их зависимости от государства.

Корреспондентов отличает профессиональный научный анализ кампаний «социалистических преобразований» различного уровня. Преобладает критический (даже обвинительный) разбор процессов в советской экономике, социальной структуре, идеологии, культуре, системе власти. Рассмотрим образец аналитики корреспондентов «Социалистического вестника» на примере статьи О. Доманевской в выпуске № 14 1930 г. «Судьбы коллективизации»¹³. В первую очередь, автор опровергает позиции представителей власти и советскую статистику, обнаруживаемые в публичном поле. Так, на аргумент «Сталина и Ко» об «успехах коллективизации» О. Доманевская возражает, что эпоха «колхозного либерализма» доказала, что «пресс принуждения <...> был решающим фактором» вопреки убеждениям первых лиц о «добровольности» коллективизации. Также автор раскритиковала «нерешительное и половинчатое отступление» партии в марте — апреле 1930 г. и указала на противоречие такой политики Центра интересам местной власти.

Политические аргументы сменяются экономическими: Доманевская доказывает, что «сплошная коллективизация» привела к «ухудшению материальной базы в деревне». Рассыпается в прах аргумент большевиков и об увеличении посевной площади. Доманевская отмечает, что авторы такой статистики «забыли» о других факторах, свидетельствующих о «социальном перемещении земли», а не «об освоении новых участков». Опровергает она и тезис коммунистов о том, что «успехи коллективизации» обеспечены «простым сложением обычных орудий производства крестьянских хозяйств и обобществленного скота» — ведь в первую очередь «рассыпались те колхозы, которые были созданы в районах с низким машинным обеспечением».

Самыми важными, на наш взгляд, являются те аргументы, которые лежат в социальной плоскости и для поверхностного анализа не очевидны. О. Доманевская отмечает обреченность колхозной практики на провал. С одной стороны, внутри самого колхоза проходит «водораздел между бедняцкими элементами и середняком», что на практике означает конфликты при делении урожая и учете имущества. С другой стороны, она отмечает противоречие между «интересами колхозника и государства» — советское правительство по-прежнему стремиться «выкачать все

излишки из деревни». Большевики, имея в своем распоряжении ограниченный набор источников, ставили «верный диагноз» ходу «социалистических преобразований».

План «социалистических преобразований» представлялся социал-демократам, стоящим выше экономических и политических законов, противоречащим существующим условиям и совершенно оторванным от реальности. Образ «сталинской модернизации» приобретал характер «социалистического самоистязания», а создатели плана «преобразований» являлись «главными вредителями пятилетки»¹⁴.

Характеристика и динамика интенций свидетельствует о том, что меньшевики не выступают как прямые противники, угрожающие большевистскому режиму. Разбирая контекст журнальных публикаций, мы видим, что источником угрозы для власти являются различные акторы внутри страны. Это, прежде всего, большевики, реализующие катастрофические и волонтаристские преобразования в стране; далее, это жертвы «преобразований» — сопротивляющееся крестьянство, недовольные рабочие, затаившаяся антибольшевистская оппозиция (последнюю меньшевики не списывали со счетов даже после ее разгрома). С точки зрения меньшевиков, уже сами по себе «социалистические преобразования» являлись главной угрозой здравому смыслу, советскому обществу и, в конечном счете, самой «коммунистической диктатуре».

Здесь необходимо отметить основной диссонанс и противоречивость позиций эмигрантской социал-демократии в отношении большевистского режима. Они были последовательными сторонниками марксистской теории о том, что социализм, как новая ступень общественного прогресса, должен появиться путем вызревания необходимых объективных и субъективных предпосылок на базе капиталистической формации. Поэтому они считали, что революция в России привела к формированию новой диктатуры, не имевшей ничего общего с социализмом ни в экономике, ни в политике, ни в других сферах. Большевики не отождествляли себя с крайне реакционными течениями зарубежной эмиграции. Оставляя за большевиками право на «социалистический эксперимент», они выступали с позиций критики порочности ее осуществления и выявления наиболее вопиющих

сторон и деструктивных последствий сталинской политики, то есть с позиций морального и политического ее осуждения.

Корреспонденты «Соцвестника» точно подмечали рост социальной напряженности и конфликтности в советском социуме с осени 1929 г.: потерю властью контроля «на местах», радикализацию отношений по линии «власть — общество» и внутри последнего катастрофическое снижение уровня жизни. Большевики фиксировали такие составляющие социальной напряженности в обществе, как рост уровня насилия, тревоги, апатии, пассивности, «забитость масс». Отметили они важнейший иррациональный мотив поведения, ставший реальным фактором общественных отношений — социальный (или социализированный) страх, управляющий поведением не только одного человека, но групп людей.

Интенция «противостояние» интересна и тем, как оно рефлексировалось в меньшевистской прессе: противостояние «всех против всех» осознавалось как всеобъемлющая характеристика текущего развития событий в СССР. Противостояние внутри самого социума, противостояние между обществом и властью, противостояние между различными течениями в правящей партии, противостояние СССР остальному миру. Большевики, находясь в эмиграции, чутко уловили одну из составляющих характеристик «большевистской диктатуры» — конфронтацию как имманентную черту и способ существования формирующегося сталинского режима.

Анализ меньшевиками политических процессов в СССР отличался противоречивостью: уловив основную тенденцию в нарастании кризисных явлений и осуществлении большевиками конфликтной консолидации масс вокруг правящей партии («СССР как осажденная крепость») и поставив правильный политический диагноз, они терялись в прогнозах. В частности, констатируя регулярность возникновения т. н. перегибов и принцип перекладывания ответственности с Центра на места, меньшевики приходят к выводам о том, что урок, полученный рядовыми партийцами, «не пройдет бесследно и станет одним из рычагов, расшатывающих коммунистическую диктатуру»¹⁵. Между тем в реальности методы широкомасштабных «чисток», дискриминаций и репрессий не только не подрывали сталинский режим, но и становились неотъемлемой чертой его укрепления и воспроизводства.

Меньшевики при всех своих внутренних спорах и разногласиях оставались на марксистской платформе: они — защитники пролетариата, ведь с их точки зрения рабочий класс «естественно демократичен», и именно он является «истинным революционером». Интеллигент, скорее, конформист, склонный к соглашению с властью. С крестьянством у социал-демократов отношения еще сложнее: с одной стороны, они признают «крестьянскую» Россию, с ее потребностями, укладом и характером. С другой — они не верят в наличие демократических ценностей у крестьянства, обвиняют последних в наличии «собственнических взглядов» и оценивают «политическую физиономию» сельского населения как достаточно противоречивую. «Кулак» с точки зрения меньшевиков — неотъемлемое «зло», а индивидуальное хозяйство «движется лишь на эгоизме и погоне за выгодой». Социалисты, претендуя на истинный путь построения социалистического общества, оказывались в той же «западне» классового подхода, что и большевики. Поэтому качественный критический анализ «социалистических преобразований» с экономической точки зрения приводил к ошибочным прогнозам в политическом поле.

Сосредоточив потенциал своих сил на критике кампаний большевиков, выявляя в них «узкие» места и явные противоречия, меньшевики оказывались теми самыми оппонентами, выгодными для сталинского руководства, поскольку указывали на уязвимости коммунистической системы. Это наталкивает на размышления о целевой аудитории «Соцвестника»: очевидно, что материалы журнала были востребованы и интересны не только эмигрантской среде, но и большевикам. Таким образом, мы можем оценивать журнал как один из инструментов интеллектуального критического влияния на политику ВКП(б).

В ходе исследования был установлен приоритетный интерес корреспондентов «Соцвестника» к «социалистическим преобразованиям» СССР, их экономической составляющей и социально-политическим последствиями. Главной тенденцией в восприятии «социалистических преобразований» в СССР являлось преобладание критико-обвинительного тона. Установлен факт отсутствия позиционирования меньшевиками себя как реальной оппозиции. Обозначена дискуссия авторов по поводу различных оценок сталинской модернизации России. Последняя завершится в 1932 г.,

сформировав три взгляда российской социал-демократии на судьбу посткоммунистической России.

Левый фланг был представлен О. Доманевской, считавшей, что демократическая надстройка над созданным большевиками базисом позволит России стать страной социализма. Центристские позиции в дискуссии занимали Ф. И. Дан, А. Югов и Б. Гуревич. Постбольшевистскую Россию они видели страной со смешанной экономикой, при преобладающей роли государственного и кооперативного секторов. Представители центристов были уверены, что возврат к частнокапиталистической модели в постбольшевистской России не произойдет. Оппонентами Ф. И. Дана, А. Югова, Б. Гуревича в развернувшейся дискуссии выступили Р. Абрамович, Д. Далин, П. Гарви и Г. Аронсон. Они, в принципе, признали факт глобальности перемен, осуществленных сталинским режимом, однако оценили их как шаг назад, как регресс в развитии российского общества¹⁶.

***«Кого в России может это ввести в заблуждение...»:
советский конституционализм в калейдоскопе идей
эмигрантов***

Во второй половине 1930-х гг. большевистское руководство СССР осуществило ряд общегосударственных политических кампаний, ядром которых стало «всенародное обсуждение» конституционного проекта, утвержденного на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов СССР в декабре 1936 г. В 1937—1938 гг. на основании положений новой Конституции в условиях показательных Московских судебных процессов и потрясений Большого террора были проведены выборы в Верховные советы СССР, РСФСР, а также других союзных республик. Причины, сущность и результаты этих массовых политических акций до сих пор являются предметом дискуссий историков: исследователи «тоталитарной школы» полагают, что эти кампании были лишь средством сопровождения террора¹⁷; «ревизионисты» же считают, что создавая иллюзии демократизации строя, И. В. Сталин расширял социальную базу своего режима как в СССР, так и за его пределами, улучшал «общественное мнение» о себе и своих сподвижниках¹⁸. Один из крупнейших исследователей политической природы сталинизма О. В. Хлевнюк считает цель

усиления международного престижа СССР решающей в ходе конституционно-электоральных кампаний¹⁹.

Безусловно, внешне масштабные изменения в политико-правовой системе СССР не могли не вызвать отклика в зарубежной прессе. Позитивные отзывы о конституционной реформе в первые дни «всенародного обсуждения» летом 1936 г. буквально смаковала официальная советская печать²⁰. Позиция эмигрантов оказалась более осторожной: наиболее негативно о политических трансформациях высказывались главный редактор и журналисты еженедельной «общественно-национальной» газеты «Голос России».

Издаваемая под эгидой Ивана Лукьяновича Солоневича — консервативно настроенного сторонника введения в России «народной монархии», бежавшего за границу из лагерей системы Беломорско-Балтийского комбината, эта газета резко критиковала любые действия большевиков, считая их «маскарадом». В редакционной статье «Новая конституция» причинами такого «маскарада» И. Л. Солоневич называет «страх перед войной» и «желание подобрать к себе всех мало-мальски мыслимых союзников и у себя дома, и за границей, по мере возможности нейтрализовать своих противников»²¹. Своими выводами И. Солоневич демонстрирует высокий аналитический потенциал. Современные историки разделяют его точку зрения о конституционной кампании как о средстве поиска союзников среди западноевропейских и североамериканских демократических государств на фоне развития экспансионизма Германии Японии и Италии в разных регионах планеты²².

Солоневич, обладавший большим опытом общественной активности в СССР, в том числе, во взаимодействии с партийным государством, проявляет себя и как аналитик внутренней ситуации в стране. Детально анализируя положения проекта Конституции об экономических свободах, праве сессии республик СССР, гражданских правах, публицист совершенно справедливо констатирует невозможность применения этих положений на практике при сохранении существующего строя: демократизация явно подорвёт монополию большевиков на власть, чего те, конечно, не допустят. В возможность реальных реформ, по мнению автора, не верит и сам русский народ: «кого в России может это ввести в заблуждение...»²³.

Авторы «Голоса России» — И. Л. Солоневич, В. М. Левитский и др. — хорошо осведомлены о событиях в СССР. В качестве источников информации они используют как советскую официальную прессу (газеты «Правда», «Известия», «Вечерняя Москва» — что свидетельствует о доступности советской прессы в авторитарных странах Европы — в частности, «Голос России» издавался в Болгарии), так и многочисленные свидетельства западных писателей (Л. Фейхтвангера, посетившего СССР и написавшего об этом книгу) и общественных деятелей²⁴. Особое место занимают письма «корреспондентов из России». Контент-анализ массива этих материалов (а их в конце 1930-х гг. в газете было опубликовано более 50-ти) показывает, что большинство писем отправлены интеллигентами: учеными, инженерами, медиками — преимущественно из Москвы, а также из Сибири и Украинской ССР²⁵. Однако огромный по объему, растянутый на несколько номеров материал посвящен рассказу бывшего заключенного-крестьянина, бежавшего за границу из лагеря на строительство Байкало-Амурской магистрали²⁶.

Дискурс-анализ материалов таких источников позволяет выделить две информационно-мировоззренческие тенденции: сочувствие к «народу» и осуждение «интеллигенции», по разным причинам поддерживающей большевиков: «Леон Фейхтванглер — из грамотных людей, не активист из советского колхоза, так что об «истории человечества» он некоторое представление, вероятно, имеет»²⁷. Критике за «соучастие в трестах» (то есть в информационных операциях советских спецслужб) подвергаются не только советские и западные интеллектуалы, но и эмигранты противоположных — «сменовеховских» взглядов, выступавшие за сотрудничество с ВКП(б) в деле реформирования России. Несколько номеров на 20—30 % посвящены шельмованию «младороссов», также допускаявших сотрудничество с большевиками²⁸.

Дискуссионна степень достоверности подобных материалов: в условиях 1930-х гг. закрытость советского социума была на одном из самых высоких уровней в истории. При этом, сами журналисты заявляли, что получали материалы от советских моряков торгового флота и специалистов, проходивших стажировку за рубежом²⁹. Интент-анализ такого рода материалов позволяет сделать вывод: не важно, действительно ли у эмигрантской прессы существовала сеть информаторов в СССР (хотя обвинения в такой

деятельности нередко стоили жизни советским людям). Важнее — стремление журналистов уверить аудиторию в достоверности сведений, наличии у них «инсайдерской» информации и сочувствующих внутри СССР — это повышало информационный и общественно-политический престиж издания.

В те же годы конституционно-электоральные проблемы советской политической динамики активно обсуждались корреспондентами и публицистами газеты «Возрождение», издававшейся в Париже конституционным демократом, масоном Юлием Фёдоровичем Семёновым. Газета претенциозно печаталась дореволюционным шрифтом, заголовок указывался на двух языках: русском и французском. Дискурс издания можно охарактеризовать как либерально-демократический: событиям в СССР в ней уделялась меньшая доля контента, нежели в «Голосе России», а акцент делался на гражданские права и свободы в СССР — точнее, на сам вопрос об их наличии.

В рамках дискуссий о советском конституционализме «Возрождение» несколько раз печатало статьи популярного в эмигрантских кругах социолога и философа Николая Сергеевича Тимашева, который считал, что «...по вопросу о гражданской свободе сталинский проект конституции не вносит ничего нового, а только фиксирует сложившееся положение...»³⁰. Констатируя сохранение в стране политической монополии ВКП(б), Н. С. Тимашев справедливо считал идеологическим манёвром «реформы» большевиков. Интересно, что десять лет спустя, после Второй мировой войны он назвал политические события в СССР 1934—1939 гг. «Великим отступлением» от Идеи коммунизма, то есть реставрацией сталинским режимом ряда дореволюционных институтов и практик³¹.

Значительное внимание журналисты «Возрождения» уделяют культурной жизни СССР — в каждом пятом из 25-ти рассмотренных номеров упоминаются достижения страны в сфере искусств — в первую очередь, кинематографа. Преобладает негативный дискурс в отношении гражданской позиции советской интеллигенции, создающей «пропагандное» искусство (вроде художественного фильма «Юность Максима», показанного в июле 1936 г. в парижском кинотеатре «Пантеон»). При этом отмечается высокий уровень развития советской культуры: «даже в таких

искаженных сценах видны режиссерский талант, чувство ритма, дар создавать порыв, движение и искусство». Отдельно отмечают достижения реализма в советском искусстве: «герои разговаривают так, как разговаривают простые люди»³². При этом логические параллели между политическим режимом и культурным развитием авторами не проводятся: дискурс-анализ такого рода сообщений позволяет судить о том, что достижения отечественной культуры эмигрантами воспринимались как результаты не благодаря, а вопреки сталинизму.

Особое место в системе эмигрантских взглядов на советские политические реалии занимает газета «Младоросское слово», выходившая в бразильском Сан-Паулу. Националистическое движение реформаторов-младороссов не тало иллюзий относительно кризисов и преступлений сталинизма: немало материалов газеты посвящено репрессиям, трениям в Политбюро и «провалу стахановской системы»³³. В то же время, младороссы считали, что достижений СССР становится всё «больше и больше», чем недостатков, а значит, успехи страны в экономике, науке и культуре следует поддерживать³⁴.

По мнению публициста К. Рошковского, «борьба идет между старым и новым миром»: в ней врагами младороссов (то есть «истинных реформаторов России и русских») виделись не только «старобольшевики во главе со Сталиным», но и «осколки сломанного русского демлиберализма — старо-эмигранты»³⁵. Как и «Голос России», «Младоросское слово» критиковало своих оппонентов среди эмигрантов жестче и масштабнее, чем большевиков и сочувствующих им советских интеллигентов. Распространение получил следующий дискурс: советская интеллигенция не имеет возможностей для политической борьбы, но способствует «практическому усовершенствованию России»³⁶. А значит, «идеологическое воспитание» России возложено на младороссов. Корреспонденты «Младоросского слова» неоднократно подчеркивают большое количество сочувствующих им среди технической интеллигенции Москвы и Ленинграда³⁷.

В отличие от ранее рассмотренных изданий, «Младоросское слово» значительное внимание уделяет состоянию религии и положению верующих в СССР. Несколько статей посвящено беспомощности коммунистических агитаторов в атеистической пропаганде, а также просветительской роли церкви: якобы

в западносибирском селе Бельское активисты приходского совета создали собственную библиотеку, читальню и даже обзавелись бильярдом³⁸. Достоверность этих сведений, безусловно, дискуссионна, однако в ходе подготовки к выборам в Верховный Совет СССР функционеры из Новосибирской области сообщали в информационных письмах для ВЦИК о том, что «церковники» собирались для «читки антисоветских книг»³⁹ — так что прецеденты, вероятно, имели место. Более же значимо внимание авторов национально ориентированного издания к религии как к альтернативе большевистской идеологии.

Бесспорно, сами, будучи интеллигентами, авторы «Младороссийского слова» делали ставку в идейной работе на интеллигенцию, которая «одна работает и многое понимает». Обширный материал газеты был посвящён аргументации в пользу отказа от разделения русскоязычных людей по принципу обладания «эмигрантской картой» или советским паспортом: ведь «с иностранной картой один генерал похищает другого, с иностранной картой заматает Россию снегом певичка, с иностранной картой товарищ чекистов становится товарищем «штабс-капитанов». С советской картой русские люди завоевывают полюс, с той же картой укрепляют страну, отстаивают границы, строят и создают по мере своих сил, по мере своих возможностей, вопреки чуждой власти и её бесхозяйственности»⁴⁰. Дискурс практической пользы Родине становится определяющим в идентичностном позиционировании интеллигентов по принципу «свой» или «чужой».

Заключение

Французский ученый М. Фуко писал о всепроникающем характере власти в обществах модерна⁴¹. Эмигрантская пресса — один из примеров тому: не обладая реальной иерархичной системой власти и подчинения, русскоязычные эмигранты формировали и поддерживали значительные группы целевой аудитории, транслируя свои идеи через сетевые, часто хрупкие структуры печатных органов, «кочующих» издательств и корпораций авторов. Корреспонденты и публицисты обладали одной из базовых черт интеллигентов — ощущением сопричастности к миру политики в далекой и во многом ставшей для них враждебной, но все-таки родной стране. События в ней, их смыслы и последствия

эмигрантская интеллигенция рефлексировала по мере своих информационных возможностей и под влиянием собственных политико-мировоззренческих взглядов.

Сталинская «революция сверху» существенно активизировала публицистическую работу социалистов-эмигрантов: практики реального, а не умозрительного социализма вызывали у них одновременно и интерес, и разочарование, и желание прокомментировать ситуацию. Подобные эмоции, выразившиеся в печатных текстах, возникли среди либералов, консерваторов и национально ориентированных реформистов в ходе иллюзорных политических преобразований второй половины 1930-х гг.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о высокой степени информированности и заинтересованности эмигрантских авторов и издателей периодической печати, о тесной связи базовых идеологических установок с характером, объёмом и динамикой контента периодических изданий. Очевидно, что разные группы эмигрантов создали и использовали образы-конструкты событий в СССР для того, чтобы решать свои текущие информационные, организационные и экзистенциальные задачи, сводившиеся во многом к тому, чтобы просто выжить в эмигрантском сообществе — ограниченном в ресурсах и при этом идейно мобилизованном. Как аналитические успехи, так и наивные заблуждения эмигрантов относительно судеб Родины, её народа в целом и интеллигенции в частности в целом формировали картину мира, в рамках которой существовали значительные социальные общности Русской эмиграции.

Примечания

¹ Полян П. М. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и её регионы в XX веке: территория — расселение — миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М., 2005. С. 493—519.

² Почетцов Г. Г. Теория коммуникации. М., 2001. С. 7—15, 29—30.

³ Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе / пер. с англ. Т. Пирусской. М., 2020. С. 37—39.

⁴ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М., 2015. С. 11—26.

⁵ Рынков В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44—50.

- ⁶ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс / пер. с исп. А. Гелескул. М., 2002. С. 22.
- ⁷ *Хоффман Д.* Вращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914—1939 / пер. с англ. А. Терещенко. М., 2018. С. 280.
- ⁸ *Деррида Ж.* О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М., 2000.
- ⁹ *Хейфец М.* «Социалистический вестник» и «социалистическая» страна // Евреи в культуре русского зарубежья: сб. ст., публикаций, мемуаров и эссе / сост. М. Пархомовский. Иерусалим: Б.и., 1992. Вып. 1. С. 203.
- ¹⁰ Подробнее об этом: *Данилов В. П.* Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861—2001) // Россия в XX веке: Реформы и революции: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 20—37; *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.) М., 1994; *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М., 2001; *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / пер. с англ. А. В. Бардина. М., 2010; Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание, 1927—1939 гг.: документы и материалы: в 5 т. / ред. совет: В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола и др. Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930 г. / сост.: Н. Ивницкий (отв.) и др. М., 2000; Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918—1939: документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т. 3: 1930—1934 гг. Кн. 1. М., 2003.
- ¹¹ Подробнее об этом: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М., 2008; *Filtzer D.* Stalinism and the Working Class in the 1930s // *Politics, Society and Stalinism* / ed. J. Channon. L., 1998. P. 163—184; *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма / пер. с англ. И. Кузнецова, А. Маркевича. 2-е изд. М., 2008.
- ¹² Подобные идеи сегодня развивает А. Гетти. См.: *Гетти А.* Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция / пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М., 2016.
- ¹³ *Доманевская О.* Судьбы коллективизации // *Социалистический вестник.* Берлин, 1930. № 14. С. 2—6.
- ¹⁴ *Югов А.* Вредители и пятилетка // *Социалистический вестник.* Берлин, 1930. № 24. С. 3—5.
- ¹⁵ *Доманевская О.* «ЦК безгрешен» // *Социалистический вестник.* Берлин, 1930. № 12. С. 7—9.
- ¹⁶ *Малыхин К. Г.* «Великий перелом» начала 1930-х гг. в СССР и Российская социал-демократия: оценки и прогнозы // *Новое прошлое.* 2017. № 2. С. 151—164.

- ¹⁷ *Малиа М.* Советская трагедия: История социализма в России. 1917—1991 / пер. с англ. А. В. Юрасовского и А. В. Юрасовской. М., 2002. С. 251—255.
- ¹⁸ *Velikanova O.* Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton, 2018. P. 35.
- ¹⁹ *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 33, 167.
- ²⁰ Правда. 1936. 13 июня.
- ²¹ Новая конституция // Голос России. 1936. 18 июня. С. 7.
- ²² *Хлевнюк О. В.* Хозяин... С. 170.
- ²³ Новая конституция // Голос России. 1936. 18 июня. С. 7.
- ²⁴ См.: *Левитский В. М.* Чему нас учат «Тресты» и лже оборонцы // Голос России. 1936. 25 июня. С. 7.
- ²⁵ Подсчитано по материалам 52 номеров газеты.
- ²⁶ На БАМе // Голос России. 1936. 2 июля. С. 7—8.
- ²⁷ Конституция // Голос России. 1936. 16 июля. С. 3.
- ²⁸ Статьи такого содержания встретились в четырёх из 52-х проанализированных номеров газеты.
- ²⁹ Мечты о зарубежной жизни // Голос России. 1936. 2 июля. С. 7.
- ³⁰ *Тимашев Н. С.* Очерки сталинской Конституции. Свободы // Возрождение. 1936. 18 июля. С. 4.
- ³¹ *Timasheff N.* The Great Retreat. N. Y., 1946.
- ³² «Юность Максима». Советский пропагандный фильм в кино «Пантеонъ» // Возрождение. 1936. 18 июля. С. 7.
- ³³ Провал стахановской системы в России // Младоросское слово. 1938. 7 января. С. 1.
- ³⁴ *Рошковский К.* Борьба старого мира с новым миром // Младоросское слово. 1938. 7 января. С. 4—5.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Бурнашев А.* Ловись — карасики! // Младоросское слово. 1938. 28 января. С. 1.
- ³⁷ *Рошковский К.* Борьба старого мира с новым миром // Младоросское слово. 1938. 7 января. С. 4—5.
- ³⁸ Религиозное движение // Младоросское слово. 1938. 14 января. С. 4—5.
- ³⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р7522. Оп. 1. Д. 40. Л. 61.
- ⁴⁰ *Бурнашев А.* Ловись — карасики! // Младоросское слово. 1938. 28 января. С. 1.
- ⁴¹ *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М., 2019. С. 99.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

DOI: 10.46725/IW.2021.1.7

Г. С. Смирнов

**«ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОФЕССОР»
В ЗЕРКАЛЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО
СУПРЕМАТИЗМА:
РУССКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ**

Рец. на кн.: Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. / пер. с нем. К. Левинсона; пер. с польск. Д. Добровольского; под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 386 с.

Знакомство с книгой практически всегда начинается с ее обложки: если «картинка» обращает на себя внимание и заставляет задуматься, то знакомство с книгой неизбежно. У книги «Сословие русских профессоров: создатели статусов и смыслов»¹ (2013) обложка ставит в тупик: на шахматной доске стоит конь, а в зеркале, расположенном на этой же доске «под определенным углом» отражается уже не конь, а простая пешка. Если бы отражался ферзь или король, то стало бы ясно, что профессор («конь-огонь») фигура «с повышением», а здесь — с абсолютным понижением. При этом важную роль играет тот, кто смотрит на эту шахматную диспозицию — государство, общество, сам рефлекслирующий о себе любимом субъект. Такой поворот в полной

© Смирнов Г. С., 2021

Смирнов Григорий Станиславович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет. smirnovgs@ivanovo.ac.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy, Ivanovo State University).

мере относится к современному профессору — девальвирующему субъекту XXI века, а проблема сословия русских профессоров оказывается не исторической, а междисциплинарной — весьма актуальной гуманитарной, социальной и культурологической.

Думается, что такая теневая (отражательная) проекция и представляет подспудную рефлексивную доминантность. До некоторой степени эту мысль доказывает и структура самой книги даже в ее основных разделах: в первом разделе речь идет о сообществе по производству текстов, во втором — об истории сравнительной и переплетенной, третий — заключительный — раздел (в полном соответствии с европейской интеллектуальной модой) посвящен вопросам коммеморативной солидарности, т. е. объединяющих форм социокультурной памяти, в которых просматривается когнитивная подоплека. В таком формате, как хорошо видно, «по-русски поставленная проблема» в заглавии книги решается преимущественно в духе «методологического супрематизма» — американских и европейских дискурсивных практик (в которых отсвечивает идейно-идеологическая и методологическая отзывчивость многоязычных отечественных и зарубежных авторов). Данная проблема могла быть осмыслена в контексте теории социальных эстафет М. А. Розова, но, забегаая вперед, отметим, что в книге был реализован один из вариантов многоликого универсального эволюционизма, который весьма похож на методологический супрематизм.

В таком «взгляде со стороны» — своеобразной социолого-культурологической объективации (современной онтологизации) профессорской деятельности есть значительные плюсы, но есть и свои минусы — на второй план уходит аксиологическая подоплека персоналистического профессорского бытия, так как оно рассматривается через «волшебное» зеркало корпоративного начала.

Для того чтобы показать более чем актуальную переключку времен, приведем цитату из публицистической статьи В. И. Вернадского «О профессорском съезде» (1904 г.), намеренно цитируя по книге Э. М. Галимова, которая вышла накануне «реформирования» РАН: «Профессора высших учебных заведений — университетов и технических институтов — нигде в цивилизованном мире не поставлены в настоящее время в столь

унизительное положение, как у нас в России... Если профессор не вошел в состав бюрократической машины, не присоединился к тем силам, которые активно поддерживают полицейский бюрократизм, губящий нашу страну, ... он не может быть уверен, что по произволу администрации и по неизвестным ему причинам он в один прекрасный день не будет устранен от дорогой ему деятельности...»²

Из всех концептуальных углов прочтения книги выберем самый парадоксальный — поищем ответ на вопрос: выживет ли сословие русских профессоров в современных глобальных условиях, если будет продолжать выработанные веками традиции, о которых идет речь в книге.

Актуально-компаративистский взгляд, несмотря на временные разночтения, позволяет понять, сохраняются ли вездечные ценности профессионально-профессорского сообщества в условиях глобальных деформаций современности, что произошло с профессорским смысло-статусом в условиях трехвековой социально-исторической эволюции и радикальных (революционных) трансформаций последнего столетия.

Важно отметить, что в книге, кажется, заведомо космополитической, особое место уделяется не только «сословию русских профессоров», но и так называемому «русскому профессору» и «русскому университету» (с. 74).

Сословие русских профессоров (хотя, может быть, более точно следовало бы говорить о русском сословии профессоров) — предмет предельно занимательный, не только по причине институционального порядка, но и по причине вариативности категориальной репрезентации (заданной названием коллективной монографии).

Термин «сословие» (применительно к смыслу названия книги) должен обозначать «слой», «страту», «сообщество», но выбор почти археологического термина позволяет посмотреть на ситуацию в широком культурологическом (и интеллигенто-ведческом) плане.

«Со-словие» в русском языке обозначает именно некий целостный универсум слов, рожденных от соприкосновения с жизнью, но не материального, а скорее семиотического и духовного

порядка. Значения слова в рамках второго и третьего темпа — это среда не столько социолого-экономического, сколько социально-культурного и философско-культурологического порядка. В ней проявляет себя не только уровень тонкой социальности, но и еще более высокий уровень теоретизирования и абстрагирования, т. е. восхождения от конкретного к абстрактному. Большой смысл «со-словия» проглядывает в каждом из четырех измерений философского видения мира: онтологический, гносеологический, аксиологический и праксиологический (при этом для каждого из них имеет место своя модусность обыденности и теоретичности).

Эти четыре измерения пронизывают, соответственно, и жизненный мир всего университетского сообщества-сословия и каждого профессора в отдельности.

Когда речь идет о том, что сословие профессоров — сословие создателей «статусов и смыслов», то предполагается, что статусность соотносится с онтологическими и праксиологическими сюжетами, а смыслы связаны с гносеологическими и аксиологическими аспектами.

Современная информационная эпоха дает возможность провести парадоксальную параллель между словом «профессор» и словом-неологизмом «процессор». Профессор всегда выполнял ту самую образовательную функцию, которую сейчас до известной степени выполняет процессор в современном компьютерном мире. При этом только следует иметь в виду, что профессор-процессор — это всегда значительно опережающий свое время «компьютер-процессор».

Компьютерная репрезентация профессорского сословия позволяет по-иному взглянуть на те вопросы, которые затронуты в рецензируемой книге. Дело в том, что «русские (в смысле подданства) профессора поступали на государственную службу и были ограничены в степени автономии, даже в передвижениях» (с. 7). В какой-то степени университет представлял собой некий государственный компьютер, но даже в таких условиях «профессорское сословие как объект исследования возникает... на пересечении его понимания как воображаемого сообщества (оно же дискурсивное, оно же сообщество памяти), профессиональной корпорации, сословной группы и государственного института»

(с. 8). Очень важно, что практически с самого начала «университеты являются обладателями и одновременно творцами сложносоставных дискурсов о себе... часть этих дискурсов универсалистские...» (с. 9). До известной степени эта особенность позволяет увидеть, как формировался глобальный (общемировой, общечеловеческий) взгляд на мир при том, что «часть университетских дискурсов являются национальными» (с. 9).

То, что книга написана не для архивариусов, о которых пойдет речь в конце книги, что главный ее смысл не исторический, а актуально-проблематический, становится видным уже из вводных статей. Декларируемая метафора «панорамного видения» (с. 28) уже через две страницы превращается в автономную и гетерономную глобальность. На первое место в процессе расшатывания саморегуляции университетского сообщества и его институциональной автономности становится «...глобализация образования и научной деятельности, превращающая университеты в аналог транснациональных корпораций, усиливающая роль профессионального управления как значимого механизма координации новых университетских гигантов» (с. 30). Каков же онтологический статус профессора в далекие времена, о которых идет речь в книге, и в нынешние «руинные времена». Ответ именно на этот вопрос привлекает читателя.

Весьма важно, что данная книга написана в постнеклассическом ключе еще и потому, что наряду с пафосом глобальности обнаруживает себя и семиотический взгляд на проблему, который обозначил себя в явной форме только в середине XX века.

Спрашивается, пошла ли на пользу рассматриваемой коллективной монографии столь радикальная методологическая модернизация, которая в некоторых случаях обнаруживается так сильно, что вызывает подсознательный протест в отношении утвердившейся в научной практике тезаурусной и методологической моды. Но при этом следует иметь ввиду, что исследование никогда не существует само по себе, оно всегда предполагает некоторый современный сверхсмысл, а значит, контекстуальная интенциональность рассказывает больше, чем мог бы раскрывать «стандартный текст».

Итак, как бы ни была трудна институциональная судьба профессора при всех разночтениях сохраняется главный смысл, ради которого профессор не просто существует как интеллектуальная единица, но как элемент виртуальной интеллектуально-ноосферной корпорации, которая пользуется своей надобщественной разумностью, для того, чтобы сохранить свои исконные статусы и смыслы, которых их пытаются лишить в любые времена, предполагая, что эти «как бы государственные служащие» (они практически всегда лишены этот статуса) будут обслуживать «интересы господствующего класса».

На первый взгляд, может показаться, что книга написана о том, что в европейской университетской истории происходит деинституциализация и деавтономизация университетов и главных их действующих лиц — университетских профессоров. Но, думается, это лишь внешняя сторона дела: состав авторов коллективной монографии и их подспудная комплементарность свидетельствует о том, что прежняя локальная университетская корпоративность, даже если она трансформируется в профессиональную атомизацию, постепенно превращается в корпоративность глокальную, которая есть первая ступень глобальной профессорской *со-словности*: профессорская корпорация (как PhD, как кандидат или доктор наук) в эпоху общепланетарного информационного обмена обретает новое семиотическое качество — совместное сотворение «словного» пространства. В этом смысле «со-словие» приобретает самый широкий смысл — из старой реальной корпоративности единичного университета постепенно формируется виртуальная глобальная сословная корпоративность, в значительной степени институционально противостоящая не только государственному корпоративному разуму, но и тому массовому общественному разуму, который для будущего подчас может оказаться еще более опасным. Только через процессы глобальной профессорской *со-словности*, очевидно, можно попытаться преодолеть негативные тенденции нарождающейся «дурной глобальности» и постепенно формировать версии *со-словного* коллективного разума будущего синергийного человечества.

В навигаторе по карте историко-социологических исследований университета (О. Н. Запорожец) университетская

макрооптика (с. 24) задается целым набором теоретических подходов: «функционализма и неофункционализма (с. 25—28), концепции «расширенного рационализма» и автономии Пьера Бурдьё и неовеберизма» (с. 25). Институциональный взгляд на университет и его исторические реализации и репрезентации пронизывает книгу как важнейший методологический вектор, а анализ университета в пространстве города (с. 52) позволяет увидеть даже не инвайронментальные, а экологические методологические подходы.

Думается, что весьма обширный методологический ресурс книги усиливается еще и тем, что вольно или невольно главную скрипку в методологическом мышлении авторов играет синергетическая методология, понимаемая в том числе и как универсальный эволюционизм. «...с конца XIX в. стали появляться иные варианты корпоративной истории — иллюстрирующие эволюцию системы через развитие студенческого движения или созревание профессиональной профессорской среды. В их центре оказывались также просветительные аспекты университетской жизни или долгий путь к самоорганизации» (с. 75).

Методологическая сторона, характерная для отечественных «почвеннических» интеллигентоведческих исследований, оказалась элиминированной в книге, хотя профессура всегда была и очевидно останется пирамидоном в интеллектуальной пирамиде русской интеллигенции. Тем интереснее видеть осмысление проблемы в ее, по сути дела, альтернативной репрезентации: это взгляд со стороны, а не изнутри. Отметим, что это «изнутри» хорошо отражено в работах самих исследуемых персонажей — при этом не только в контексте «одического жанра» (с. 69), но и критического анализа реалиста (с. 76). Анализ университетской жизни в контексте общекультурной жизни страны П. Н. Милюкова и В. И. Вернадского — хороший повод проверить адекватность современного анализа. В книге имманентно присутствует мысль о том, что высокий интеллектуальный уровень исторического субъекта как раз и обеспечивает адекватные формы корпоративной и общественной самоорганизации, а тоталитаризм — следствие недостатка интеллектуальной организованности.

Коллективные монографии последнего времени все более приобретают постнеклассический характер — в них очень часто

присутствует не строгая и жесткая система «диссертационного жанра», а некое концептуальное ядро, окруженное контекстом (или многоликой информационной средой), оттеняющим главный смысл, хотя иногда и кажется, что перед нами некая «излишность». Речь идет не просто о метасистемности (она всегда преимущество современного сложного гуманитарного текста), а об абстрактной картине, возникающей из семиотического разнообразия «личностного знания», которая позволяет понять, как устроена синтетическая противоречивость «почти глобального сознания». Для абсолютной полноты, очевидно, следовало бы обнаружить в тексте не только российские и западные мотивы, но очевидно такое требование «восточных (на самом деле, евразийских) мотивов» для современной интеллектуальной моды в России оказывается излишним.

Переполненность методологической концептуальностью — самая привлекательная черта книги — возникает из междисциплинарной и межкультурной дополнительности, которая, очевидно, характерна для вуза, столь быстро ставшего примером альтернативного университетского развития. Интеллектуальная архитектура в духе Ф. Хундертвассера позволяет увидеть более сложный ландшафт, нежели многоэтажная конструкция классической монографии. Интеллектуальное многообразие такого рода ноосферной среды новый жанр исторической реконструкции с будущностными сюжетами.

Как победить корпоративное злословие сообществом со словия — этот вопрос и получает неожиданный историко-культурологический ответ в полифонической дискурсии рассматриваемой коллективной монографии.

Глобальный профессор, выросший из предшествующих столетий университетской истории, новая фигура глобального общества знаний (или информационного общества), судя по всему эта фигура еще очень несовершенна, ибо должна преодолевать состояние некоего глобомункулуса, но как показывает исторический опыт профессорское сообщество со-словности может через традиционное обретение статусов и смыслов стать важнейшей ноосферной институциональностью, какой, впрочем, оно всегда и являлось, несмотря на конкретно-историческое воплощение своей несовершенной идеальности.

Книга о сословии русских профессоров, таким образом, нацеливает не только на историческое понимание, но и фундаментальное переосмысление в целом миссии ученого сообщества в реформировании России — она ставит вопрос об обретении современным «сословием русских профессоров» глобальной позитивной идентичности для выживания в нарождающемся информационном (а, фактически, ноосферном) человечестве.

P. S. В работах такого, по сути дела, энциклопедического порядка, выстраивающих новую концептуальность, хотелось бы видеть предметный и именной указатели, что позволяло бы более эффективно использовать книгу в учебном процессе в курсах философии образования или современного интеллигентоведения.

Примечания

- ¹ Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. / пер. с нем. К. Левинсона; пер. с польск. Д. Добровольского; под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. М., 2013. 386 с. Далее ссылки на данную монографию приводятся в тексте статьи с указанием страниц в круглых скобках.
- ² *Галимов Э. М.* Об академике В. И. Вернадском (к 150-летию со дня рождения). М, 2013. С. 14.

В. А. Евсеев

**ДЖАКОМО СОРАНЦО — ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ
ДИПЛОМАТ ЭПОХИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ:**

Рец. на кн.: Третьякова М. В.

Дипломатическая деятельность

венецианского нобиля XVI века Джакомо Соранцо.

Нижний Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2018. 402 с.

История Венецианской республики XVI в. предполагает рассмотрение широкого круга вопросов. Один из них — дипломатическая деятельность венецианского нобилитета в XVI в. на рубеже Средневековья и Нового времени.

Этот период в истории Венеции занимает особое положение. С одной стороны, Венеция представляла собой могущественную, процветающую морскую патрицианскую республику, с другой стороны, становятся видны черты ее упадка и потери былого влияния и могущества, что отражалось и на положении ее представителей при дворах европейских монархов и турецкого султана. Особое место в экономической, политической и социальной жизни венецианского государства занимал нобилитет.

Книга Марины Владимировны Третьяковой посвящена весьма важной в научном отношении проблематике. Несмотря на то, что история Венеции и специфика венецианского нобилитета давно уже привлекает внимание зарубежных и отечественных исследователей, автор данной монографии рассматривает вопросы, не столь уж часто являвшиеся предметом специального изучения со стороны медиевистов. В центре внимания автора монографии находится дипломатическая деятельность типичного

© Евсеев В. А., 2021

Евсеев Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, yevseyev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Professor of the Department of General History and International Relations; Ivanovo State University).

представителя венецианского патрициата — Джакомо Соранцо (1518—1599). Следует отметить, что М. В. Третьякова уже давно с успехом занимается историей клана Соранцо. Свидетельством этого является целый ряд работ, опубликованных ею в различных научных изданиях¹. Можно отметить неослабевающий интерес исследовательницы к теме венецианской дипломатии и специфике ее нобилитета. Рецензируемая книга является по сути дела продолжением исследований М. В. Третьяковой по указанной проблематике.

Первые три главы книги как бы предваряют основную тему монографии. На их долю приходится около одной трети объема публикации (108 с.), а остальные две трети посвящены собственно деятельности Джакомо Соранцо (240 с.) — четвертая глава. В принципе такая структура монографии вполне отражает основное содержание заявленной темы. Очень обширна источниковая база исследования. В ней обозначены 112 названий на итальянском, французском, английском и латинском языках. Список литературы состоит из 349 публикаций различного рода. Все это говорит о том, что автор проштудировала очень большой пласт литературы и знакома с новейшими исследованиями по своей теме, которые датируются началом XXI века. В частности, это работа Л. Г. Климанова, которая опубликована в 2013 г. (с. 87).

В первой главе М. В. Третьякова описывает внешнюю политику Венеции во второй половине XVI в. и выделяет в ней три направления (с. 8). Первое — это Венеция и европейские государства (Империя, Испания, Франция и Англия). Второе — Венеция и итальянские государства. Третье — Венеция и Османская империя. Затем автор дает характеристику каждого из направлений. Особенно подробно она описывает отношения Венеции с Испанией и Османской империей — главными акторами в системе международных отношений в Средиземноморском регионе во второй половине XVI в. М. В. Третьякова указывает на решающую роль венецианцев в битве при Лепанто (с. 23—24). Фактически более половины содержания первой главы посвящено испано-османским сюжетам в политике Венеции.

Во второй главе рассматривается развитие дипломатической службы в Венеции. В первом параграфе автор рассказывает об истории создания системы дипломатического представительства

в Венеции, которая сложилась уже к середине XV в. — ранее всего среди западноевропейских государств. М. В. Третьякова отмечает, что примером в области создания дипломатической службы для Венеции служила Византия (с. 31). Исследовательница большое внимание уделяет терминологии названий дипломатов, иерархии их рангов и дипломатическому ритуалу. Этим сюжетам посвящено около 20 страниц. Особо автор выделяет описание приемов русских послов в XVI—XVII вв. при европейских дворах, привлекая в качестве источников «Статейные списки» стольников П. И. Потемкина и П. А. Толстого (с. 50—58).

Во втором параграфе данной главы М. В. Третьякова рассматривает законодательство венецианского государства, касающееся дипломатической службы. Данный раздел носит информативный характер, ибо в основном он базируется на работах Квеллера и Климанова. В качестве вывода по параграфу М. В. Третьякова отмечает, что венецианское государство регламентировало все стороны посольского дела в стране (с. 86).

Третья глава книги рассказывает о политической и социальной элите Венеции — венецианском нобилитете, одной из сфер деятельности которого была дипломатическая служба. В первом параграфе данной главы идет речь о специфике положения венецианского нобилитета. Автор указывает, что нобилитет в конце XVI в. составлял всего 4,3 % от всего населения почти 150-тысячной Венеции (с. 89). М. В. Третьякова отмечает, что в численном отношении нобили были в меньшинстве, но только они обладали политическими правами. Все должности (которых насчитывалось около 800) фактически предназначались только для них. Остальные социальные категории — чिटтадини — природные горожане (5,1 %) и пополаны (90,6 %) были лишены политических прав (с. 91). Однако далее автор указывает, что нобили были монополистами в политической сфере, но в экономической им не уступали чिटтадини и пополаны (с. 96). Для молодого нобилиа автор рецензируемой книги выделяет три способа продвижения по служебной лестнице. Первый — губернаторство в каком-либо небольшом городе Венецианской республики. Второй — дипломатическая служба. Третий — служба в комитетах Коллегии. Однако М. В. Третьякова отмечает, что для достижения определенного положения в обществе можно было

сочетать все три указанных способа продвижения по служебной лестнице (с. 91).

Марина Владимировна пишет, что в Венеции в 1527 г. было 2700 патрициев, принадлежавших к 134 кланам и 30 из них, составляли 59 % всего патрициата (с. 99). Среди нобилей существовала иерархия по происхождению и по тем должностям, которые они занимали. Автор рецензируемой монографии отмечает четыре таких категории. Первая — «старые дома» — апостольские (12 фамилий) и евангельские (12 фамилий). Эти 24 клана еще называли «длинными домами». Вторая категория — «новые дома», появившиеся после 800 г. Третья категория — «новейшие дома», появившиеся после Кьоджанской войны 1378—1381 гг. Четвертая категория — семьи, ставшие нобилиями после Критской и Морейской войн второй половины XVII в. (с. 102). Большой интерес вызывают сведения из таблицы 2 (Распределение послов по странам аккредитации), где автор книги указывает на преобладание «старых домов» в качестве послов в наиболее важных государствах Европы той эпохи (с. 107).

Особый интерес вызывает следующий параграф данной главы, где речь идет о семье Соранцо. М. В. Третьякова дает здесь краткий очерк истории этого клана. Эта семья принадлежала к «евангельским домам», т. е. к первой категории наиболее привилегированного нобилитета. Автор книги показывает имущественное положение этого клана, их родственные связи, какие должности они занимали. Особо она останавливается на должности прокуратора собора св. Марка, отмечая, что почетность и значимость этой службы определялась тем, что из числа двенадцати прокураторов выбирался дож (с. 115). Поэтому М. В. Третьякова делает вполне справедливый вывод о том, что семья Соранцо была семьей типичных венецианских нобилей, разбогатевших на левантской торговле, банковских операциях, занимавшихся политикой, служивших своему государству как военные, дипломаты, политики (с. 117).

Четвертая глава рецензируемой монографии посвящена исследованию дипломатической деятельности Джакомо Соранцо. В отличие от предыдущих трех глав, содержание которых в основном базируется на литературе, в данной главе автор, опираясь на итоговые отчеты Джакомо Соранцо о своих миссиях при дворах

европейских монархов в Англии, Франции, Священной Римской империи, римского папы и турецкого султана, освещает специфику его посольской деятельности.

Первый параграф данной главы посвящен дипломатической миссии Джакомо Соранцо в Англии в 1554—1558 гг., но в начале его М. В. Третьякова представляет краткую биографию своего героя. Она перечисляет его должности на дипломатической службе и различных городских магистратурах. Особо останавливается на избрании Джакомо Соранцо в состав прокураторов собора Св. Марка и введении в состав Совета десяти, что являлось признанием его заслуг перед Венецией (с. 120). Говоря об обучении молодых нобилей, автор рецензируемой книги замечает, что большинство из них получало образование дома (с. 100). Однако это никоим образом не сказывалось на выполнении ими государственной и дипломатической службы, которая требовала значительного объема знаний и компетенций. Сам Джакомо Соранцо был послом при ведущих дворах Европы и знал, по всей видимости, язык страны пребывания, ибо общался с представителями придворной знати для получения необходимой информации.

Автор монографии справедливо отмечает, что венецианский нобиль Джакомо Соранцо проявил себя как профессионал на посту представителя Венеции при иностранных дворах, в частности, она пишет, что все магистратуры, которые занимал Джакомо в течение своей жизни, не оплачивались государством, а чтобы выполнить обязанности посла, необходимо было вложить свои собственные средства на содержание миссии и представительские функции (с. 121).

Далее М. В. Третьякова анализирует отчет Джакомо Соранцо о его пребывании в Англии, отмечая, что этот документ имел четкую структуру. Этому правилу придерживались все венецианские послы по возвращении из страны пребывания (с. 122). Исследуя отчет о пребывании Джакомо Соранцо при английском дворе, автор рецензируемой монографии отмечает, что венецианский посол оказался в Англии в период смены монархов, сопряженный с волнениями, вызванными экономическими, политическими, социальными, идеологическими причинами и сумел показать наиболее важные стороны этих событий (с. 152).

Следующая дипломатическая миссия Джакомо Соранцо состоялась при французском дворе. Этому периоду его деятельности посвящен второй параграф данной главы. Можно согласиться с мнением М. В. Третьяковой о положительной характеристике венецианского посла. Она пишет, что Джакомо Соранцо, обладая профессиональными качествами дипломата, проявил себя также и наблюдательным очевидцем событий. Знания специфики положения, особенностей характеров первых лиц французского двора создавало возможность для лучшего исполнения дипломатической миссии (с. 180). Далее М. В. Третьякова отмечает, что Джакомо Соранцо определил не только слабые места внутренней, но и главные проблемы внешней политики французской короны (с. 207).

Очередной дипломатический вояж Джакомо Соранцо проходил при дворе императора Священной Римской империи. В этом разделе вызывает интерес сюжет о проблемах по поводу созыва третьей сессии Тридентского собора. Автор рецензируемой монографии приводит точку зрения венецианского дипломата, по мнению которого задержка с началом его работы была связана с противоречиями между протестантскими и католическими князьями (с. 224) и их разногласия с императором (с. 225—226). М. В. Третьякова поддерживает эти выводы Джакомо Соранцо.

Самый большой по объему раздел четвертой главы описывает деятельность Джакомо Соранцо в ранге посла при дворе римского папы Пия IV. В этой роли он сменил другого представителя рода Соранцо — Джираламо, миссия которого закончилась в 1563 г., а Джакомо в 1565 г. (с. 237). М. В. Третьякова анализирует отчеты обоих послов. Это дает автору рецензируемой книги более фундированные оценки их деятельности. Поэтому ее выводы по данному параграфу вполне обоснованы. Дипломатические миссии Джираламо и Джакомо Соранцо при дворе папы Пия IV были важны в том отношении, что венецианское правительство, благодаря данным послов, могло иметь представление о структуре дома папы, специфике его должности и окружения, особенностях взаимоотношений папы с правителями Европы (с. 306).

Если в предыдущих дипломатических миссиях в Англии, Франции, Германии и Риме Джакомо Соранцо выступал в ранге

ординарного посла и был в стране пребывания от двух до четырех лет, то в своих двух поездках в Константинополь в 1575 и 1582 годах он возглавлял экстраординарные посольства, которые были связаны с событиями при дворе турецкого султана Мурада III. Первая поездка была связана с выражением соболезнования по поводу кончины отца султана — Селима II, а вторая была направлена на праздник обрезания сына Мурада III. Анализируя отчеты об этих посольствах, Марина Владимировна высказывает мысль о том, что в основу «Дневника путешествия» Джакомо Соранцо от 1582 г. был положен текст отчета за 1575 г. (с. 320), и далее она предполагает, что возможно «Дневник» за 1582 г. был составлен не Джакомо Соранцо, а кем-то из участников этого посольства (с. 321). Однако каких-либо конкретных доказательств этой идеи М. В. Третьякова не приводит. Гораздо более обосновано другое положение Марины Владимировны, где она, анализируя дневники Джакомо Соранцо, отмечает изменения в характере Мурада III (с. 352).

В заключении автор рецензируемой книги приходит к вполне справедливому выводу о том, что Джакомо Соранцо был профессиональным дипломатом и типичным представителем венецианского нобилитета (с. 364).

Монография М. В. Третьяковой написана на основе привлечения широкого круга разнообразных источников и современной исторической литературы. Автор на примере дипломатических миссий Джакомо Соранцо дает нам представление о служебной деятельности ведущих представителей венецианского нобилитета. Стиль изложения материала вполне логичен и ясен.

Говоря об отдельных упущениях рецензируемой книги, можно обратить внимание на некоторые аспекты. На наш взгляд, следовало бы дипломатическую деятельность Соранцо рассматривать не только исходя из данных его итоговых отчетов, но и привлекая депеши этого посла венецианскому правительству. Следовало бы структурировать список источников, ибо, в отличие от списка литературы, он не имеет никаких градаций. Поэтому не всегда понятно, к какому типу источников отнесен тот или иной документ. Конечно, хотелось бы иметь представление и о других аспектах деятельности венецианского нобилиа, кроме

дипломатической службы, но это уже будет выходить за рамки обозначенной в данной монографии темы.

Указанные недочеты не меняют общей высокой оценки монографии М. В. Третьяковой. Как нам представляется, данное издание является вполне актуальным и позволяет нам расширить знания о различных аспектах дипломатической деятельности венецианского нобилитета в эпоху раннего Нового времени.

Примечания

- ¹ *Третьякова М. В.* Франческо Соранцо — венецианский патриций XVI века // *Человек XVI столетия*. М., 2000. С. 35—47; *Она же.* Франческо Соранцо как представитель венецианской дипломатии. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2011. 173 с.

DOI: 10.46725/IW.2021.1.9

Д. Г. Смирнов

**Всероссийская научная конференция
с международным участием
«РОССИЙСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ:
ИНФОРМАТИЗАЦИЯ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ,
ГУМАНИЗАЦИЯ», Иваново, 11—12 декабря 2020 г.¹**

Пролог

Сто лет назад в 1920 году Совет Таврического университета официально утверждает В. И. Вернадского ректором. Недолгое пребывание академика на этом посту тем не менее очень знаменательно: Вернадский оставил нам образ университета, который сейчас можно было бы назвать ноосферным университетом. Об этом вековом уроке университетского строительства рассказал в рамках открытой лекции биограф академика В. И. Вернадского — Г. П. Аксенов. Образ настоящего ректора университета есть вещь реальная и во многом неизменная. В этом смысле ретроспекция предстает не как форма (как говорил Х. Ортега-и-Гассет) пассивного воспоминания, а как способ опережающей проекции.

Г. П. Аксенов (Россия, Москва) завершил первый день конференции, хотя в рамках логики интеллектуальной истории, должен был его открывать, представив ноосферный посыл университетского строительства (конструирования). «Создание» университета заново, как это и случилось с Вернадским (и может

© Смирнов Д. Г., 2021

Смирнов Дмитрий Григорьевич — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Ивановский государственный университет, smirnovdg@ivanovo.ac.ru (Dr. Sc (Philosophy), Associate Professor, Head of the Philosophy Department, Ivanovo State University).

произойти в любом новом ректором), всегда подчиняется определенным синтетическим и синергетическим императивам, предполагающим формулу сильного синтеза «красного» и «белого», иностранного и отечественного, личного и общественного, морального и нравственного...

Краткая предыстория

Важным качественным показателем результативности научной школы (наряду с монографиями, диссертациями, статьями) всегда были и остаются научные мероприятия — конференции, круглые столы, семинары и т. п. «Антоновские чтения» памяти Николая Павловича Антонова (12.12.1909—03.01.1985)² проходят в Ивановском государственном университете в течение уже более чем 10 лет, став в некотором смысле брендом кафедры философии и университета в целом. Формат этих чтений был разный: от регионального научного семинара до всероссийской конференции. Неизменным было и остается одно — нацеленность на осмысление насущных для региона, страны и мира проблем.

В 2020 году — 111-м со дня рождения основателя ивановской ноосферной школы — выбор темы чтений пал на высшее региональное образование. Именно образовательная система (не считая медицинской) испытала на себе всю разрушительную мощь «ковидного удара». Образование выстояло, но на время оказалось в ситуации нокдауна, когда общество и государство «считают до десяти», определяя ее «дееспособность». Особенно досталось региональной высшей школе — простым региональным университетам. Они, как в рассказе Дж. Лондона «Кусок мяса», проигрывают образовательную схватку из-за хронического «финансового и материально-технического недоедания». Конференция «Российский региональный университет: информатизация, цифровизация, гуманизация»³, получившая институциональную поддержку Российского фонда фундаментальных исследований, была направлена на осмысление многообразия исторических судеб и перспектив российского регионального университета через призму современных моделей отечественной и зарубежной систем высшего образования, а также на поиск оптимальных решений в условиях противоречия трендов и тенденций развития университетского образования⁴.

Формальное измерение

В качестве организаторов конференции выступили Российский фонд фундаментальных исследований, Ивановский государственный университет, научно-образовательный центр «Комплексные ноосферные исследования», Неправительственный экологический фонд им. В. И. Вернадского, Ивановское региональное отделение Российского философского общества. На конференцию было подано 98 заявок от 123 российских и иностранных ученых; ее география охватила 5 стран и 20 регионов Российской Федерации. Формат конференции, который изначально предполагался как очный, в условиях пандемии covid-19 претерпел изменения, став дистанционным.

Открылась конференция подиумной дискуссией «Региональное высшее образование: пределы роста», представившей участникам и слушателям мнения специалистов ивановского образовательного истеблишмента на предмет перспектив и трендов развития регионального образования. В рамках конференции работали 4 секции. Секция I «*Региональные университеты: уходящая эпоха или хорошо забытое старое*» была посвящена рассмотрению исторических и социологических аспектов развития региональных университетов, компаративному анализу различных моделей строительства регионального образовательного пространства, анализу преимуществ и недостатков регионализации высшего образования. В центре внимания секция II «*Новый образовательный универсум: содержание, технологии, методика*» оказалась проблема синергии формирования регионального образовательного ландшафта, его связи с регионом, зависимости от столичных вузов, специфики учебно-научного содержания, «рационализаторских» педагогических технологий, оригинальных методик обучения. Секция III «*Системные аспекты цифровизации университетского образования*» сконцентрировалась на аспектах информатизации образовательного процесса, в частности, вопросах унификации общих курсов, адекватности дистанционных (дистантных) технологий, влияния виртуальной коммуникации на акторов учебного процесса, мотивации студентов и преподавателей в условиях on-line образования. Секция IV «*Современный университет: естественный разум vs искусственный интеллект*»

во главу угла поставила фундаментальную проблему соотношения развития естественного разума и искусственного интеллекта в образовательном дискурсе. Завершила конференцию экспертная сессия «Российский университет и устойчивое региональное развитие» как особый формат подведения итогов конференции, на которой фиксировались точки роста во включенности регионального университета в федеральную и региональную социокультурную динамику, получившие отражения в рекомендациях конференции. Органически дополнили секционное «каре» два круглых стола — «Человеческое качество в условиях информатизации и цифровизации высшего образования» и «Образы цифровизации и гуманизации университетского образования», мастерская «Творческие опыты “экстремального” образования» и открытая лекция «В. И. Вернадский — ректор Таврического университета». Завершила работу конференции экспертная сессия, в рамках которой были верифицированы рекомендации российского университетского сообщества в отношении региональной образовательной политики.

Открытие

Открыла уикенд всероссийской «университетской философии» подиумная дискуссия «Региональное высшее образование: пределы роста», дискуссионными участниками которой стали представители ивановского университетского истеблишмента. Цель этой «вводной» для конференции встречи — очертить ближайшие и отдаленные последствия масштабных информационных и цифровых изменений в отношении всей системы высшего образования и региональных университетов в частности. Главным вопросом, который пронизывал общение экспертов, был вопрос о соотношении цифровизации, информатизации и гуманизации в образовательном процессе, точнее о пределах внедрения «цифры» в процесс обучения, ее столкновения с «буквой и духом» гуманитарной составляющей образования.

Мнения экспертов, абсолютное большинство из которых представляло административно-управленческий срез университетского сообщества, совпали практически по всем значимым позициям. Будущее региональных университетов связывалось

с различными формами внешней и внутренней коллаборации, цифровизация позиционировалась как инструмент, необходимый для поддержания учебного процесса, а не как самостоятельная образовательно-педагогическая парадигма, университетская идентичность крепко увязывалась с регионом, его культурой, его людьми и его «реальным сектором экономики».

Подиумная дискуссия, слушателями прямой трансляции которой стало около 100 человек, задала тон секционным заседаниям и круглым столам: некоторые позиции получили поддержку, а некоторые вызвали содержательную критику со стороны научно-педагогических работников. Подобный формат оправдал себя, позволив зафиксировать точки роста и точки пересечения видения образовательной карты региона.

Ideas grata, или избранные страницы интеллектуальной истории одной конференции

Даже при всем желании обзор конференции не смог бы вместить анализ всех идей, прозвучавших в недрах конференциальных дискуссий. Остановимся лишь на наиболее значимых, интересных проблемах, которые можно условно обозначить через неологизм «ideas grata». При этом будем понимать под этим термином не буквально «желательные (кем-то) идеи», а мысли, желательные для воплощения или, по крайней мере, заслуживающие внимания не только в университетском сообществе, но и в управленческих структурах федерального и регионального уровней.

Философский дискурс, оказавшийся доминантным в рамках содержательного наполнения конференции, продемонстрировал конструктивный потенциал абстрагирования и метапредметной парадигмы в решении проблем образования. *О. А. Базалук* (Китай, Маомин) в своем докладе через призму кантианского дискурса рассмотрел два образа образования в линии Платона. Первый образ (специальная теория образования) — это образование как политика, как сила, которая формирует в человеке «правильность взгляда». Специальная теория рассматривает образование как формирующую матрицу, которая с помощью наборов специальных технологий воздействия освобождает истины опыта бытия Dasein, сокрытые в экзистенциалах арете. Второй

образ (общая теория образования) — это «прекрасный идеал», к которому человек самостоятельно восходит. Общая теория рассматривает образование как индивидуальное восхождение к образу высшей идеи и исследует освобождение арете как самостоятельное и самодостаточное конституирование экзистенции, в результате которого изменяется порядок Вселенной. *Н. В. Медведев* (Россия, Тамбов) в своем историко-философском докладе, посвященном Л. Витгенштейну, показал, что важнейшей задачей философии образования в наши дни становится поиск ответов на критический «вызов», который связан с выявлением и осмыслением трудноразрешимых аспектов образовательного процесса в эпоху «постмодерна», когда границы между научной истиной и повествованием (вымыслом) размываются, а в самом образовании господствует «логика перформативности», нацеленная на нивелирование различий и применение эффективных процедур. *О. А. Габриелян* (Россия, Симферополь) в своем докладе обратил внимание на то, что система высшего образования в России на протяжении многих лет претерпевает серьезные трансформации, которые, в свою очередь, связаны с фундаментальными социально-экономическими, политическими, экологическими (в самом широком смысле) изменениями. Главная задача, стоящая перед современным региональным университетом, — ответить на стремительные вызовы нового информационного уклада. В противном случае ему грозит гибель под напором более гибких образовательных альтернатив. Роль философии в этом контексте видится в генерации траекторий (ре)эволюции университета как социального феномена, мысленных экспериментов встроенности университета в предметные миры будущего. *В. Н. Финогентов* (Россия, Орел) в своем футурологическом выступлении рассмотрел перспективы системы образования в свете двух различных сценариев будущего — техногенного и (позволим себе немного «подредактировать» автора) ноогенного — «гораздо менее вероятного, но гораздо более привлекательного», которые взаимосвязаны с разными типами культуры — соответственно, моноцентрической и полицентрической. Движение по траектории полицентрической культуры предполагает, что в содержании (высшего) образования на первый план выйдут человекосозидающие и человекоразвивающие компоненты: фундаментальное общее

образование, систематическое мировоззренческое образование и разностороннее физическое воспитание.

Дискурс социологии регионального образования позволил очертить болевые точки современной университетской повседневности. *Р. Н. Ибрагимов* (Россия, Абакан) в своем эмоциональном докладе рассмотрел логику развития системы высшего образования в единстве трех парадигм — администрирования, содержательного наполнения учебного процесса и востребованности его результатов, сделав вывод о системном и многофакторном кризисе региональных университетов, через метафору «эрозии» отечественного «заМКАДного» вуза. Дрифт системы высшего образования от университета к ПТУ, обусловленный реформами всех уровней образования и амбивалентностью целей субъектов образовательного процесса, может быть скомпенсирован только пандемией, которая может стать фактором, который затормозит отток носителей «гена Ломоносова» из регионов, и даст местным университетам импульс пассионарности. *Е. В. Реутов* (Россия, Белгород) представил доклад, посвященный проблеме образовательного неравенства, показавший, что образование в современном российском обществе представляет собой внутренне фрагментированный институт, что задается не только иерархической структурой и спецификой правовых форм, но и ресурсной базой территориальных образовательных систем, инкорпорированных в региональные экономики. Российская провинция существенно уступает мегаполисам в ресурсно-образовательном отношении, и, как следствие, амбициозные образовательные и карьерные стратегии, как правило, включают в себя миграционную составляющую. В результате образовательные неравенства, где уровень образования в наборе факторов жизненного успеха существенно уступает качеству образования, начинают оказывать обратное действие на неравномерность территориального развития страны.

Дискурс экстремальной педагогики позволил сформулировать большие и малые проблемы, касающиеся образовательного процесса, равно как и перспективы «слабой цифровизации». *С. С. Минева* (Болгария, София) в своем докладе зафиксировала достоинства и недостатки тотального внедрения дистанционной формы обучения, отметив при этом неготовность высшего образования

к работе в чрезвычайных образовательных условиях. Беспрецедентная «возможность» цифровизации академического сообщества предоставила возможность проводить занятия по другому/плавающему графику и без необходимости физического доступа к университетской базе. Но она же лишила обучение и неформального личностного общения, значительно понизила собственно образовательный потенциал в силу невозможности дистанционной передачи «неявного знания». *Р. Тьяги* (Индия, Дехрадун) в совместном выступлении с *А. С. Тимощуком* (Россия, Владимир) сформулировала точку зрения, согласно которой идея создания единой уникальной учебно-информационной интерактивной среды, способной постоянно обновляться и настраиваться под определенные нужды образовательного процесса вуза, является очередной технократической утопией, равно как и попытки контроля всего образовательного процесса. Для устойчивости системы необходимо множество саморазвивающихся локальных подсистем, которые по факту подменяет преподаватель, будучи лектором, программистом, администратором защиты, тестирующим, персоналом техподдержки, решая неспецифические технические задачи. *С. С. Мишук* (Белоруссия, Минск) в своем выступлении оценил воздействие системы информационно-коммуникационных технологий на деятельность ученого университета. Во-первых, данная система обеспечивает постоянно растущую эффективность процессов получения и обмена информацией. Во-вторых, происходит формирование новых процедур получения знания, новых идеалов и норм его построения, что трансформирует сам стиль мышления современного ученого, формирует у него привычку к коллективному творчеству. В-третьих, система инфокоммуникационных технологий позволяет глубже понять природу процессов отражения сознанием окружающей объективной реальности через призму глобальной, искусственно созданной, но реально функционирующей модели человеческого познания.

Аналитический курс, пронизывавший работу практически всех секций и круглых столов, очертил мир «предметного» будущего университета и региональной системы образования. *В. М. Кондратьев* (Россия, Москва) в своем выступлении отметил, что университет как образовательный феномен живет в «трех мирах» — внешнем, окружающем и внутреннем. Россия как «внешний

мир» имеет общие для всех университетов черты, а мир ближайшего окружения, напротив, различен для региональных университетов различных городов. Российские вузы по-разному решают противоречия между своим внутренним миром и миром ближайшего окружения, как и во взаимодействии с внешним миром. Внутренний мир каждого университета специфичен, ибо он — всегда особенный, обладающий только ему присущими свойствами, что в некотором смысле показывает пагубность взятой на вооружение унификационной образовательной политики. *А. В. Брагин* (Россия, Иваново) в своем выступлении рассмотрел систему образования через призму постсовременности как пространства борьбы трансгуманизма (являющегося вектором трансформации западной цивилизации) и «классики». Этот выбор — между постмодерном и классикой и, соответственно, между ориентацией на «искусственное» и тягой к «естественному», — совершающейся прямо сегодня, во многом определяет будущее человечества. В качестве альтернативы естественному разуму автор назвал вовсе не искусственный (какой бы смысл ни вкладывали в этот термин), а ситуацию самоликвидации современного человечества в связи со сходом с траектории ноосферного развития. *Т. А. Воронова* (Россия, Иваново) в своем докладе убедительно показала, что успех трансформации регионального вуза, равно как и эффективное им управление, определение стратегии и тактики его развития должно быть основано на принципе опережающего образования. Для успешной реализации трансформационного сценария требуются высококвалифицированные кадры в самом университете, сочетающие научно-исследовательскую направленность, гуманистическое понимание сущности педагогической деятельности, ценностное к ней отношение и способные быстро осваивать и применять в практике современные информационно-коммуникационные технологии.

Синтетический (ноосферный) дискурс продемонстрировал роль регионального университета в реализации парадигмы устойчивого развития территории. *Г. М. Суворова* (Россия, Ярославль) в своем выступлении показала, что образовательное пространство следует трактовать как образовательный универсум, принципом анализа которого является континуальность как непрерывность совокупности множеств, обладающих объединяющим

их признаком (признаками). Образование XXI века не только находится в прямой связи с уровнем интеллектуального развития конкретного общества, но становится для каждого отдельного обучающегося коллектива системой, способной на самоорганизацию и адаптацию к условиям постоянно меняющегося мира, где образовательный процесс носит характер не трансляции информации, а характер стимуляции и активизации познавательной деятельности с помощью адекватных историческому времени технологий. *И. В. Черникова* (Россия, Томск) в своем докладе осуществила компаративный анализ «допандемических» и «постпандемических» моделей развития университета, сделав акцент на парадигме экологического университета (Р. Барнетт). Постпандемический период, связываемый не столько с технологиями дистанционного обучения, сулит процветание элитных университетов, их партнерство с крупнейшими технологическими компаниями мира (университеты-киборги) и гибель университетов нижнего эшелона мирового рейтинга. Будущее Образования (с большой буквы), координаты которого задаются этосом технонауки, сознанием ответственности и «глобальной гражданственности», останется за парадигмой офлайн-обучения, которое лишь будет дополняться моделями дистанционного образования. *Г. С. Смирнов* (Россия, Иваново) в своем выступлении представил парадигму ноосферного университета, сформулированную в русле учения В. И. Вернадского о научной мысли как планетном явлении. Модель ноосферного университета показывает итоговые этапы эволюции университетского образования от сложившегося столетиями «классического университета» к «неклассическому университету», а затем и к многоликой вариативности современных постнеклассических университетов. С точки зрения бытийной дополнительности ноосферный университет является одновременно и локальным (дискретным) коллективным разумом университетского кампус-сообщества, и в то же время глобальным (континуальным) пространством техно-социальной цефализации единого человечества.

Менеджеральный дискурс анализа регионального университетского пространства вскрыл сущностные противоречия системы высшего образования. *В. В. Чекмарев* (Россия, Кострома) в своем докладе дал политико-экономическую оценку

происходящих изменений в сфере высшего образования и отметил, что у правительства сформировалось мнение о высшем образовании как о дочернем предприятии, существование которого оправдано только с той точки зрения, что оно способствует функционированию рынков труда: вузы должны формировать навыки, требуемые перспективными работодателями, а их эффективность оценивается тем, насколько быстро выпускники находят себе рабочее место. Вместе с тем рынок существует не только для выпускников, но и для продукции высшего образования в целом, включая возможности в самих вузах. *Я. И. Серкина* (Россия, Белгород) в совместном докладе с *В. П. Бабинцевым* продемонстрировала, что тенденции корпоративизации университетского образования, равно как и абсолютизации значимости бюрократического аппарата, как бы ни оценивались общественностью и собственно управленцами, адекватна общему направлению эволюции современного социума. Вместе с тем унифицированные методы менеджмента, а также деградация, неизбежно связанная с чрезмерной бюрократизацией, представляя некоторые преимущества в краткосрочном измерении, в стратегической перспективе являются разрушительными для вуза и для высшего образования в целом. *А. Г. Бермус* (Россия, Ростов-на-Дону) в своем докладе отметил в качестве одного из важнейших трендов последних десятилетий кластеризацию образовательных систем и обратил внимание на несколько долговременных факторов, которые будут в дальнейшем стимулировать развитие региональных образовательных кластеров — растущий запрос на модернизацию социокультурной сферы; усиление конкуренции за талантливых абитуриентов; высокая волатильность экономик, приводящая к сокращению возможностей глобальной мобильности. Автор наметил и основные запросы стейкхолдеров к региональной системе образования — поддержка профессиональных карьер, включение магистратуры в более широкий контекст сотрудничества университета с региональной системой образования, формирование региональной сети инновационных практик с участием подразделений университета и учреждений-партнеров; включение работодателей в разработку требований и экспертизу программ и результатов.

Вместо заключения

Завершила всероссийский «университетский» уикенд экспертная сессия «Российский университет и устойчивое региональное развитие», в рамках которой участники конференции обобщили спектр вопросов, получивших отражение в докладах, выступлениях и дискуссиях. Главным теоретико-методологическим результатом здесь стали рекомендации по совершенствованию трансформационной модели регионального высшего образования, которая мыслится как залог устойчивости территории — уникального месторазвития человеческого качества. Решения конференции, обсужденные на экспертной сессии, носят характер рекомендаций федеральным и региональным властным структурам. В концентрированном виде они могут быть сведены к следующим императивам.

Региональный вуз полноправный актор глобального образовательного пространства, обеспечивающий понимание места и роли конкретной территории (или месторазвития) в системе материально-экономического и духовно-интеллектуального производства страны или континента. Искусственное деление отечественных вузов на привилегированные и непривилегированные не способствует (в силу того, что российские территории иногда оказываются по территории сравнимыми с отдельными государствами) устойчивому развитию последних.

Региональные университеты — важнейший фактор обеспечения ноосферной безопасности страны: не только её материально-экономической, но языковой, культурной, духовной целостности. Конституционный принцип равенства доступа к информации, а значит и доступа к информационному пространству региональных университетариев (преподавателей и студентов), должен учитываться при разработке стратегии информационного развития и информационной безопасности страны.

Региональный университет — равноправный участник выработки стратегии развития региона (по принципу модели «тройной спирали»: университет — государственные управленческие структуры и государственный производственный сектор — частный производственный сектор), равно как и экспертный актор в брендировании региона и его территорий. Университет —

проводник междууниверситетских связей и межрегиональной мобильности, обеспечивающий тем самым не только развитие региона, но и связность территории страны.

Сообщество региональных университетов и их включенность в систему межрегиональных университетских связей является необходимым условием эффективного развития научно-исследовательской и образовательной деятельности, нацеленных на устойчивое локальное и глобальное развитие. Одним из важных направлений развития системы высшего регионального образования в этом отношении является создание региональных университетских консорциумов (объединяющих вузы разной подчиненности), способных координировать свою деятельность в тех сферах регионального развития, где может быть достигнут синергетический эффект комплексного подхода к решению конкретных задач.

Изучение опыта региональных вузов по созданию, обслуживанию и совершенствованию электронных информационно-образовательных систем — критически важный фактор создания единой национальной системы университетского визуально-дистанционного образования, включающей возможности наиболее эффективного и эргономичного использования профессиональных ресурсов научно-педагогических работников всех возрастных категорий. Цифровизация университетского образования должна поддерживать связность образовательного пространства страны, позволяя реализовывать межрегиональное и междууниверситетское взаимодействие в удаленном режиме, создавая виртуальное пространство взаимообмена и взаимодействия. Необходимо признать приоритетной при создании новых образовательных технологий корреляцию процессов цифровизации и информатизации при доминировании эргономических и гуманистических приоритетов; минимизировать в сфере образовательных технологий наиболее неорганичные и негуманистичные формы несовершенного искусственного интеллекта, подавляющего возможности для творческого учебно-образовательного процесса. Следует обеспечить для региональных университетов грантовую поддержку преподавателей в решении задач создания перспективных дистанционно-визуальных образовательных курсов по наиболее востребованным учебным программам и курсам.

Эпилог

Завершить краткий обзор дискуссий о судьбе российского регионального (не по нормативному или топологическому статусу, а по его роли в ноосферной истории) университета, думается, уместно двумя замечаниями. «Размышления о судьбах российской образовательной глубинки сейчас более чем актуальны... Это признак зрелого образовательно-научного сообщества, результаты размышления которого дают глубинное понимание того, что происходило и происходит»⁵. Без подобного «денотативного» (политически неангажированного) осмысления реалий цифровой трансформации и осознания последствий нынешней образовательной этологии (администрации, преподавателей, студентов, работодателей) рывок в «наше общее» университетское будущее может обернуться институциональной и интеллектуальной травмой.

Сверхзадача конференции заключалась в том, чтобы осуществить своеобразное опережающее отражение и понять, «справится ли конкретное университетское сознание с тем, что его бросили в воду, не очень объяснив как плавать»⁶, честно ответить себе на вопросы: как повлияет на высшую школу в целом ситуация «информационного естественного отбора», преимущество в котором получают те, «кто, как известно из теории универсального эволюционизма, сохранит “наследственность” и преодолет излишнюю “изменчивость”»; как в эпоху «тотальной и повальной цифровизации» остаться «истинно верным» сложным социальным эстафетам разумной гуманизации и когнитивно адаптироваться к кардинально изменившейся информационной среде.

Примечания

- ¹ Публикация осуществлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 20-011-22084 «Российский региональный университет: информатизация, цифровизация, гуманизация».
- ² *Смирнов Г. С.* Первый иваново-вознесенский философ (к столетию профессора Николая Павловича Антонова) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 2. С. 3—8.

- ³ Мероприятие во многом продолжает импульс, сгенерированный конференцией «Российский университет в неустойчивом мире: глобальные вызовы и национальные ответы» (Иваново, 05—08 февраля 2019 г.)
- ⁴ Материалы конференции опубликованы в тематических номерах журнала «Ноосферные исследования» (Ноосферные исследования. 2020. Вып. 3. 101 с.; Вып. 4. 107 с. Ноосферные исследования. 2021. Вып. 1. 118 с.; Вып. 2. 101 с.)
- ⁵ *Смирнов Г. С.* Этажи регионального высшего образования // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 3. С. 3.
- ⁶ *Смирнов Г. С.* Как не заблудиться в трёх соснах: возможен ли региональный ренессанс университетского образования? // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 4. С. 3.

АННОТАЦИИ И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Олейник О. Ю. О значении научного наследия В. С. Меметова // Интеллигенция и мир. 2021. № 1. С. 9—29.
ББК 63.1(2)64-8

В статье отмечается, что обстоятельное системное осмысление научных взглядов В. С. Меметова — одного из наиболее авторитетных исследователей интеллигенции — в должной мере еще не осуществлено. В рамках решения этой задачи предпринимается попытка рассмотреть некоторые стороны его научного творчества, отражающие вклад ученого в изучение интеллигенции. В основу позиции автора положены принципы историзма и научной объективности. В работе использованы историко-генетический, историко-биографический и статистический методы. Анализ проводится в контексте выделения основных этапов научной биографии В. С. Меметова. Дается обобщенная характеристика трудов ученого, относящихся к советскому периоду его исследований. Показывается, что они представляют собой важный результат изучения советской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны. Отмечается, что с 1990-х гг. происходит постепенное расширение научных интересов В. С. Меметова. Первоначально он активно развивает историко-культуроведческую традицию постижения судеб отечественной интеллигенции. С середины 1990-х гг. ученый выходит на «цивилизационные просторы» ее изучения, отдавая приоритет теоретико-методологическим аспектам. Раскрывается его роль в достижении новых рубежей, а также в рациональном сочетании традиций и новаций в этой сфере научного поиска. Дается оценка участия В. С. Меметова в создании институциональных механизмов интеллигентоведческих исследований. Подчеркивается, что он уделял пристальное внимание обеспечению связи советского и российского поколений историков интеллигенции. Характеризуется вклад ученого в разработку стратегии междисциплинарного интеллигентоведческого дискурса. В этом контексте анализируется ряд его ключевых идей. Делается вывод, что научное наследие В. С. Меметова стало одной из наиболее заметных вех в обозначении целой эпохи развития самопознания интеллигенции на рубеже XX и XXI веков. Оно внесло определяющую лепту в созидание организационных и концептуальных начал интеллигентоведения. Уже для нескольких поколений ученых взгляды В. С. Меметова являются

стимулом и теоретико-методологическим ориентиром научного познания прошлого, настоящего и возможного будущего интеллигенции.

Ключевые слова: В. С. Меметов, ученый, научное наследие, интеллигенция, интеллигентоведение, история интеллигенции, теория и методология изучения интеллигенции.

Библиографический список

- Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции: межвуз. респ. сб. науч. тр. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. 123 с.
- Данилов А. А., Меметов В. С.* Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. 173 с.
- За эти годы сложилось несколько поколений интеллигентоведов...: (интервью Е. М. Раскатовой с В. С. Меметовым) // *Интеллигенция и мир*. 2014. № 1. С. 9—29.
- Золотарев О. В.* Основатель интеллигентоведения // *Интеллигенция и мир*. 2020. № 1. С. 33—41.
- Зябликов А. В.* Человек слова и поступка // *Интеллигенция и мир*. 2020. № 1. С. 23—28.
- Изучение проблем интеллигенции в 1990-е годы: справочно-библиографический указатель / сост. О. Ю. Олейник. Иваново: Иван. гос. энергетич. ун-т, 2000. 203 с.
- Интеллигенция в политической истории XX века: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. С. Меметов.* Иваново: Иван. гос. ун-т, 1993. 112 с.
- Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные... и похожие: проблемы самоопределения и деятельности в XX — начале XXI века: коллективная монография / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов.* Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 199 с.
- Интеллигенция России: уроки истории и современность: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. С. Меметов.* Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. 146 с.
- Кнабе Г. С.* Перевернутая страница. М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 2002. 59 с.
- Кураев А. Н.* Место и роль интеллигентоведения в системе социальных и гуманитарных наук // *Власть*. 2018. № 4. С. 55—58.
- Межвузовские научные центры в интеллектуальном и образовательном пространстве постсоветской России (материалы круглого стола) // *Интеллигенция и мир*. 2014. № 1. С. 30—46.

- Меметов В. С.* Мобилизация московской городской партийной организацией сил интеллигенции в период битвы под Москвой: дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. 269 с.
- Меметов В. С.* Защищая Москву: Интеллигенция столицы в период битвы под Москвой. М.: Наука, 1979. 135 с.
- Меметов В. С.* Идеино-воспитательная работа КПСС среди художественной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Иваново, 1983. 468 с.
- Меметов В. С.* Партийное руководство деятельностью художественной интеллигенции в годы Великой Отечественной войны. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1985. 172 с.
- Меметов В. С.* К первым итогам становления «интеллигентоведения» как самостоятельной отрасли научного знания // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции: межвуз. респ. сб. науч. тр. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. С. 3—14.
- Меметов В. С.* О проблеме дефиниций: от понятия «интеллигенции» к «прединтеллигенции» (Постановка вопроса) // Интеллигенция, провинция, Отечество: проблемы истории, культуры, политики: тез. докл. межгос. науч.-теорет. конф., 24—25 сентября 1996 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1996. С. 4—7.
- Меметов В. С.* К дискуссии о времени появления и формирования российской интеллигенции // Некоторые современные вопросы анализа российской интеллигенции: межвуз. сб. науч. тр. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. С. 5—23.
- Меметов В. С.* О некоторых дискуссионных проблемах российского интеллигентоведения // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: тез. докл. Междунар. науч.-теор. конф., 23—25 сентября 1998 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 10—13.
- Меметов В. С.* Интеллигентоведение рубежа третьего тысячелетия: актуальные проблемы // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы: тез. докл. X Междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. Валерию Сергеевичу Меметову, 22—24 сентября 1999 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1999. С. 46—52.
- Меметов В. С.* Проблемы теории и методологии генезиса интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2007. № 4. С. 7—15.
- Меметов В. С.* О некоторых методологических подходах в изучении понятия «интеллигенция» в отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 7—26.
- Меметов В. С.* Отзыв официального оппонента на диссертацию Раскатовой Елены Михайловны «Советская власть и художественная интеллигенция в 1964—1985 гг.» // Интеллигенция и мир. 2011. № 2. С. 130—148.

- Меметов В. С.* Формирование и деятельность интеллигенции: закономерности и исторические особенности // Клио. 2011. № 5. С. 9—13.
- Меметов В. С.* Философия, интеллигенция и власть // Интеллигенция и мир. 2012. № 3. С. 149—155.
- Меметов В. С.* К итогам 25-летия МЦ и НИИ интеллигентоведения // Интеллигентоведение: теория, методология, и социокультурная практика: материалы XXV Междунар. науч.-теорет. конф., 25—27 сентября 2014 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. С. 6—9.
- Меметов В. С.* О понятийных и интеллектно-образующих связях в современном интеллигентоведении // Специфика социально-политической активности интеллигенции / интеллектуалов в современном мире: материалы XXVII Междунар. науч.-теорет. конф., 22—24 сентября 2016 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. С. 3—6.
- Меметов В. С.* О сущностных чертах интеллигенции в современном интеллигентоведении // Научно-теоретические и методологические основы изучения жизнедеятельности интеллигенции: материалы XXIX национальной науч.-теорет. конф. с международным участием, посвященной 100-летию создания Иваново-Вознесенского педагогического института, правопреемником которого является Ивановский государственный университет, 20—21 декабря 2018 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 4—6.
- Меметов В. С.* Российская интеллигенция и правящая элита: проблемы взаимодействия и взаимовлияния // Интеллигенция и интеллигентоведение в начале XXI века: результаты и перспективы: материалы 30-й Междунар. науч.-теорет. конф., посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, директора НИИ интеллигентоведения при ИВГУ В. С. Меметова (1939—2019 гг.), 26—27 сентября 2019 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 4—7.
- Меметов В. С., Кабанов А. Е.* Некоторые рассуждения о принципе историзма в современном интеллигентоведении // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы: тез. докл. X Междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. Валерию Сергеевичу Меметову, 22—24 сентября 1999 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1999. С. 161—163.
- Меметов В. С., Калинин А. К.* Рецензия на книгу: Соколов А. В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007 // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 86—88.
- Меметов В. С., Комиссаров В. В.* Советская интеллигенция в советской историографии: еще раз о проблеме дефиниций // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 70—79.

- Меметов В. С., Попов А. В.* О некоторых проблемах теории и методологии исследования интеллигенции, ее генезиса и формирования // Интеллигенция и мир. 2005. № 1—2. С. 3—13.
- Меметов В. С., Садина С. С.* Интеллигентоведение в российских вузах — требование времени // Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук: исследования и учебно-методические разработки / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. С. 16—41.
- Меметов В. С., Садина С. С.* Курс «Интеллигентоведение» // Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук: исследования и учебно-методические разработки / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. С. 195—205.
- Меметов В. С., Усманов С. М.* В лабиринтах техногенной цивилизации // Интеллигенция и мир. 2012. № 1. С. 108—113.
- Меметов В. С., Юркин Н. Г.* К вопросу о соотношении понятий «бюрократия» и «интеллигенция» в работах К. Маркса и Ф. Энгельса // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы: тез. докл. X Междунар. науч.-теорет. конф., посвящ. Валерию Сергеевичу Меметову, 22—24 сентября 1999 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1999. С. 163—166.
- Меметов В. С., Юркин Н. Г.* Листая страницы журнала... (Основные тенденции современного интеллигентоведения) // Интеллигенция и мир. 2013. С. 105—119.
- Некоторые современные вопросы анализа российской интеллигенции: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. 154 с.
- Олейник О. Ю., Меметов В. С.* Интеллигенция, эмиграция, отечество: проблема патриотизма в творческом наследии представителей российского зарубежья 20—30-х годов XX века. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. 242 с.
- Проблемы социально-политического развития российского общества: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. С. Меметов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1992. 135 с.
- Солодовниченко Л. Я., Шимельфениг О. В.* Комплексный феномен школы интеллигентоведения профессора В. С. Меметова // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 52—70.
- Соскин В. Л.* К оценке состояния современной историографии советской интеллигенции // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX в.: тез. докл. и сообщ. науч. конф., 19—20 марта 1996 г. СПб.: СПб. гос. ун-т, 1996. С. 3—6.

Балдин К. Е. Служебное положение медицинской интеллигенции Иваново-Вознесенска на рубеже XIX—XX в. // Интеллигенция и мир. 2021. № 1. С. 30—49.
ББК 63.3(2Рос-4Ива)53-283.2

В условиях пандемии, охватившей мир в настоящее время, усиливается интерес ученых к истории медицины в разные исторические эпохи. Не в меньшей степени актуальной становится такая тема, как роль врачей в жизни социума в различное время и в различных странах, в частности в дореволюционной России.

Цель статьи заключается в том, чтобы выявить и обобщить основные черты служебного положения медицинской интеллигенции на примере врачебного сообщества Иваново-Вознесенска — крупного промышленного города России на рубеже XIX—XX в. Цель реализуется через выполнение следующих задач: определить специальное образование, которое получала медицинская интеллигенция; проанализировать алгоритм и темпы чиновничьего производства врачей в дореволюционной России; охарактеризовать особенности службы медицинской интеллигенции в условиях войн; изучить наградную систему для врачей. Автор не затрагивает в своем исследовании чисто материальное положение медицинской интеллигенции, т. е. жалование, пенсии и т. п. В статье использовались специальные методы исторического исследования — историко-системный, историко-сравнительный и историко-биографический.

Врачи зависели от государства, будучи частично встроены в его бюрократическую машину. Степень этой зависимости была разной. Врачи казенного ведомства полностью от него зависели, в то время как положение городских и земских врачей выглядело более свободным, органы местного самоуправления обычно с пониманием относились к нуждам здравоохранения и чаще всего не скупились на оплату работы врачей. Фабрично-заводские врачи чувствовали себя не так свободно, т. к. зависели от капризов частных предпринимателей. Следует учесть, что врачи часто трудились сразу в нескольких местах, например, одновременно в городской больнице, в фабричном приемном покое и в каком-либо учебном заведении. К тому же во время войн большинство врачей, вне зависимости от своего служебного положения, считали себя мобилизованными и честно выполняли патриотический долг.

Ключевые слова: медицинская интеллигенция, российская провинция, высшее медицинское образование в России, фабричные врачи, земские и городские врачи, врачи казенного ведомства, «Табель о рангах», наградная система в Российской империи.

Библиографический список

- Государственная служба в России в XIX — нач. XX в. URL: <http://myl-ektsii.ru> (дата обращения: 14.05.2020).
- Ефремов Д. Д.* Краткий отчет за 25-летие Иваново-Вознесенского реального училища (1873—1898 гг.) Иваново-Вознесенск: [б. и.], 1898. 116 с.
- Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1871 года. Владимир: [б. и.], 1872. 92 с.
- Отчет по больнице для мастеровых и рабочих в г. Иваново-Вознесенске за 1910 г. с приложением кратких исторических сведений за 50 лет ее существования. Иваново-Вознесенск: [б. и.], 1911. 144 с.
- Отчет по Иваново-Вознесенской городской больнице имени Х. И. и Е. О. Куваевых за 1914 г. Иваново-Вознесенск: [б. и.], 1915. 64 с.
- Отчет по Иваново-Вознесенской городской больнице имени Х. И. и Е. О. Куваевых за 1915 г. Иваново-Вознесенск: [б. и.], 1916. 58 с.
- Памятники и мемориалы Иваново. URL: <http://ivanovograd.ru/memorials.htm> (дата обращения: 16.05.2020).

Эрлихсон И. М. Концепция гражданского правопорядка и свободы в поздней публицистике Г. Филдинга // Интеллигенция и мир. 2021. № 1. С. 50—68.
ББК 67.3(4Вел)513

Автор обращается к проблеме властных отношений в эпоху реформирования уголовного правосудия, презентуемой в исторических нарративах с учетом социально-культурного контекста и реалий Великобритании XVIII века. Противодействие преступности в указанный период носило бессистемный характер как в плане финансирования, так и в плане организации. Это обстоятельно вкупе с критическим настроем различных слоев британского общества относительно использования милитаризированных сил для поддержания гражданского правопорядка снижали эффективность правоохранительных механизмов и соответственно приводили к беспрецедентному росту преступности, ставшему популярным направлением общественного дискурса.

Предметом анализа является интеллектуальное наследие Генри Филдинга, датируемое рубежом 1740—50 гг., когда выдающийся драматург и романист занимал должность мирового судьи Вестминстера и Мидлсекса. Уникальность положения Г. Филдинга в том, что богатый опыт работы в области политической журналистики и юриспруденции

позволил ему не просто бороться с лондонской преступностью, а разрабатывать идейно-концептуальные основы британской правоохранительной практики.

Применение специальных исторических и источниковедческих методов (биографический, исторический синтез, дискурсивный анализ, интерпретация текстов и источников) к малоизученным в отечественной историографии трактатам Г. Филдинга («Обращение к Большому жюри», «Истинное состояние дела Босаверна Пенлеза», «Исследование причин участвовавших преступлений») позволило прийти к следующему заключению. Выступая с позиции апологета британской конституции, Г. Филдинг полагал, что именно государство является гарантом гражданского правопорядка и аргументировал необходимость создания государственной структуры, обладающей монополией на осуществление функций по контролю за преступностью.

Ключевые слова: Г. Филдинг, Д. Филдинг, Великобритания, XVIII век, Цицерон, свобода, преступность, мировой судья, полиция.

Библиографический список

- Барсуков А. Ю.* Циклическая динамика преступности сквозь призму циклов правового и экономического развития // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3. С. 251—255.
- Роджерс П.* Генри Филдинг. Биография / пер. с англ. В. А. Харитоновна. М.: Радуга, 1984. 208 с.
- Филдинг Г.* Избранные сочинения / пер. с англ. В. А. Харитоновна. М.: Художественная литература, 1989. 688 с.
- Browning R.* Political and Constitutional Ideas of the Court Whigs. Baton Rouge; L.: Louisiana State University Press, 1982. 281 p.
- Fielding H.* An Enquiry Into the Causes of the Late Increase of Robbers etc. with Some Proposals for Remedying this Growing Evil. L. Printed for A. Millar, opposite to Katharine-street, in the Strand, 1751. 232 p.
- Fielding H.* An Enquiry Into the Causes of the Late Increase of Robberies and other robberies / ed. by M. R. Zirher. Oxford: Clarendon Press, 1988. 340 p.
- Godde M. G.* Henry Fielding. A memoir including newly discovered letters and records with illustrations from contemporary prints. L.: S. Low, Marston & co. ltd., 1910. 422 p.
- Hanway J.* The Citizen's Monitor: shewing the necessity of a salutary police, executed by resolute and judicious magistrates, assisted by the pious labours of zealous clergymen, for the preservation of the lives and properties

- of the people, and the happy existence of the state. L.: [б. и.], 1780. 362 p.
- Lawrence F.* The life of Henry Fielding with notices of his writings, his times and his contemporaries. L.: A. Hall, Virtue & co, 1855. 402 p.
- Moral Panics, Social Fears, and the Media: Historical Perspectives / ed. S. Nicholas, T. O'Malley. N. Y.: Routledge, 2013. 282 p.
- Rogers N.* The Press Gang: Naval Impressment and Its Opponents in Georgian Britain. N. Y.: Continuum, 2007. 184 p.
- Snell E.* Discourses of criminality in the eighteenth-century press: The presentation of crime in The Kentish Post, 1717—1768 // Continuity and Change. 2007. № 22. P. 13—47.
- Voogde de P. J.* Henry Fielding and William Hogarth. The correspondence of the arts. Amsterdam: Rodopi, 1981. 196 p.
- Ward R.* Print, culture, crime and justice in 18th century London. L.: Bloomsbury Academic, 2014. 336 p.

Вязинкин А. Ю. «Демократический реализм» Уолтера Липпмана // Интеллигенция и мир. 2021. № 1. С. 69—81.
ББК 66.1(7Coe)6-8

В статье предпринята попытка реконструкции становления мировоззрения американского политического мыслителя Уолтера Липпмана на этапе формирования концепции, получившей название «демократический реализм». Автор исследует различные аспекты «демократического реализма» Липпмана. Во-первых, дается анализ теоретического обоснования мыслителем идеи ограниченной демократии. Полемическая позиция философа Джона Дьюи в отношении «демократического реализма» четче представляет критическую позицию Липпмана в отношении базовых основ классической демократии. Автор статьи приходит к выводу о том, что в основе «демократического реализма» Липпмана лежит скептическое отношение мыслителя к природе человека. Во-вторых, анализируется влияние элитологических теорий И. Бэббитта, Дж. Сантаяны, Р. Михельса и Г. Моска на становление и развитие «демократического реализма» Липпмана, особенно на его концепцию экспертократии. В этом вопросе Липпман, несмотря на риск уклонения в авторитаризм, чего не избежали некоторые классики элитологии, остался верным политической традиции США, ориентирующейся на неизбежность экономической свободы личности, на защиту свободных рыночных отношений.

Автор делает вывод о том, что «демократический реализм» Липпмана представлял собой концепцию рационализации демократического политического процесса, опирающегося на авторитет интеллектуалов и экспертов, на принципы иерархии и порядка, при сохранении свободы личности, и выступающего против коллективизма, идеализма и радикализма в политике.

Ключевые слова: Уолтер Липпман, Джон Дьюи, «демократический реализм», консерватизм, неолиберализм, элитизм.

Библиографический список

- Баталов Э. Я.* Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 622 с.
- Дьюи Д.* Общество и его проблемы / пер. с англ. И. И. Мюрберга, А. Б. Толстова, Е. Н. Косиловой. М.: Идея-Пресс, 2002. 160 с.
- Дьюи Д.* Реконструкция в философии. Проблемы человека / пер. с англ., послесл. и примеч. Л. Е. Павловой. М.: Республика, 2003. 494 с.
- Липпман У.* Публичная философия / пер. с англ. И. И. Мюрберга. М.: Идея-Пресс, 2004. 160 с.
- Липпман У.* Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 382 с.
- Лэйш К.* Восстание элит и предательство демократии / пер. с англ. Дж. Смити, К. Голубович. М.: Логос, Прогресс, 2002. 224 с.
- Моска Г.* Правящий класс / пер. с англ. Т. Н. Самсоновой // Социс. 1994. № 10. С. 187—198.
- Ослон А.* Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» / пер. с англ. Т. В. Барчуновой // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 125—141.
- Печатнов В. О.* Уолтер Липпман и пути Америки. М.: Международные отношения, 1994. 336 с.
- Фрумкина Р.* Уолтер Липпман: свободный коллективизм! // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 123—124.
- Adams L. L.* Walter Lippmann. Boston: Twayne Publishers, 1977. 229 p.
- Babbitt I.* Literature and the American College. Washington, DC: National Humanities Institute, 1986. 216 p.
- Chomsky N.* Hegemony or Survival. America's quest for global dominance. N. Y.: Henry Holt, 2004. 301 p.
- Dessi G.* Lippmann and Santayana // Limbo. 2014. № 34. P. 31—45.
- Diggins J. P.* From Pragmatism to Natural Law: Walter Lippmann's Quest for Legitimacy // Political Theory. 1991. Vol. 19. № 4. P. 519—538.

- Goodwin C. D. Walter Lippmann: Public Economist.* Cambridge: Harvard University Press, 2014. 424 p.
- Michels R. Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy.* N. Y.: The Free Press, 1962. 379 p.
- Stanley W. B. Social Studies and the Social Order: Transmission or Transformation? // Social Education.* 2005. Vol. 69. № 5. P. 282—286.
- Steel R. Walter Lippmann and the American Century.* New Brunswick: Transaction Publishers, 1999. 689 p.
- The Papers of Thomas Jefferson / ed. J. P. Boyd. Vol. 2. 1777 to 18 June 1779. Princeton: Princeton University Press, 1950. 696 p.

Дударенок С. М. Нетрадиционные религии и дальневосточная интеллигенция в 1990-е годы // *Интеллигенция и мир.* 2021. № 1. С. 82—102.
ББК 63.3(2)64-283.2

Последнее десятилетие XX в. послужило началом глубоких перемен в идеологических ориентациях и мировоззренческих представлениях россиян. В 1990-е годы существенно изменилось отношение к религии, к её месту в повседневной и общественной жизни. Возрождение религиозно-церковных традиций перестало восприниматься как необычное, удивительное и настораживающее явление. Религиозный фактор стал настолько активен и влиятелен, что его игнорирование стало практически невозможным.

Целью статьи является попытка выявить роль нетрадиционных религий в идеологических ориентациях и мировоззренческих представлениях дальневосточной интеллигенции в 1990-е годы. Источниковая база исследования состоит из двух равноправных частей: полевого дневника автора, составленного на основе включенного наблюдения мероприятий, проводимых представителями нетрадиционных религий, встреч с миссионерами, посещения религиозных общин нетрадиционных религий как индивидуально, так и со студентами ДВГУ в период с 1989 по 1996 годы и личного архива автора; вторая часть источников — публикации в СМИ, внутренняя литература нетрадиционных религий, материалы текущих архивов отделов по связям с общественными и религиозными организациями администраций Дальневосточного федерального округа.

Методология, избранная автором для настоящего исследования, включает в себя компаративный анализ, предполагающий выделение наиболее существенных проблем в отношениях «религия-интеллигенция»;

выявление объективных и субъективных причин роста интереса дальневосточной интеллигенции к нетрадиционным религиям в начале 1990-х годов и падение этого интереса после принятия ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997 г.)

Распространение в России нетрадиционных религий отечественного и иностранного происхождения – результат резких и глубоких социокультурных изменений конца 1980-х — начала 1990-х годов, которые породили чувство пессимизма, бесперспективности жизни, психологическое ощущение хрупкости окружающего мира. Наиболее остро это почувствовала молодежь и интеллигенция, перед которой остро встал вопрос поиска «новых основ» своего индивидуального существования.

Богоискательский бум, захвативший в начале 1990-х годов тысячи дальневосточников, первоначально был направлен на поиски основ своего индивидуального существования и «истинной» веры в существующих православных общинах. Именно неспособность их в начале 1990-х годов удовлетворить «духовные потребности» богоискателей привела к тому, что определенная часть дальневосточной интеллигенции и студенчества стала искать опору своему индивидуальному существованию в различных псевдорелигиозных группах и нетрадиционных религиях, вероучения которых после принятия Закона «О свободе вероисповедания» (1990 г.) и «открытия» Владивостока стали активно распространяться на территории Дальнего Востока миссионерами сопредельных стран.

Автор приходит к выводу, что падение интереса к нетрадиционным религиям в среде дальневосточной интеллигенции связано с процессом самоопределения, поиска интеллигенцией «новых» основ индивидуального существования. К концу 1990-х годов процесс религиозной самоидентификации практически закончился. В мировоззрении дальневосточной интеллигенции стала преобладать культурно-национально-религиозная самоидентификация, даже неверующие самоопределяли себя как православных, как носителей культурной традиции русского народа.

Ключевые слова: нетрадиционные религии, новые религиозные движения, интеллигенция, студенчество, Дальний Восток России, миссионеры.

Библиографический список

- Балагушкин Е. Г.* Нетрадиционные религии в современной России. Морфологический анализ. М.: ИФ РАН, 1999. Ч. 1. 241 с.
- Баркер А.* Новые религиозные движения. Практическое введение. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1997. 282 с.

- Владимиров Д. А., Лапин Н. Н.* Церковь Объединения и ее деятельность в Приморье // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2001. Вып. 4. Этнические контакты. С. 392—398.
- Голобокова Я. А.* Движение «Фалуныгун». Взгляд со стороны. Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2011. 154 с.
- Дударенко С. М.* Нетрадиционные религии на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток: Дальневосточ. ун-т, 2004. 532 с.
- Дударенко С. М.* Религия, церковь, верующие на российском Дальнем Востоке в конце XIX—XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2015. Вып. 50. С. 368—397.
- Ла Вей А. Ш.* Сатанинская библия = The Satanic Bible. М.: Unholy Words, Inc., 1996. 272 с.
- Павлихина А. Н.* Конфессиональная ситуация в Амурской области на современном этапе // Межконфессиональные отношения на Дальнем Востоке России на рубеже тысячелетий. Владивосток: Дальневосточ. ун-т, 2002. С. 18—24.
- Последний Завет. СПб.: Церковь Последнего Завета, 1996. 527 с.
- Трофимчук Н. А.* Новые религиозные движения: Понятия, критерии // Религия и политика в современной России: сб. ст. / под ред. Н. А. Трофимчука. М.: РАГС, 1997. С. 57—65.
- Хаббард Л. Р.* Дорога к счастью. [б. м.], 1992. 324 с.

Игнатъева Е. А., Шматов М. Ю. Образы социально-политических преобразований в СССР в зарубежной эмигрантской прессе (1929 — конец 1930-х гг.) // Интеллигенция и мир. 2021. № 1. С. 103—122.
ББК 63.3(2)

Статья посвящена анализу материалов эмигрантской периодической печати межвоенного периода, посвящённых политическим преобразованиям в СССР. В центре исследования — проблема эмигрантских образов СССР, его народа, интеллигенции, возможностей коммуникации зарубежья с ними для влияния на судьбу страны. Пресса анализируется как социальный институт и инструмент формирования информационной картины и мировоззренческих установок. Для анализа массовых источников периодической печати (в первую очередь, информационных и публицистических материалов) применяются методы контент-, дискурс- и интент-анализа, позволяющие изучить содержание, тематические особенности текстов и практические цели их создания. Изучены взгляды социалистических, либеральных, консервативных эмигрантских

авторов на «узловые» события в процессе становления социально-политической модели сталинизма: «Великий перелом» и массовые политические кампании второй половины 1930-х гг. Сделаны выводы о тесной взаимосвязи личного опыта и политико-мировоззренческих позиций авторов с формируемой ими картиной событий. Установлен значительный интерес эмигрантской интеллигенции к судьбам интеллигенции советской при существенном плюрализме взглядов на миссию интеллигенции в СССР: от участия в конструктивных преобразованиях до сервильного взаимодействия с тоталитарным режимом.

Ключевые слова: эмиграция, периодическая печать, пресса, СМИ, интеллигенция, образы, контент-, дискурс- и интент-анализ.

Библиографический список

- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2015. 238 с.
- Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / пер. с англ. А. В. Бардина. М.: РОССПЭН, 2010. 366 с.
- Гетти А.* Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция / пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2016. 374 с.
- Грегори П.* Политическая экономия сталинизма / пер. с англ. И. Кузнецова, А. Маркевича. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 398 с.
- Данилов В. П.* Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861—2001) // Россия в XX веке: Реформы и революции: в 2 т. М.: Наука, 2002. Т. 1. С. 20—37.
- Деррида Ж.* О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
- Дэвид-Фокс М.* Пересекая границы: модернизм, идеология и культура в России и Советском Союзе / пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 464 с.
- Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М.: Интерпракс, 1994. 267 с.
- Малия М.* Советская трагедия: История социализма в России. 1917—1991 / пер. с англ. А. В. Юрасовского и А. В. Юрасовской. М.: РОССПЭН, 2002. 580 с.
- Малыхин К. Г.* «Великий перелом» начала 1930-х гг. в СССР и Российская социал-демократия: оценки и прогнозы // Новое прошлое. 2017. № 2. С. 151—164.

- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс / пер. с исп. А. Гелескул. М.: АСТ, 2002. 509 с.
- Полян П. М.* Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и её регионы в XX веке: территория — расселение — миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 493—519.
- Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, Ваклер, 2001. 656 с.
- Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918—1939: документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т. 3: 1930—1934 гг. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2003. 864 с.
- Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание, 1927—1939 гг.: документы и материалы: в 5 т. / ред. совет: В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола и др. Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930 г. / сост. Н. Ивницкий и др. М.: РОССПЭН, 2000. 925 с.
- Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2001. 421 с.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 332 с.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 2019. 383 с.
- Хейфец М.* «Социалистический вестник» и «социалистическая» страна // Евреи в культуре русского зарубежья: сб. ст., публикаций, мемуаров и эссе / сост. М. Пархомовский. Иерусалим: [б. и.], 1992. Вып. 1. С. 203—218.
- Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.
- Хоффман Д.* Возращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914—1939 / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 464 с.
- Filtzer D.* Stalinism and the Working Class in the 1930s // Politics, Society and Stalinism / ed. J. Channon. L.: The School of Slavonic and East European studies, 1998. P. 163—184.
- Timasheff N.* The Great Retreat. N. Y.: Dutton, 1946. 470 p.
- Velikanova O.* Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton: Palgrave Macmillan, 2018. 260 p.

Смирнов Г. С. «Глобальный профессор» в зеркале методологического супрематизма: русская репрезентация. Рец. на кн.: Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. / пер. с нем. К. Левинсона; пер. с польск. Д. Добровольского; под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 386 с. // Интеллигенция и мир. 2021. № 1. С. 123—131. ББК 74.483

Зафиксирована амбивалентность жанра «размышления над книгой» (по следам прочитанного), в котором плюсы и минусы притягиваются. Отмечены его минусы, связанные с тем, что «нельзя объять необъятное», невозможно рассказать о том, что конкретно сказано каждым автором в коллективной монографии (вместе с тем, это может сподвигнуть читателя самому познакомиться с книгой). Определены его плюсы, проявляющиеся в том, что на «конкретно-историческую» книгу всегда хочется «посмотреть метафизически», из актуальной современности (а это вызывает у читателя потребность поспорить, выстроить «другую концептуальность»).

Основной посыл «размышления над книгой» связан с тем, что университетский русский профессор всегда находится в тисках между состоянием интеллигенции и интеллектуала, в нем происходит бореение за идентичность, попытка выйти из уже сложившихся исторических стандартов. Показано, что синергетическая методологическая парадигма и постнеклассическая картина образовательной (ноосферной) реальности пронизывают мозаичное повествование, подспудно выстраивающее профессорскую вселенную. Сделан вывод, что профессор оказался не только знаниевым пространством, но и информационным полем, для которого неадекватна участь запрограммированного извне «компьютера-процессора», поскольку он всегда предстаёт как «профессор-процессор» опережающего отражения. Раскрыт потенциал книги о сословии русских профессоров, который нацеливает не только на историческое понимание, но и фундаментальное переосмысление в целом миссии ученого сообщества в реформировании России и, одновременно, ставит вопрос об обретении современным «сословием русских профессоров» глобальной позитивной идентичности для выживания в нарождающемся информационном (а, фактически, ноосферном) человечестве.

Ключевые слова: университетская история, интеллигенция, интеллектуалы, русский профессор, «сословие», универсальный эволюционизм, методологический супрематизм, «профессор-процессор», синергетическая парадигма духовной жизни.

Библиографический список

Галимов Э. М. Об академике В. И. Вернадском (к 150-летию со дня рождения). М.: Наука, 2013. 230 с.

Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллект. моногр. / пер. с нем. К. Левинсона; пер. с польск. Д. Добровольского; под ред. Е. А. Вишленковой, И. М. Савельевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 386 с.

Евсеев В. А. Джакомо Соранцо — профессиональный дипломат эпохи раннего Нового времени: Рец. на кн.: Третьякова М. В. Дипломатическая деятельность венецианского нобилиа XVI века Джакомо Соранцо. Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2018. 402 с. // Интеллигенция и мир. 2021. № 1. С. 132—139. ББК 63.3(4Ита-9)-64-8

Рецензия посвящена книге М. В. Третьяковой «Дипломатическая деятельность венецианского нобилиа XVI века Джакомо Соранцо». История Венецианской республики XVI в. предполагает рассмотрение широкого круга вопросов. Один из них — дипломатическая деятельность венецианского нобилитета в XVI в. В первой главе дается представление о внешней политике Венеции во второй половине XVI века. Во второй главе рассматриваются особенности венецианской дипломатической службы. Следующая глава посвящена дипломатии как сфере деятельности венецианского нобилитета. В этой же главе дается краткая история клана Соранцо. Эти три главы подводят к основной задаче исследования, которая рассматривается в четвертой главе. В этой главе М. В. Третьякова на основе анализа отчетов Джакомо Соранцо рассказывает о его деятельности в качестве ординарного посла при дворах европейских государей: в Англии, Франции, Германии и при папском престоле в Риме. Отдельно автор рецензируемой книги останавливается на рассмотрении двух экстраординарных дипломатических миссий Джакомо Соранцо в Константинополь, которые были связаны с событиями при дворе турецкого султана. В заключении автор приходит к вполне справедливому выводу о том, что Джакомо Соранцо был профессиональным дипломатом и типичным представителем венецианского нобилитета.

Ключевые слова: Джакомо Соранцо, венецианский нобиль, XVI век, особенности венецианской дипломатической службы.

Библиографический список

- Третьякова М. В.* Франческо Соранцо — венецианский патриций XVI века // Человек XVI столетия. М., 2000. С. 35—47.
- Третьякова М. В.* Франческо Соранцо как представитель венецианской дипломатии. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2011. 173 с.
- Третьякова М. В.* Дипломатическая деятельность венецианского нобиля XVI века Джакомо Соранцо. Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2018. 402 с.

Смирнов Д. Г. Всероссийская научная конференция с международным участием «Российский региональный университет: информатизация, цифровизация, гуманизация», Иваново, 11—12 декабря 2020 г. // Интеллигенция и мир. 2021. № 1. С. 140—154.
ББК 74.480

В материале представлен обзор Всероссийской научной конференции с международным участием «Российский региональный университет: информатизация, цифровизация, гуманизация», прошедшей 11—12 декабря 2020 года в Ивановском государственном университете. Определено место конференции в интеллектуальной истории университета, зафиксирована содержательная преемственность с предшествующими научными мероприятиями. Описано формальное измерение научного мероприятия — численный состав, география, междисциплинарная составляющая. Раскрыта «структура» конференции, очерчена предметная область ее компонентов. Показана взаимосвязь мероприятий конференции, обозначен ее концепт как системообразующее свойство. Обобщена информация по включенным в программу конференции секциям, дискуссиям, круглым столам. Представлены *ideas grata*, или избранные идеи, обусловившие актуальность и новизну проблем и вопросов, поднятых на конференции, которые вполне могут рассматриваться как закладные камни не только новой парадигмы университетского конструирования, но и новой политики в сфере высшего образования. Отражен интердискурсивный характер постановки и решения вопросов, касающихся регионального высшего образования. Зафиксирована ноосферная ориентация университетского моделирования и конструирования в рамках научно-образовательного сообщества, когда региональный университет предстает как институциональное выражение интеллектуальной истории региона и страны в целом. Сформулированы рекомендации

по совершенствованию трансформационной модели регионального высшего образования, которая мыслится как залог устойчивости территории — месторазвития человеческого качества. Решения конференции, обсужденные на экспертной сессии, представлены в виде императивов-рекомендаций федеральным и региональным властным структурам. Сделан вывод о необходимости перманентной «диагностики» системы высшего (в том числе и регионального) образования в рамках политически неангажированного осмысления трансформационных реалий — информатизации, цифровизации, гуманизации, консьюмеризации, дистанцизации.

Ключевые слова: региональный университет, информатизация, цифровизация, гуманизация, пределы роста, университетское строительство, экстремальное образование, цифровая деменция, человеческое качество, университетская коллаборация, экологический университет, ноосферный университет.

Библиографический список

- Смирнов Г. С.* Первый иваново-вознесенский философ (к столетию профессора Николая Павловича Антонова) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 2. С. 3—8.
- Смирнов Г. С.* Этажи регионального высшего образования // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 3. С. 3.
- Смирнов Г. С.* Как не заблудиться в трёх соснах: возможен ли региональный ренессанс университетского образования? // Ноосферные исследования. 2020. Вып. 4. С. 3.

ANNOTATIONS AND MATERIALS FOR CITING

Oleynik O. Yu. On the significance of V. S. Memetov's scientific heritage, *Intelligentsia and the World*. 2021, no. 1, pp. 9—29.

It is noted that a thorough systemic reflection on the scholarly views of V. S. Memetov, one of the most distinguished representatives of intelligentsia studies, has not been properly conducted yet. In the context of this problem, an attempt is made to consider his scientific work in some of its aspects that reflect the scholar's contribution to intelligentsia studies. The author's perspective is based on the principles of historicism and scientific objectivity. The paper uses the historical-genetic method, the historical-biographical method and the statistical method. The analysis is done in the context of identifying the main stages of V. S. Memetov's academic biography. A generalized description of the scholar's papers pertaining to the Soviet period of his studies is given. It is indicated that these papers represent an important result of studying the Soviet intelligentsia during the Great Patriotic War. It is noted that since the 1990s, V. S. Memetov's academic interests have been gradually expanding. Initially, he actively develops the historical and culturological tradition of comprehending the lives of the Russian intelligentsia. Since the mid-1990s, the scholar enters the «wide civilizational spaces» in intelligentsia studies, focusing on the theoretical and methodological aspects. His role in reaching new milestones as well as in rationally combining the traditions and innovations in this area of scientific research is explained. V. S. Memetov's contribution to the establishment of institutional mechanisms for intelligentsia research is assessed. It is emphasized that he placed a great focus on facilitating communication between the Soviet and Russian generations of intelligentsia historians. The scholar's contribution to the development of the strategy for the interdisciplinary intelligentsia studies discourse is described. In this context, a number of his core ideas are analyzed. It is concluded that V. S. Memetov's scientific heritage was one of the most notable milestones in identifying an entire era of intelligentsia's self-discovery development at the turn of the 20th and 21st centuries. It has made a decisive contribution to the creation of the institutional and conceptual foundations of intelligentsia studies. For several generations of scientists, V. S. Memetov's views have been a motivation, a theoretical and methodological reference point in scientific cognition of intelligentsia's past, present and future.

Keywords: V. S. Memetov, scholar, scientific heritage, intelligentsia, intelligentsia studies, history of intelligentsia, theory and methodology of intelligentsia studies.

References

- Aktual'nye problemy istoriografii otechestvennoi intelligentsii: mezhvuzovskii respublikanskii sbornik nauchnykh trudov* (1996) [Current problems of the historiography of the Russian intelligentsia: interuniversity republican collection of scientific papers], V. S. Memetov (ed.), Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Danilov, A. A., Memetov, V. S. (1997) *Intelligentsiia provintsii v istorii i kul'ture Rossii* [Provincial intelligentsia in the history and culture of Russia], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Intelligentsiia i intellektualy — takie raznye... i pokhozhie: problemy samoopredeleniia i deiatel'nosti v XX — nachale XXI veka: kollektivnaia monografiia* (2016) [The intelligentsia and intellectuals are so different ... and similar: problems of self-determination and activity in the XX — early XXI century: collective monograph], V. S. Memetov, V. L. Chernoperov (ed.), Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Intelligentsiia Rossii: uroki istorii i sovremennost'*: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov (1996) [The intelligentsia of Russia: lessons of history and the present: interuniversity collection of scientific papers], V. S. Memetov (ed.), Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Intelligentsiia v politicheskoi istorii XX veka: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* (1993) [Intelligentsia in the political history of the 20th century: interuniversity collection of scientific papers], V. S. Memetov (ed.), Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Izuchenie problem intelligentsii v 1990-e gody: spravocno-bibliograficheskii ukazatel'* (2000) [Study of the problems of the intelligentsia in the 1990s: reference and bibliographic index], sostavitel' O. Iu. Oleinik [O. Yu. Oleinik], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi energeticheskii universitet.
- Knabe, G. S. (2002) *Perevernutaia stranitsa* [Flipped page], Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.
- Kuraev, A. N. (2018) Mesto i rol' intelligentovedeniia v sisteme sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk [The place and role of intellectual studies in the system of social and humanitarian sciences], *Vlast'* [Power], no. 4, pp. 55—58.

- Memetov, V. S. (1971) *Mobilizatsiia moskovskoi gorodskoi partiinoi organizatsiei sil intelligentsii v period bitvy pod Moskvoi*: dissertatsiia kandidata istoricheskikh nauk [Mobilization of the intelligentsia by the Moscow city party organization during the battle of Moscow: dissertation of the candidate of historical sciences], Moscow.
- Memetov, V. S. (1979) *Zashchishchaia Moskvu: Intelligentsiia stolitsy v period bitvy pod Moskvoi* [Defending Moscow: Moscow intelligentsia during the battle of Moscow], Moscow: Nauka.
- Memetov, V. S. (1983) *Ideino-vospitatel'naia rabota KPSS sredi khudozhestvennoi intelligentsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941—1945 gg.)*: dissertatsiia doktora istoricheskikh nauk [Ideological and educational work of the CPSU among the artistic intelligentsia during the Great Patriotic War (1941—1945): dissertation of doctor of historical sciences], Ivanovo.
- Memetov, V. S. (1985) *Partiinoe rukovodstvo deiatel'nost'iu hudozhestvennoi intelligentsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Party leadership of the artistic intelligentsia during the Great Patriotic War], Voronezh: Voronezhskii universitet.
- Memetov, V. S. (1996) K pervym itogam stanovleniia “intelligentovedeniia” kak samostoiatelnoi otrasli nauchnogo znaniia [On the first results of the formation of “intellectual studies” as an independent branch of scientific knowledge], *Aktual'nye problemy istoriografii otechestvennoi intelligentsii* [Current problems of the historiography of the Russian intelligentsia]: mezhvuzovskii respublikanskii sbornik nauchnykh trudov, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 3—14.
- Memetov, V. S. (1996) O probleme definitsii: ot poniatiiia “intelligentsia” k “predintelligentsii” (Postanovka voprosa) [On the problem of definitions: from the concept of “intelligentsia” to “pre-intelligentsia” (Statement of the question)], *Intelligentsiia, provintsiiia, Otechestvo: problemy istorii, kul'tury, politiki* [Intellectuals, provinces, Fatherland: problems of history, culture, politics]: tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, 24—25 sentiabria 1996 g., Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 4—7.
- Memetov, V. S. (1997) K diskussii o vremeni poiavleniia i formirovaniia rossiiskoi intelligentsii [To a discussion about the time of the appearance and formation of the Russian intelligentsia], *Nekotorye sovremennnye voprosy analiza rossiiskoi intelligentsia* [Some contemporary issues in the analysis of the Russian intelligentsia]: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 5—23.
- Memetov, V. S. (1998) O nekotorykh diskussionnykh problemakh rossiiskogo intelligentovedeniia [On some controversial problems of Russian

- intellectual studies], *Nravstvennyi imperativ intelligentsii: proshloe, nastoiashchee, budushchee* [The moral imperative of the intelligentsia: past, present, future]: tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, 23—25 sentiabria 1998 g., Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 10—13.
- Memetov, V. S. (1999) Intelligentovedenie rubezha tret'ego tysiacheletia: aktual'nye problemy [Intelligence studies at the turn of the third millennium: actual problems], *Intelligent i intelligentovedenie na rubezhe XXI veka: itogi proidennogo puti i perspektivy* [Intellectual and intellectual studies at the turn of the XXI century: the results of the traversed path and prospects]: tezisy dokladov X mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, posviashchennoi Valeriyu Sergeevichu Memetovu. 22—24 sentiabria 1999 g., Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, pp. 46—52.
- Memetov, V. S. (2007) Problemy teorii i metodologii genezisa intelligentsii [Problems of the theory and methodology of the genesis of the intelligentsia], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4, pp. 7—15.
- Memetov, V. S. (2008) O nekotorykh metodologicheskikh podkhodakh v izuchenii poniatiia “intelligentsiya” v otechestvennoi istoriografii [On some methodological approaches to the study of the concept of “intelligentsia” in Russian historiography], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2, pp. 7—26.
- Memetov, V. S. (2011) Otzyv ofitsial'nogo opponenta na dissertatsiiu Raskatovoi Eleny Mikhailovny “Sovetskaia vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia v 1964—1985 gg.” [Review of the official opponent on the dissertation of Elena Mikhailovna Raskatova “Soviet power and the artistic intelligentsia in 1964—1985”], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2, pp. 130—148.
- Memetov, V. S. (2011) Formirovanie i deiatel'nost' intelligentsii: zakonomernosti i istoricheskie osobennosti [Formation and activity of the intelligentsia: patterns and historical features], *Klio* [Clio], no. 5, pp. 9—13.
- Memetov, V. S. (2012) Filosofii, intelligentsiia i vlast' [Philosophy, intelligentsia and power], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3, pp. 149—155.
- Memetov, V. S. (2014) K itogam 25-letia MC i NII intelligentovedeniia [By the results of the 25th anniversary of the MC and Research Institute of Intelligence Studies], *Intelligentovedenie: teoriia, metodologiia, i sotsiokul'turnaia praktika* [Intelligence studies: theory, methodology, and sociocultural practice]: materialy XXV mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, 25—27 sentiabria 2014 g., Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 6—9.

- Memetov, V. S. (2016) O ponyatiinykh i intellektno-obrazuiushchikh svyaziakh v sovremennom intelligentovedenii [Conceptual and Intelligently Formative Relationships in Modern Intelligence Studies], *Spetsifika sotsial'no-politicheskoi aktivnosti intelligentsii, intelektualov v sovremennom mire* [Specificity of the socio-political activity of the intelligentsia / intellectuals in the modern world]: materialy XXVII mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, 22—24 sentiabria 2016 g., Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 3—6.
- Memetov, V. S. (2018) O sushchnostnykh chertakh intelligentsii v sovremennom intelligentovedenii [On the essential features of the intelligentsia in modern intellectual studies], *Nauchno-teoreticheskie i metodologicheskie osnovy izucheniia zhiznedeiatel'nosti intelligentsia* [Scientific, theoretical and methodological foundations for the study of the life of the intelligentsia]: materialy XXIX natsional'noi nauchno-teoreticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 100-letiiu sozdaniia Ivanovo-Voznesenskogo pedagogicheskogo instituta, pravopremnikom kotorogo iavliaetsia Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, 20—21 dekabria 2018 g., Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 4—6.
- Memetov, V. S. (2019) Rossiiskai intelligentsiia i praviashchaia elita: problemy vzaimodeistviia i vzaimovliianiia [Russian intelligentsia and the ruling elite: problems of interaction and mutual influence], *Intelligentsiia i intelligentovedenie v nachale XXI veka: rezul'taty i perspektivy* [Intelligentsia and intellectual studies at the beginning of the XXI century: results and prospects]: materialy 30-i mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, posviashchennoi pamiati doktora istoricheskikh nauk, professora, direktora NII intelligentovedeniia pri IvGU V. S. Memetova (1939—2019 gg.), Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennii universitet, pp. 4—7.
- Memetov, V. S., Kabanov, A. E. [Kabanov, A. Ye.] (1999) Nekotorye rassuzhdeniia o printsipe istorizma v sovremennom intelligentovedenii [Some reasoning about the principle of historicism in modern intellectual studies], *Intelligent i intelligentovedenie na rubezhe XXI veka: itogi proidennogo puti i perspektivy* [Intellectual and intellectual studies at the turn of the XXI century: the results of the traversed path and prospects]: tezisy dokladov X mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, posviashchennoi Valeriiu Sergeevichu Memetovu, 22—24 sentiabria 1999 g., Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 161—163.
- Memetov, V. S., Kalinin, A. K. (2010) Retsenziia na knigu: Sokolov A. V. *Intelligenty i intellektualy v rossiiskoi istorii*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo Gumanitarnogo universiteta profsoiuzov,

- 2007 [Review to: Sokolov A. V. *Intelligents and Intellectuals in Russian History*], *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia: gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin, series: Humanities], iss. 4, pp. 86—88.
- Memetov, V. S., Komissarov, V. V. (2014) *Sovetskaia intelligentsiia v sovetsoi istoriografii: eshche raz o probleme definitsii* [Soviet intelligentsia in Soviet historiography: once again on the problem of definitions], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 70—79.
- Memetov, V. S., Popov, A. V. (2005) *O nekotorykh problemakh teorii i metodologii issledovaniia intelligentsii, ee genezisa i formirovaniia* [On some problems of the theory and methodology of the study of the intelligentsia, its genesis and formation], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1—2, pp. 3—13.
- Memetov, V. S., Sadina, S. S. (2008) *Intelligentovedenie v rossiiskikh vuzakh — trebovanie vremeni* [Intelligence studies in Russian universities — a requirement of the times], *Intelligentovedenie v sisteme gumanitarnykh nauk, issledovaniia i uchebno-metodicheskie razrabotki* [Intelligent Studies in the Humanities: Research and Educational and Methodological Developments], V. S. Memetov (ed.), Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 16—41.
- Memetov, V. S., Sadina, S. S. (2008) *Kurs “Intelligentovedenie”* [Course “Intelligence Studies”], *Intelligentovedenie v sisteme gumanitarnykh nauk, issledovaniia i uchebno-metodicheskie razrabotki* [Intelligent Studies in the Humanities: Research and Educational and Methodological Developments], V. S. Memetov (ed.), Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 195—205.
- Memetov, V. S., Usmanov, S. M. (2012) *V labirintakh tekhnogennoi tsivilizatsii* [In the labyrinths of technogenic civilization], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 108—113.
- Memetov, V. S., Iurkin, N. G. [Yurkin, N. G.] (1999) *K voprosu o sootnoshenii poniatii “biurokратиia” i “intelligentsia” v rabotakh K. Marksa i F. Engel’sa* [To the question of the relationship between the concepts of “bureaucracy” and “intelligentsia” in the works of K. Marx and F. Engels], *Intelligent i intelligentovedenie na rubezhe XXI veka: itogi proidennogo puti i perspektivy* [Intellectual and intellectual studies at the turn of the XXI century: the results of the traversed path and prospects]: tezisy dokladov X mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, posviashchennoi Valeriiu Sergeevichu Memetovu. 22—24 sentiabria 1999 g., Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 163—166.

- Memetov, V. S., Iurkin, N. G. [Yurkin, N. G.] (2013) Listaia stranitsy zhurnal... (Osnovnie tendentsii sovremennogo intelligentovedeniia) [Leafing through the pages of the magazine. (The main trends of modern intellectual studies)], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], pp. 105—119.
- Mezhvuzovskie nauchnye tsentry v intellektual'nom i obrazovatel'nom prostanstve postsovetskoi Rossii (materialy kruglogo stola) (2014) [Interuniversity research centers in the intellectual and educational space of post-Soviet Russia (materials of the round table)], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 30—46.
- Nekotorye sovremennye voprosy analiza rossiiskoi intelligentsia: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* (1997) [Some contemporary issues in the analysis of the Russian intelligentsia], V. S. Memetov (ed.), Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Oleynik, O. Iu. [Oleynik, O. Yu], Memetov, V. S. (1997) *Intelligentsiia, emigratsiia, otechestvo: problema patriotizma v tvorcheskom nasledii predstavitelei rossiiskogo zarubezh'ia 20—30-kh godov XX veka* [Intellectuals, emigration, fatherland: the problem of patriotism in the creative heritage of representatives of the Russian diaspora of the 20-30s of the XX century], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi energeticheskii universitet.
- Problemy sotsial'no-politicheskogo razvitiia rossiiskogo obshchestva: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov* (1992) [Problems of the socio-political development of Russian society], V. S. Memetov (ed.), Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Solodovnichenko, L. Ia., Shimel'fenig, O. V. [Solodovnichenko, L. Ya., Shimelfenig, O. V.] (2014) Kompleksnyi fenomen shkoly intelligentovedeniia professora V. S. Memetova [Complex phenomenon of the school of intellectual studies of professor V. S. Memetov], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 52—70.
- Soskin, V. L. (1996) K otsenke sostoianiia sovremennoi istoriografii sovetskoi intelligentsii [Assessment of the state of modern historiography of the Soviet intelligentsia], *Rossiiskaia intelligentsiia na istoricheskom perelome. Pervaia tret' XX v.* [Russian intelligentsia at a historical turning point. First third of the twentieth century]: tezisy dokladov i soobshchenii nauchnoi konferentsii, 19—20 marta 1996 g., St-Peterburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, pp. 3—6.
- Za eti gody slozhilos' neskol'ko pokolenii intelligentovedov...: (interv'iu E. M. Raskatovoi s V. S. Memetovym) (2014) [Over the years, several generations of intellectuals have developed...: (interview by

- E. M. Raskatova with V. S. Memetov)], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 9—29.
- Zolotarev, O. V. (2020) Osnovatel' intelligentovedeniia [Founder of Intelligence Studies], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 33—41.
- Ziablikov, A. V. [Zyablikov, A. V.] (2020) Chelovek slova i postupka [Man of word and deed], *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1, pp. 23—28.

Baldin K. E. The official position of the medical intelligentsia of Ivanovo-Voznesensk at the turn of the 19th — 20th centuries, *Intelligentsia and the World*. 2021, no. 1, pp. 30—49.

In the context of the pandemic, that has engulfed the world presently, scientists' interest in the history of medicine in different historical periods is growing. The role of doctors in the life of society at different times and in different countries, in particular in pre-revolutionary Russia, becomes very relevant topic now.

The purpose of the article is to identify and summarize the main features of the official position of the medical intelligentsia in Ivanovo-Voznesensk — large industrial city in Russia at the turn of the 19th — 20th century. The purpose is realized through the following tasks: to determine the special education, received by the medical intelligentsia; to analyze the algorithm of assignment of ranks to doctors in pre-revolutionary Russia; to characterize the features of the service of medical intelligentsia in wartime; to study the reward system for doctors. The author used special methods of historical research — historical-systemic and historical-comparative methods.

Doctors depended on the state machine, being partially embedded in it. The extent of this dependency was different. Doctors of the state department depended entirely on it, while the situation of city and Zemstvo doctors looked freer, local governments usually was sympathetic to the needs of health care and most often did not skimp on the payment of doctors. Factory doctors felt not so free, because they depended on the whims of private entrepreneurs. It should be taken into account, that doctors often worked at several jobs, for example in the city hospital, in the factory reception and in school at the same time. During the wars, all doctors, regardless of their official position, considered themselves mobilized and honestly performed patriotic duty.

Keywords: medical intelligentsia, Russian province, higher medical education in Russia, factory doctors, Zemstvo and city doctors, doctors of the state department, «Table of Ranks», award system in the Russian Empire.

References

- Efremov, D. D. (1898) *Kratkii otchet za 25-letie Ivanovo-Voznesenskogo real'nogo uchilishcha (1873—1898 gg.)* [Brief report for the 25th anniversary of the Ivanovo-Voznesensk real school (1873—1898)], Ivanovo-Voznesensk: [bez izdatel'stva].
- Gosudarstvennaia sluzhba v Rossii v XIX — nachale XX v.* [Public service in Russia in the 19th — early 20th centuries], available from <http://myl-ektsii.ru> (accessed 14.05.2020).
- Otchet po bol'nitse dlia masterovykh i rabochikh v g. Ivanovo-Voznesenske za 1910 g. s prilozheniem kratkikh istoricheskikh svedenii za 50 let ee sushchestvovaniia* (1911) [Report on the hospital for artisans and workers in Ivanovo-Voznesensk for 1910 with the attachment of brief historical information for 50 years of its existence], Ivanovo-Voznesensk: [bez izdatel'stva].
- Otchet po Ivanovo-Voznesenskoj gorodskoj bol'nitse imeni H. I. i E. O. Kuvaevykh za 1914 g.* (1915) [Report on the Ivanovo-Voznesensk city hospital named after Kh. I. and E. O. Kuvaevs for 1914], Ivanovo-Voznesensk: [bez izdatel'stva].
- Otchet po Ivanovo-Voznesenskoj gorodskoj bol'nitse imeni H. I. i E. O. Kuvaevykh za 1915 g.* (1916) [Report on the Ivanovo-Voznesensk city hospital named after Kh. I. and E. O. Kuvaevs for 1915], Ivanovo-Voznesensk: [bez izdatel'stva].
- Pamiatniki i memorialy Ivanovo* [Monuments and memorials in Ivanovo], available from <http://ivanovograd.ru/memorials.htm> (accessed 16.05.2020).
- Zhurnaly ocherednogo Shuiskogo uezdnogo zemskogo sobraniia 1871 goda* (1871) [Journals of the next Shuisky district zemstvo assembly of 1871], Vladimir: [bez izdatel'stva].

Erlihson I. M. The concept of civil order and freedom in late publicism in H. Filding, *Intelligentsia and the World*. 2021, no. 1, pp. 50—68.

The author addresses the problem of power relations in the era of criminal justice reform, presented in historical narratives, taking into account the socio-cultural context and realities of Great Britain in the 18th century. The fight against crime during this period was haphazard in terms of both

funding and organization. This, together with the critical attitude of various sections of British society regarding the use of militarized forces to maintain civil law and order, reduced the effectiveness of law enforcement mechanisms and, accordingly, led to an unprecedented increase in crime, which has become a popular area of public discourse.

The subject of the analysis is the intellectual heritage of Henry Fielding, dating back to the turn of 1740—50, when the outstanding playwright and novelist served as Justice of the Peace of Westminster and Middlesex. The uniqueness of H. Fielding's position is that his rich experience in the field of political journalism and jurisprudence allowed him not only to fight London crime, but to develop the ideological and conceptual foundations of British law enforcement practice.

Application of special historical and source study methods (biographical, historical synthesis, discourse analysis, interpretation of texts and sources) to H. Fielding's treatises that are little studied in Russian historiography ("Appeal to the Grand Jury", "The True State of the Bosavern Penleza Case", "Research into the causes of increased crime"). Allowed us to come to the following conclusion. Speaking from the position of an apologist for the British constitution, H. Fielding believed that it was the state that was the guarantor of civil law and order and argued for the need to create a state structure with a monopoly on the exercise of functions to control crime.

Keywords: H. Fielding, D. Fielding, Great Britain, 18th century, Cicero, crime, justice of the peace, police.

References

- Barsukov, A. Iu. [Barsukov, A. Yu.] (2017) Tsiklicheskaia dinamika prestupnosti skvoz' prizmu tsiklov pravovogo i ekonomicheskogo razvitiia [Cyclic dynamics of crime through the prism of cycles of legal and economic development], *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], no. 3, pp. 251—255.
- Browning, R. (1982) *Political and Constitutional Ideas of the Court Whigs*, Baton Rouge, London: Louisiana State University Press.
- Fielding, H. (1751) *An Enquiry Into the Causes of the Late Increase of Robbers etc. with Some Proposals for Remedying this Growing Evil*, London: Printed for A. Millar, opposite to Katharine-street, in the Strand.
- Fielding, H. (1988) *An Enquiry Into the Causes of the Late Increase of Robberies and other Robberies* / ed. by M. R. Zirher, Oxford: Clarendon Press.

- Fielding, H. (1989) *Izbrannye sochineniia* [Selected compositions], perevod s angliiskogo V. A. Kharitonova, Moscow: Hudozhestvennaia literatura.
- Godden, M. G. (1910) *Henry Fielding. A memoir including newly discovered letters and records with illustrations from contemporary prints*, London: S. Low, Marston & co. ltd.
- Hanway, J. (1780) *The Citizen's Monitor: shewing the necessity of a salutary police, executed by resolute and judicious magistrates, assisted by the pious labours of zealous clergymen, for the preservation of the lives and properties of the people, and the happy existence of the state*, London: [without publisher].
- Lawrence, F. (1855) *The life of Henry Fielding with notices of his writings, his times and his contemporaries*, London: A. Hall, Virtue & co.
- Moral Panics, Social Fears, and the Media: Historical Perspectives* (2013), ed. S. Nicholas, T. O'Malley, New York: Routledge.
- Rogers, N. (2007) *The Press Gang: Naval Impressment and Its Opponents in Georgian Britain*, New York: Continuum.
- Rogers, P. (1984) *Genri Filding. Biografiia* [Henry Fielding. Biography], perevod s angliiskogo V. A. Kharitonova, Moscow: Raduga.
- Snell, E. (2007) Discourses of criminality in the eighteenth-century press: The presentation of crime in *The Kentish Post*, 1717—1768, *Continuity and Change*, no. 22, pp. 13—47.
- Voogde, de P. J. (1981) *Henry Fielding and William Hogarth. The correspondence of the arts*, Amsterdam: Rodopi.
- Ward, R. (2014) *Print, culture, crime and justice in 18th century London*, London: Bloomsbury Academic.

Vyazinkin A. Yu. “Democratic Realism” by Walter Lippmann, *Intelligentsia and the World*. 2021, no. 1, pp. 69—81.

The article attempts to reconstruct the formation of the worldview of the American political thinker Walter Lippmann at the stage of the formation of the concept of “democratic realism”. The author explores various aspects of Lippmann’s “democratic realism”. First, presents the analysis of theoretical justification by the thinker of the idea of limited democracy. The polemical position of the philosopher John Dewey on “democratic realism” more clearly represents Lippmann’s critical position on the basic foundations of classical democracy. The author of the article concludes that the basis of Lippmann’s “democratic realism” is the skeptical attitude of the thinker to the human nature. Secondly, presents the analysis of the influence of the elitological theories of I. Babbitt, J. Santayana, R. Michels and G. Mosca

on the formation and development of Lippmann's "democratic realism", especially on his concept of expertocracy. In this matter, Lippmann, despite the risk to fall into authoritarianism, which some classic elitology thinkers did not escape, remained true to the American political tradition, which focuses on the inviolability of economic freedom of the individual, to protect free market relations.

The author concludes that Lippmann's "democratic realism" was the concept of rationalizing a democratic political process based on the authority of intellectuals and experts, on the principles of hierarchy and order, while preserving individual freedom, and opposing collectivism, idealism and radicalism in politics.

Keywords: Walter Lippmann, John Dewey, "democratic realism", conservatism, neoliberalism, elitism.

References

- Adams, L. L. (1977) *Walter Lippmann*, Boston: Twayne Publishers.
- Babbitt, I. (1986) *Literature and the American College*, Washington, DC: National Humanities Institute.
- Batalov, E. Ia. [Batalov, E. Ya.] (2014) *Amerikanskaia politicheskaia mysl' XX veka* [American Political Thought of the XX century], Moscow: Progress-Traditsiia.
- Chomsky, N. (2004) *Hegemony or Survival. America's quest for global dominance*, New York: Henry Holt.
- Dessi, G. (2014) Lippmann and Santayana, *Limbo*, no. 34, pp. 31—45.
- Diggins, J. P. (1991) From Pragmatism to Natural Law: Walter Lippmann's Quest for Legitimacy, *Political Theory*, vol. 19, no. 4, pp. 519—538.
- Dewey, J. (2002) *Obshchestvo i ego problemy* [Society and its problems], perevod s angliiskogo I. I. Miurberga, A. B. Tolstova, E. N. Kosilovoi. Moscow: Ideia-Press.
- Dewey, J. (2003) *Rekonstruktsiia v filosofii. Problemy cheloveka* [Reconstruction in Philosophy. Human problems], perevod s angliiskogo, posleslovie i primechaniia L. E. Pavlovoi. Moscow: Respublika.
- Frumkina, R. (2006) Uolter Lippman: svobodnyi kollektivizm! [Walter Lippmann: Free Collectivism!], *Sotsial'naiia real'nost'* [Social reality], no. 4, pp. 123—124.
- Goodwin, C. D. (2014) *Walter Lippmann: Public Economist*, Cambridge: Harvard University Press.

- Lasch, Ch. (2002) *Vosstanie elit i predateľ'stvo demokratiï* [The uprising of the elites and the betrayal of democracy], perevod s angliiskogo Dzh. Smiti, K. Golubovich. Moscow: Logos, Progress.
- Lippmann, W. (2004) *Publichnaïa filosofïa* [Public Philosophy], perevod s angliiskogo I. I. Miurberga. Moscow: Ideia-Press.
- Lippmann, W. (2004) *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion], Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie".
- Michels, R. (1962) *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*, New York: The Free Press.
- Moska, G. (1994) Praviashchii klass [The ruling class], perevod s angliiskogo T. N. Samsonovoi. *Sotsis* [Sociological research], no. 10, pp. 187—198.
- Oslon, A. (2006) Uolter Lippman o stereotipakh: vypiski iz knigi "Obshchestvennoe mnenie" [Walter Lippmann on stereotypes: extracts from the book "Public opinion"], perevod s angliiskogo T. V. Barchunovoi. *Sotsial'naïa real'nost'* [Social reality], no. 4, pp. 125—141.
- Pechatnov, V. O. (1994) *Uolter Lippman i puti Ameriki* [Walter Lippmann and the ways of America], Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Stanley, W. B. (2005) Social Studies and the Social Order: Transmission or Transformation?, *Social Education*, vol. 69, no 5, pp. 282—286.
- Steel, R. (1999) *Walter Lippmann and the American Century*, New Brunswick: Transaction Publishers.
- The Papers of Thomas Jefferson* (1950), J. P. Boyd (ed.), vol. 2, 1777 tu 18 June 1779. Princeton: Princeton University Press.

Dudarenok S. M. Unconventional Religions and Far Eastern Intellectuals in the 1990s, *Intelligentsia and the World*. 2021, no. 1, pp. 82—102.

The last decade of the 20th century marked the beginning of profound changes in the ideological orientations and worldviews of Russians. In the 1990s, the attitude towards religion, its place in everyday and social life changed significantly. The revival of religious and church traditions is no longer perceived as an unusual, surprising and alarming phenomenon. The religious factor has become so active and influential that ignoring it has become almost impossible.

The purpose of the article is to try to identify the role of non-traditional religions in the ideological orientations and worldviews of the Far Eastern intelligentsia in the 1990s. The study's source base consists of two

equal parts: the author's field diary, based on the included observation of activities conducted by representatives of non-traditional religions, meetings with missionaries, visits to religious communities of non-traditional religions, both individually and with students of the DVSU between 1989 and 1996, and the author's personal archive; the second part of the sources — publications in the media, internal literature of non-traditional religions, materials of the current archives of the departments of relations with public and religious organizations administrations of the Far Eastern Federal District.

The methodology chosen by the author for this study includes a comparative analysis that highlights the most significant problems in the «religion-intellectua» relationship; Identification of objective and subjective reasons for the growth of interest of the Far Eastern intelligentsia in non-traditional religions in the early 1990s and the decline of this interest after the adoption of the “On Freedom of Conscience and Religious Associations” (1997).

The spread of non-traditional religions of domestic and foreign origin in Russia is the result of sudden and profound sociocultural changes of the late 1980s and early 1990s, which gave rise to a sense of pessimism, futility of life, and a sense of fragility of the surrounding world. This was felt most acutely by young people and intellectuals, who were acutely faced with the question of finding the “new foundations” of their individual existence.

The God-seeking boom, which took over thousands of Far Easterners in the early 1990s was originally aimed at finding the foundations of its individual existence and “true” faith in Orthodox communities. It was their inability in the early 1990s to meet the “spiritual needs” of the God-hunters that led to the that a certain part of the Far Eastern intelligentsia and students began to seek support for their individual existence in various pseudo-religious groups and non-traditional religions, whose beliefs after the adoption of the Religious Freedom Act (1990) and the “discovery” of Vladivostok began to be actively distributed in the Far East by missionaries of neighboring countries.

The author concludes that the decline in interest in non-traditional religions among the Far Eastern intelligentsia is connected with the process of self-determination, the search by the intelligentsia for the “new” foundations of individual existence. By the end of the 1990s, the process of religious self-identification was almost over. In the worldview of the Far Eastern intelligentsia began to prevail cultural-national-religious self-identification, even non-believers self-identified themselves as Orthodox, as carriers of the cultural tradition of the Russian people;

Keywords: non-traditional religions, new religious movements, intellectuals, students, Far East of Russia, missionaries.

References

- Balagushkin, E. G. (1999) *Netraditsionnye religii v sovremennoi Rossii. Morfolozhicheskii analiz* [Non-traditional religions in modern Russia. Morphological analysis], Moscow. Institut filosofii Rossiiskoi akademii nauk, chast' 1.
- Barker, A. (1997) *Novye religioznye dvizheniia. Prakticheskoe vvedenie* [New religious movements. A practical introduction], St. Petersburg: Russkii Khristianskii gumanitarnyi institut.
- Dudarenok, S. M. (2004) *Netraditsionnye religii na Dal'nem Vostoke: istoriia i sovremennost'* [Non-traditional religions in the Far East: history and modernity], Vladivostok: Dal'nevostochnyi universitet.
- Dudarenok, S. M. (2015) *Religiia, tserkov', veruiushchie na rossiiskom Dal'nem Vostoke v kontse XIX—XX veka* [Religion, church, believers in the Russian Far East at the end of the XIX—XX centuries], *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii* [Dialogue with time. Almanac of Intellectual History], iss. 50, pp. 368—397.
- Golobkova, Ia. A. [Golobkova, Ya. A.] (2011) *Dvizhenie "Falun'gun". Vzgliad so storony* ["Falun Gong" movement. View from the outside], Khabarovsk: Khabarovskii pogranichnyi institut FSB Rossii.
- Habbard, L. R. (1992) *Doroga k schast'iu* [Way to Happiness], [bez mesta].
- LaVey, A. Sz.] (1996) *Sataninskaia bibliia = The Satanic Bible*. Moscow: Unholy Words, Inc.
- Pavlikhina, A. N. (2002) *Konfessional'naia situatsiia v Amurskoi oblasti na sovremennom etape* [Confessional situation in the Amur region at the present stage], *Mezhkonfessional'nye otnosheniia na Dal'nem Vostoke Rossii na rubezhe tysiacheletii* [Interfaith relations in the Russian Far East at the turn of the millennium], Vladivostok: Dal'nevostochnyi universitet, pp. 18—24.
- Poslednii Zavet* [The Last Testament] (1996), St. Petersburg: Tserkov' Poslednego Zaveta.
- Trofimchuk, N. A. (1997) *Novye religioznye dvizheniia: Poniatiia, kriteriia* [New religious movements: Concepts, criteria], *Religiia i politika v sovremennoi Rossii* [Religion and politics in modern Russia]: sbornik statei, N. A. Trofimchuk (ed.), Moscow: Rossiiskaia akademiia gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii, pp. 57—65.
- Vladimirov, D. A., Lapin, N. N. (2001) *Tserkov' Ob'edineniia i ee deiatel'nost' v Primor'e* [Unification Church and its activities in Primorye], *Istoricheskii opyt osvoeniia Dal'nego Vostoka* [Historical experience in the development of the Far East], Blagoveshchensk, vypusk 4, etnicheskie kontakty, pp. 392—398.

Ignatieva E. A., Shmatov M. Yu. Images of socio-political transformations in the USSR in the foreign expatriate press (1929 — late 1930s), *Intelligentsia and the World*. 2021. no. 1, pp. 103—122.

The article is devoted to the analysis of materials of the expatriate periodicals of the interwar period, dedicated to political transformations in the USSR. The research focuses on the problem of the emigre images of the USSR, its people, the intelligentsia, the possibilities of communication abroad with them in order to influence the fate of the country. The press is analyzed as a social institution and a tool for the formation of an information picture and ideological attitudes. For the analysis of mass sources of periodicals (primarily information and journalistic materials), methods of content, discourse and intent analysis are used, which make it possible to study the content, thematic features of texts and the practical goals of their creation. The views of socialist, liberal, conservative émigré authors on the “key” events in the process of the formation of the socio-political model of Stalinism: “The Great Break” and the massive political campaigns of the second half of the 1930s are studied. Conclusions are made about the close relationship of personal experience and political and worldview positions of the authors with the picture of events they form. A significant interest of the emigre intelligentsia in the fate of the Soviet intelligentsia was established, with a significant pluralism of views on the mission of the intelligentsia in the USSR: from participation in constructive transformations to servile interaction with the totalitarian regime.

Keywords: emigration, periodicals, press, mass media, intelligentsia, images, content analysis, discourse.

References

- Baudrillard, J. (2015) *Simuliakry i simuliatsiia* [Simulacra and simulation], perevod s frantsuzskogo A. Kachalova, Moscow: Postum.
- Danilov, V. P. (2002) Agrarnye reformy i agrarnye revoliutsii v Rossii (1861—2001) [Agrarian reforms and agrarian revolutions in Russia (1861—2001)], *Rossiiia v XX veke: Reformy i revoliutsii* [Russia in the XX century: Reforms and revolutions]: in 2 vol., Moscow: Nauka, pp. 20—37.
- David-Foks, M. (2020) *Peresekaia granitsy: modernost', ideologiiia i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soiuze* [Crossing Borders: Modernity,

- Ideology and Culture in Russia and the Soviet Union], perevod s angliiskogo T. Pirusskoi, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [About grammarology], perevod s frantsuzskogo i vstupitel'naia stat'ia N. Avtonomovoi, Moscow: Ad Marginem.
- Filtzer, D. (1998) Stalinism and the Working Class in the 1930s, *Politics, Society and Stalinism*, J. Channon (ed.), London: The School of Slavonic and East European studies, pp. 163—184.
- Fitzpatrick, Sh. (2001) *Stalinskie krest'iane. Sotsial'naia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnia* [Stalin's peasants. Social history of Soviet Russia in the 30s: the village], perevod s angliiskogo L. Iu. Pantinói, Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia.
- Fitzpatrick, Sh. (2008) *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: city], perevod s angliiskogo L. Iu. Pantinói, Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina.
- Foucault, M. (2019) *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tiur'my* [Discipline and Punish: The Birth of a Prison], perevod s frantsuzskogo V. Naumova, Moscow: Ad Marginem.
- Getty, A. (2016) *Praktika stalinizma: Bol'sheviki, boiare i neumiraiushchaia traditsiia* [The Practice of Stalinism: Bolsheviks, Boyars and an Undying Tradition], perevod s angliiskogo L. Iu. Pantinói, Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia.
- Gregory, P. (2008) *Politicheskaiia ekonomiiia stalinizma* [The political economy of Stalinism], perevod s angliiskogo I. Kuznetsova, A. Markevicha, 2-e izd., Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina.
- Hoffman, D. (2018) *Vzrashchivanie mass. Modernoe gosudarstvo i sovetiskii sotsializm, 1914—1939* [Raising the masses. Modern state and Soviet socialism. 1914—1939], perevod s angliiskogo A. Tereshchenko, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Ivniitskii, N. A. [Ivniitskiy, N. A.] (1994) *Kollektivizatsiia i raskulachivanie (nachalo 30-kh gg.)* [Collectivization and dispossession (early 30s)], Moscow: Interpraks.
- Kheifets, M. (1992) “Sotsialisticheskii vestnik” i “sotsialisticheskaiia» strana [“Socialist Bulletin” and the “socialist” country], *Evrei v kul'ture russkogo zarubezh'ia* [Jews in the culture of the Russian diaspora: collection of articles. Art., publications, memoirs and essays]: sbornik statei, publikatsii, memuarov i esse, sostavitel' M. Parkhomovskii [M. Parkhomovskiy], Ierusalim: [bez izdatel'stva], iss. 1, pp. 203—218.

- Khlevniuk, O. V. [Khlevnyuk, O. V.] (2010) *Hoziajn. Stalin i utverzhenie stalinskoi diktatury* [Master. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship], Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia.
- Malia, M. (2002) *Sovetskaia tragediia: Istoriia sotsializma v Rossii, 1917—1991* [Soviet Tragedy: The History of Socialism in Russia. 1917—1991], perevod s angliiskogo A. V. Iurasovskogo i A. V. Iurasovskoi, Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia.
- Malykhin, K. G. (2017) “Velikii perelom” nachala 1930-kh gg. v SSSR i Rossiiskaia sotsial-demokratiia: otsenki i prognozy [“The Great Turning Point” of the early 1930s. in the USSR and Russian Social Democracy: Estimates and Forecasts], *Novoe proshloe* [A new past], no. 2, pp. 151—164.
- Ortega y Gasset, J (2002) *Vosstanie mass* [Rise of the masses], perevod s ispanskogo A. Geleskul, Moscow: AST.
- Pocheptsov, G. G. (2001) *Teoriia komunikatsii* [Communication theory], Moscow: Refl-buk, Vakler.
- Polian, P. M. [Polyan, P. M.] (2005) Emigratsiia: kto i kogda v XX veke pokidal Rossiiu [Emigration: who and when left Russia in the XX century], *Rossiiia i ee regiony v XX veke: territorii — rasselenie — migratsii* [Russia and its regions in the XX century: territory — settlement — migration], O. Glezer [O. Gleser] i P. Polian [P. Polyan] (ed.), Moscow: OGI, pp. 493—519.
- Sovetskaia derevnia glazami VChK — OGPU — NKVD, 1918—1939: dokumenty i materialy* (2003) [Soviet village through the eyes of the Cheka—OGPU—NKVD. 1918—1939: documents and materials]: in 4 vol., A. Berelovich, V. Danilov (ed.), vol. 3: 1930—1934 gg., b. 1, Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia.
- Timasheff, N. (1946) *The Great Retreat*, New-York: Dutton.
- Tragediia sovetskoii derevni: kollektivizatsiia i raskulachivanie, 1927—1939 gg.: dokumenty i materialy* (2000) [The Tragedy of the Soviet Village: Collectivization and Dekulakization, 1927—1939: Documents and Materials]: in 5 vol., V. Danilov, R. Manning, L. Viola i drugie (ed.), vol. 2: Noiabr’ 1929 — dekabr’ 1930 g., sostaviteli: N. Ivniitskii [N. Ivniitskiy] i drugie, Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia.
- Velikanova, O. (2018) *Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936*, Denton: Palgrave Macmillan.
- Viola, L. (2010) *Krest’ianskii bunt v epokhu Stalina: Kollektivizatsiia i kul’tura krest’ianskogo soprotivleniia* [Peasant revolt in the era of Stalin: Collectivization and the culture of peasant resistance], perevod s angliiskogo A. V. Bardina, Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia.

Smirnov G. S. “Global Professor” in the Mirror of Methodological Suprematism: Russian Representation. Review to: Class of Russian professors. Creators of statuses and meanings: collective monograph / trans. from German K. Levinson; trans. from Polish D. Dobrovolsky; E. A. Vishlenkova, I. M. Savelyeva (ed.) Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2013. 386 p., *Intelligentsia and the World*. 2021, no. 1, pp. 123—131.

The genre of “reflection on the book” in the “review” section has both pros and cons. Cons are related to the fact that “you can not embrace the immense”, it is impossible to tell about what is specifically said by each author in the collective monograph (this leads to the fact that the reader suddenly feel the desire to get acquainted with the book). Pros are manifested in the fact that the “concrete-historical” book always want to “look from above” from the actual modernity (and this causes the reader the need to argue, to build a “different conceptuality”). In other words, the pros and cons are attracted. The main message of “reflection on the book” is connected with the fact that the university Russian professor is always in the grip between the state of the intelligent and the intellectual, it is a struggle for identity, an attempt to get out of the already established historical standards. The synergistic methodological paradigm and post-non-classical picture of educational (noospheric) reality permeate the mosaic narrative that underpins the professorial universe. As it has now appeared, the professor turned out to be not only a knowledgeable space, but also an information field, for which the fate of the “computer-processor” programmed from the outside is inadequate, as it always appears as a “professor-processor” of the forward-looking reflection. The book on the estate of Russian professors, therefore, aims not only at historical understanding, but also a fundamental rethinking of the whole mission of the scientific community in reforming Russia — it raises the question of the acquisition of a modern “class of Russian professors” global positive identity for survival in the nascent information (and, in fact, noospheric) humanity.

Keywords: university history, intelligentsia, intellectuals, university Russian professor, universal evolutionism, methodological suprematism, “professor-processor”, synergistic methodological paradigm.

References

Galimov, E. M. (2013) *Ob akademike V. I. Vernadskom (k 150-letiiu so dnia rozhdeniia)* [About Academician V. I. Vernadsky (on the occasion of his 150th birthday)], Moscow: Nauka.

Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov: kollektivnaya monografiia (2013) [The estate of Russian professors. Creators of statuses and meanings: collective monograph], perevod s nemetskogo K. Levinsona; perevod s pol'skogo D. Dobrovol'skogo; E. A. Vishlenkova, I. M. Savel'eva [I. M. Savelyeva] (ed.), Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.

Evseev V. A. Giakomo Soranzo — Professional Diplomat of the Early Modern Era: Review to: *M. V. Tretyakova*. Diplomatic activities of the 16th century Venetian noble Giakomo Soranzo. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2018, *Intelligentsia and the World*. 2021, no. 1, pp. 132—139.

The review is devoted to the book by M. V. Tretyakova “Diplomatic activities of the 16th-century Venetian nob Giakomo Soranzo”. The history of the 16th century Venetian Republic involves addressing a wide range of issues. One of them is devoted to diplomacy as an area of activity of the Venetian Nobility. This first chapter gives a brief history of the Venetian foreign policy in the second part of the 16th-century. The second chapter are examined the peculiarities of venetian diplomatic service. The next chapter is devoted to the diplomacy as a sphere venetian Nobility. This chapter also gives a brief history of the Soranzo clan. These three chapters lead to the main objective of the study, which is considered in the fourth chapter. In this chapter, M. V. Tretyakova, based on an analysis of Giakomo Soranzo's reports, describes his activities as an ordinary ambassador to the courts of European sovereigns — in England, France, Germany and under the papal throne in Rome. Separately, the author of the peer-reviewed book stops at consideration of two extraordinary diplomatic missions Giakomo Soranzo in Constantinople, which were associated with the events at the court of the Turkish sultan. In conclusion, the author concludes quite rightly that Giakomo Soranzo was a professional diplomat and a typical representative of the Venetian Nobility.

Keywords: Giakomo Soranzo, Venetian Nobility, 16th-century, the peculiarities of venetian diplomatic service.

References

Tret'iakova M. V. [Tretyakova, M. V.] (2000) Franchesko Sorantso — vensianskii patriitsii XVI veka [Francesco Soranzo Venetian diplomat of the 16th century], in: *Chelovek XVI stoletiiia* [16th century man], Moscow: Institut vseobshchei istorii Rossiiskoi akademii nauk, pp. 35—47.

- Tret'iakova, M. V. [Tretyakova M. V.] (2011) *Franchesko Soranzo kak predstavitel' venetsianskoi diplomatii* [Francesco Soranzo as a representative of Venetian diplomacy], Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing.
- Tret'iakova M. V. [Tretyakova, M. V.] (2018) *Diplomaticheskaiya deiatel'nost' venetsianskogo nobilia XVI veka Dzhakomo Soranzo* [Diplomatic activity of the Venetian noble of the XVI century Giacomo Soranzo], Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet.

Smirnov D. G. Russian scientific conference with international participation “Russian Regional University: informatization, digitalization, humanization”, Ivanovo, December 11—12, 2020, *Intelligentsia and the World*. 2021, no. 1, pp. 140—154.

The material provides an overview of the Russian Scientific Conference with international participation “Russian Regional University: Informatization, Digitalization, Humanization”, which took place on December 11—12, 2020 at Ivanovo State University. The place of the conference in the intellectual history of the university is determined, the content continuity with the previous scientific events is fixed. The formal dimension of a scientific event is described — the size, geography, interdisciplinary component. The “structure” of the conference is revealed, the subject area of its components is outlined. The interrelation of the conference events is shown, its concept is designated as a system-forming property. Information on the sections, discussions, round tables included in the conference program is summarized. Ideas grata, or selected ideas are presented, which determined the relevance and novelty of the problems and issues raised at the conference, which may well be considered as the foundation stones not only for a new paradigm of university design, but also for a new policy in the field of higher education. The interdiscursive nature of the formulation and solution of issues related to regional higher education is reflected. The noospheric orientation of university modeling and construction within the framework of the scientific and educational community is fixed, when a regional university appears as an institutional expression of the intellectual history of the region and the country as a whole. Recommendations are formulated for improving the transformational model of regional higher education, which is thought of as a guarantee of the stability of the territory — the place of development of human quality. The decisions of the conference, discussed at the expert session, are presented in the form of imperatives-recommendations to federal and regional authorities. It is concluded that there is a need for permanent “diagnostics” of the system of higher (including regional) education in the framework of a politically

unbiased understanding of transformational realities — informatization, digitalization, humanization, consumerization, and distancing.

Keywords: regional university, informatization, digitalization, humanization, limits of growth, university construction, extreme education, digital dementia, human quality, university collaboration, ecological university, noospheric university.

References

- Smirnov, G. S. (2010) Pervyi ivanovo-vozneshenskii filosof (k stoletiiu professora Nikolaia Pavlovicha Antonova) [The first Ivanovo-Voznesensk philosopher (to the centenary of Professor Nikolay Pavlovich Antonov)], *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia: Gumanitarnye nauki* [Ivanovo State University Bulletin, series: Humanities], iss. 2, pp. 3—8.
- Smirnov, G. S. (2020) Etazhi regional'nogo vysshego obrazovaniia [Regional higher education floors], *Noosfernye issledovaniia* [Noospheric research], iss. 3, p. 3.
- Smirnov, G. S. (2020) Kak ne zabludit'sia v trekh sosnakh: vozmozhen li regional'nyi renessans universitetskogo obrazovaniia? [How not to get lost in three pines: is a regional renaissance of university education possible?], *Noosfernye issledovaniia* [Noospheric research], iss. 4, p. 3.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.eeol.com).

Реквизиты журнала

ISSN 1993-3959

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41533

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

1. К публикации принимаются статьи, материалы круглых столов, сообщения, рецензии. Рекомендуемый объем статьи и материалов круглых столов 30—40 тыс. знаков (до 1 авторского листа), в исключительных случаях до 45 тыс. знаков. Объем сообщения примерно 20 тыс. знаков (0,5 авторского листа), рецензии 10—15 тыс. знаков. Материалы представляются в электронном виде в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14, через 1,5 интервала.

2. Материалы принимаются по адресу, указанному на сайте журнала (http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/intelligentsia/), а также по следующим адресам: int_i_mir@mail.ru, vlchernoperov@rambler.ru, orvozi@rambler.ru.

3. Комплект документов должен состоять *из двух файлов*:

3.1. Первый файл — собственно статья, материалы круглых столов, сообщение или рецензия. Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

статья, материалы круглых столов, сообщение, рецензия — в правом верхнем углу указывается ББК;

на следующей строке по центру — на русском языке инициалы и фамилия автора / авторов,

на следующей строке — **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ**, полужирным шрифтом название работы.

Статья должна иметь следующую структуру:

введение с обязательными и указанными в тексте рубриками — *актуальность, постановка вопроса, методология и методы исследования* (приветствуются также краткие историографический и источниковедческий обзоры);

основная часть (приветствуется разделение на смысловые разделы);

заключение, в котором подводятся итоги исследования.

Материалы круглых столов, сообщения или рецензии строгой внутренней структуры не имеют.

Сноски в статье, сообщении или рецензии концевые со сквозной нумерацией. Список сносок располагается после текста под названием «**Примечания**».

Библиографическое описание литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008.

В примечаниях следует применять сокращенное библиографическое описание источников: автор / авторы, название, место и год издания, страницы, отсылающие к конкретному месту источника.

В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

Дополнительные рекомендации:

- переносы в тексте только автоматические;
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- следует соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса);
- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., С. 258—259.

3.2. Второй файл должен содержать следующие части:

3.2.1. На русском языке:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- заголовок статьи;
- аннотация объемом не менее 200 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы;
- ключевые слова (не менее 10);
- «Библиографический список».

Описание литературных источников оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. Библиографический список включает только использованную литературу и формируется по алфавитному принципу. Сначала идут работы на русском языке, затем — на иностранных. Для переводных изданий необходимо указывать авторов переводов. В выходных сведениях для книг обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует. В «Библиографический список» не включаются архивы и газеты.

3.2.2. На английском языке:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация объемом не менее 200 слов, которая должна включать обоснование проблемы, постановку вопроса, описание методологии и методов исследования, базовые выводы;
- ключевые слова (не менее 10);

3.2.3. В транслитерации:

Библиографический список — «References».

Для составления «References» необходимо провести транслитерацию работ, изданных не на латинице. При транслитерации следует пользоваться системой, принятой Библиотекой Конгресса США (Library of Congress). Правила перевода с кириллицы на латиницу см.: <https://translit.ru/ru/lc/> или www.convertcyrillic.com/Convert.aspx.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) в «References» сначала приводится транслитерация автора, названия работы, журнала или названия сборника статей по системе Library of Congress, затем [в квадратных скобках] — перевод названия работы, журнала или сборника статей на английский язык (в книгах транслитерируются и названия издательств).

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в «Библиографическом списке» и в «References».

В «References» порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления «Примечаний», «Библиографического списка» и «References» приводятся на сайте журнала.

4. Не допускаются к публикации в журнале «Интеллигенция и мир» тексты:

- содержащие ранее опубликованный материал;
- с оригинальностью текста при проверке на антиплагиат менее 75 %;
- представленные без соблюдения правил оформления публикации;
- авторы которых отказываются от технической доработки публикации;
- авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензентов или аргументировано не опровергают их;
- представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

5. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей без ущерба для их содержания и авторского стиля.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2021. № 1

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *Э. В. Кромер*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.03.2021 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 11,63. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 100 экз.
Заказ № 38. Цена свободная

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Факс: (+7920) 672-03-68. E-mail: int_i_mir@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Генезис

Формирование

Деятельность

Типология

**Представлены
основные направления
интеллигентоведения**

**Роль
в современном
обществе**

**Сущностные
черты**

*Основан в 2001 году
Выходит ежеквартально*

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России



ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР